

18+

16+

АЛДР САГ

ВОЙНА, КОТОРОЙ
НЕ БУДЕТ?

Александр Геннадьевич Алдр Саг Война, которой не будет?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42793220

SelfPub; 2019

Аннотация

Повесть начала века – Маленькое этакое фэнтези, донесшееся с тонкого, а может статья, плоского мира. Почти придуманной реальности, почитай, благополучно соседствующей с нашей. Короче, короткая эпопея о тамошней войне, которая, возможно, когда-нибудь закончится. Действие разворачивается на фоне прихода новой эпохи, рождению которой предшествуют тяжелые схватки. Каждый герой связан с другими персонажами только стремлением выжить, а для этого там почему-то требуется убивать.

Содержание

21 ВЕК. (КРАТКАЯ ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ)	28
ПИШПЕК	36
МАЙОР НАЦИОНАЛЬНОЙ АДЖИКСКОЙ АРМИИ ВАСЬКИН В. А.	43
АКМОЛСТАНА. 13 ЧАСОВ СПУСТЯ.	77
ОКРАИНА г. АЛМАТЫ. 33 ЧАСА СПУСТЯ.	84
АКМОЛСТАНА. ПРИМЕРНО ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ.	106
МАЙОР БЫВШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АДЖИКСКОЙ АРМИИ ВАСЬКИН В. А.	110
ВАШИМГТАУН. КРАТКАЯ ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ.	135
БЫВШИЙ МАЙОР ВАСЬКИН В. А.	141
ВОЙНА. КРАТКАЯ ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ	203
СТАРШИНА	207
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Оборотная сторона обложки

Повесть начала века – Маленькое этакое фэнтези, донесшееся с тонкого, а может стать плоского мира. Почти придуманной реальности, почитай благополучно соседствующей с нашей. Короче, короткая эпопея о **тамошней** войне, которая возможно когда-нибудь закончится. Действие разворачивается на фоне прихода новой эпохи, рождению которой предшествуют тяжелые схватки. Каждый герой связан с другими персонажами только стремлением выжить, а для этого **там** почему-то требуется убивать.

Автор против насилия, против войны, против разжигания межнациональной и межконсессионной ненависти, но все это присутствует **там**.

Произведение, несомненно, талантливое и каждый читатель сможет отыскать в тексте, что-то не особенно понравившееся или особенно не представившееся допустимым нормальному восприятию. Сие творение, как и все шедевры, адекватно воспринимается только повторным прочтением, поскольку очень грузят всяческие бесполезные ссылки и достойные автора комментарии.

Несмотря на то, что труд явно графоманский – отсутствуют классические завязка, кульминация и развязка, зато в изобилии всяческие слова паразиты, существенным плюсом

сей написанины является то, что в связи с безвременным уходом автора из литературы, нет необходимости ждать продолжения.

Как оценил творение один уважаемый автором критик: – «Це моя любимая туалетная книга, поскольку сюжет так держится, что не надо напрягаться – чо тама было ранее».

А тута эсчо и свербится мысля о развитии взаимоотношений с соседними друзьями и недругами. Чиво нам кажется и хто есть ху.

Форзац или на заденей обложке

Автор родился в конце середины пятидесятих годов прошлого века. Как бесполезно перечислять его занятия, (от электромонтера до главного инженера и от учителя истории до повара, (боже, кому мы вверяем наших чад?)), так и бессмысленно перечислять его «творения», типа известного только ему романа-утопии «Гиперборей» и толи затерявшейся при издании и не напечатанной, толи вовсе ненаписанной псевдоэпохоисторической трилогии «Вначале».

Пока есть люди изморившиеся серостью будней обязательно сыщется приколист изрыгнувший очередное пророчество. Воплощение их в реалию, как явление машиах (мес-

сии) иль воскрешение рыцарей круглого стола, весьма вероятно, но только другими приколистами, типа апостолов Луки с марками иль каких вагантов с баянами. Храни же нас от Кассандр.

История весьма правдивая, – все случайные совпадения или имеющие место похожие события только подтверждают это утверждение.

Автор

Продолжительность времени зависит от нашего настроения, размеры пространства обусловлены нашим сознанием.

Хун Цзычен

ГЛАВА XIX

В почти всегда один и тот же кошмар Васькина неожиданно ворвалось новое ощущение, которое едва не направило весь еще ненаписанный роман в несколько другую сюжетную линию. Но, к сожалению нашего не героя, это были уже не грёзы.

Трепещущая юная плоть жарко прижималась к его довольно еще не впалой, слегка волосатой груди. Майор замычал от охватившего вожделения и... проснулся. К нему под одеяло действительно забралась местная девчонка. Угловатым своим тельцем, с нерасцветшими в полную силу

персями, она елозила по его торсу, а руками неумело пыталась освободить от плена поношенных кальсон отозвавшееся мужское естество. Вовчик с превеликим трудом заставил себя оттолкнуть кызбалу¹. «Куда ты лезешь, тебе и шестнадцати, наверное, еще не исполнилось? Подрости сначала куртизанка фигова». Слетев на пол, от незначительного толчка, маленькая девушка гневно затараторила. Мол, многие ее сверстницы уже родили по первому ребенку, и раз уж он заплатил за нее калым, значит она его законная жена. Всем известно, что мужчины делают с женами. С трудом, понимая ее болтовню, Вовчик хотел ответить, что правоверные кызымки² никогда не заберутся к мужу в постель. Будут безропотно ждать, пока их не накроют с головой простыней имеющей специальную прорезь. Никак не вспомню названия данного аксессуара, но не в том суть. Существенно, дырка аккурат над тем местом, которое никак не для удовольствия дано бабе, а только для продолжения рода. И не о каком таком калыме не в курсе. Ну платил чего-то ее отцу. Дак то за предоставленную во временное пользование халупу и коммунальные услуги в виде одной из представительниц многочисленного потомства дашнака. А что дешево, так и апартаменты – глинобитный сарай с топчаном и дочерей при перечислении отпрысков, здесь, так принято, не считают....

¹ Кызбала (на тюрских языках) – девочка. – Здесь и далее несколько верные примечания автора.

² Кызымка (то же) – женщина

Но такая тирада на недостаточно глубоко постигнутом языке требует определенного сосредоточения мыслей. А мыслить – значит существовать? Но иногда как раз хочется немного не существовать.

Вовчик решительно порешил, – сил для разборок у него недостаточно. Изморено отмахнувшись, как от мелкой назойливой мухи, отвернулся недовольной мордой к стенке. В завершение столь напряжных действий он, натянув на голову одеяло, снова мгновенно уснул.

Впервые, за столь дней и ночей, этот не демобилизованный, но по всем статьям уже бывший офицер почивал в почти кровати. Можно бы поношенному организму и чуток расслабиться. Только все равно, вроде и глубокий сон его был беспокойным, издерганным. Вновь во сновидении падали на полном скаку кони, с лязгом доспехов и хрустом ребер подминая под себя седоков. И предсмертные вопли бойцов тонули в грохоте сходящегося в немыслимой ярости железа. Снова на поле, по щиколотку залитом месивом из крови, грязи и фрагментов различных конечностей, с остервенением кромсали люди друг друга. Рвали медными гладирами, ржавыми зазубренными саблями, каменными топорами, штыками автоматов, зубами, наконец. Сам он, раздавленный и захлебывающийся собственной рвотой, пытался прокусить чью-то ногу, обутую в грязный кирзовый сапог. И его голени, немного прикрытые бронзовыми поножами, кто-то яростно драл разбитыми зубами.

Пробуждение было почти продолжением кошмара. В комнату шумно влетела приобретенная за копейки жена. Возбужденно щебеча на аджико-иргизско-пуштунском и еще черт знает каком диалекте, швырнула потрепанное, но пахнущее настоящей горной прохладой свежестыранное белье. Едва проснувшееся сознание не воспринимало большую часть сказанного. Но главное, хоть и практически отставной майор, но уразумел – в аул приехали чужие солдаты.

Вовчик потягиваясь и нарочито неспешно облачаясь, спросил, как о самом обыденном:

–

Ну и сколько этих цириков

³

приперлось?

–

Ой, много-много, больше чем пальцев на руках, – сверкая бусинками глаз, из которых вот-вот хлынут слезы, ответила девчушка.

Майор, изображая грозный вид, рявкнул: – Не реви, а то поколочу, отвечай быстро: на чем приехали? Сколько начальников?

Девочка, услышав в первый раз окрик от этого странного расейского, струхнула еще больше, и только часто-часто захлопала своими длинными ресницами. Из карих глаз все же

³ Вообще-то цириками называются монгольские солдаты, бывший майор видимо что-то перепутал.

проскользнули первые слезинки, предвестники в самом ближайшем будущем если не водопада, то ливня – точно. Поняв, более ничего путного от пацанки все равно не добиться Васькин махнул рукой:

–

А иди ты..., в тугаи

4

. Спрячься до вечера.

Была б другом, посыл был бы короче в своей конкретности. А тут все ж жена, приходится растолковывать. А была бы расейской супружницей, то вообще могла не понять – подробно переспросить скалкой аль чем под руку подвернется.

Бывший командир осторожно выскользнул за дверь и замер на несколько секунд, заставляя глаза привыкнуть к яркому свету, зыбким маревом плещущимся над этим, не по сезону, раскаленным миром. Принюхался словно хищный зверь, и с его же грацией почти бесшумно взлетел на невысокую глинобитную крышу⁵. При этом как-то умудрился сразу прихватить все свое барахло: снайперскую винтовку с глушителем, скорострельный пистолет-пулемет и одну противопехотную гранату.

Стараясь не слишком высовываться, он разглядел неподалеку припаркованный старинный пикап «Пекин» под вы-

⁴ Тугаи – заросли густого и частенько чертовски колючего кустарника.

⁵ Называется шатр хоть и совершенно плоская. А мы грим шатровая кровля....

цветшим тентом, а возле него суетящихся людей в камуфлированной форме. Подумал, так вовремя подвернулась сколь непригожая, столь пригодная машинка. И народец рядом немногочисленен и расслаблен. Губами прошелестел: – Не вспомню, какой из мудрецов высказался, мол для солдата лучший способ выживания в бою, держаться подальше от боя. Но мы уже не числимся в солдатах. Не поставили задачу чего-то защищать не щадя. Всегда лучше бить первым. Вот как спецназ. Из под тишка, нежданно-негаданно словно снег на голову. Только причём тут белый и пушистый, когда падает.... Не суть, чо из кого выпадает. Существенно для мя, свято чтить защитить собственную шкуру от всяческих повреждений. Медалек и нашивок за ранения несовместимые с продолжением жизненного цикла не дождешься.... Чего только не сморозишь, когда совершенно не с кем поговорить. От общения только с собой таким, не побоюсь этого слова... и мысли достойные его же приходят..... Ну хватит бздеть и оттягивать задуманное. А то оно раздумает....

Оно и верно, какой еще дурак один против оравы врагов пойдёт, если не в кино? Каждый «настоящий мужик», где-то глубоко внутри себя, может сигать не хуже Сигала и всем «плохим парням» каак Вам дам, но это глубоко внутри. В натуре, небольшую компанию поддатых подростков лучше обойти подальше. – «А может они вовсе и не такие плохие, хоть и громко матерятся и пристают к прохожим». Выше инстинкта самосохранения, по дедушке Фрейду, только

инстинкт половой, но он молчит, когда тебя на полу пинают ногами. Однако, коли ты болен на всю голову, то могут проснуться и совершенно неприемлемые сознания. Зачем, например, волк, в лесу не убивающий больше чем может сожрать, забравшись в овчарню, «порезет» всех безобидных овец? Каков тут смысл? Ааа, месть человекам, они такие уроды лысые, сами нормально, в единстве с природой не живут и другим не дают. Но еще и любой хищник, даже и тот самый лысый, пьянеет от запаха крови⁶. Пусть в первой может и стошнит.

Вот и Вовчик когда-то захмелев подобным образом, уже не может остановиться, хоть «резать» нужно не безобидных овец. Сейчас, ну прям пьяный бред, он бормочет: – А в натуральном и целом позиция очень удобная, пятерых можно снять сразу. Можно эту падлу и подло. Только все ли туточки. Не скажешь ведь: кто не спрятался – я не виноват. Как раз сам себе и виноватый, коль сховавшийся пальнет в спину. Вот бы вложил кто – где ж затерялись остальные? Ау, Павлики Морозовы, отзовитесь? Не спешат с ответом. Таки спешка нужна только при..., да и там все одно ужо чешется....

Но не будем прислушиваться к чьим-то бредням, лучше, эдак вмеру расслаблено, позрим со стороны.

Военных по всем прикидкам имелось всего-то с десятков. Первым движением Васькина было распотрошить наруши-

⁶ Но случается в природе, что зашуганный заяц, вовремя упав на спину, мощным ударом задних лап может порвать глотку вошедшему в раж волчаре.

телей спокойствия из своего миниатюрного, только на вид, автомата. Но где-то еще сохранившееся благоразумие подсказало, торопиться следует неторопливо. Расстояние великовато для скорострельного, но короткоствольного «Норинко», а к винтовке всего-то четыре патрона. К тому же нет никакой гарантии, что все джуни на виду. Так и есть. Вон, двое выходят из дома «нового» бая, который сколотил свое, приличное по местным меркам, состояние не только торговлей наркотой, весьма распространенной в здешних местах⁷.

Вовчик знал этот двор и дом. Когда-то давно, в прошлой жизни, господа офицеры частенько отоваривались там воюю-

⁷ Этот заработал свою денежку, может быть, более легально, но уж точно не менее страшно. Он нанимал, читай, покупал, по окрестным селам у вечно многолетней бедноты молодых женщин и грудных детей. Кызымка шла от двух до пяти баксов за голову. Бала – сосунок оценивался в зелененькую бумажку номиналом в один таллер Гегемонии. «Новый бай» и ему подобные отправили целую армию своих соплеменников заниматься сбором милостыни по всем необъятным просторам бывшей Империи. На студеном полу подземных переходов, на продуваемых всеми ветрами перекрестках, зарабатывали рабыни с младенцами на руках целые состояния своим хозяевам, пользуясь сердобольностью расеян. Взамен же от хозяев получали побои, если выручка казалась недостаточной. Зачастую, рано утром хозяин пинками не мог поднять молодую женщину. Ее вечно зябнущее, истощенное наркотой и постоянным недоеданием тело окоченело навсегда. Не каждый, даже родившийся в страшной нищете горных аулов, способен выдержать спертого воздуха помещения, переполненного такими же полутрупями – жилища, зачастую лишенного каких либо санитарных и прочих удобств. Женщина, лет пятнадцати, выдерживала год или три. Если же ей повезло не умереть, а вдруг бы посчастливилось вернуться на родину, рожать она все равно уже не могла. Напичканные наркотиками младенцы, уже не способны были горланить, а то и просто есть, – отработывались в течение полугода.

чей, недостаточноградусной аборигенной абрикосовой самогонкой.

Усердствуя быть незамеченным, бывший майор пробрался к задней стене этого караван-сарая, на возвышении которой грелся, невесть откуда взявшийся в этих местах, серый облезлый кот. Бывший офицер довольно ловко взобрался на невысокий глинобитный забор. Кот, оценив допустимый допуск в расставившемся расстоянии, только равнодушно зевнул. Во дворе полудремала огромная среднеазиатская овчарка. Волкодав был super стар и мудр, поэтому при виде незнакомца не залаял, а только вздыбил шерсть на загривке и грозно оскалил зубы: – Sapienti sat⁸, а дураку, чо вздумает сунуться, можно и оторвать какой либо лакомый кусманчик. Вовчик сразу припомнил свою последнюю встречу с такой же собачкой, которая едва не закончилась для него плачевно. Уместившись поудобнее на дувале⁹, Васькин снял с предохранителя снайперскую винтовку, патрон уже в патроннике. Бросил взгляд через оптический прицел на невероятно широкий лоб псины. Проворчал про себя, глупо стрелять вот так почти в упор, – это ж просто расстрел получается. Да и жаль такого красивого пса. Не время и не место уговаривать зверя, но всё же опустил оружие. Вперился в зрачки далекого потомка Цербера¹⁰. Человек не был уверен, что собака возъ-

⁸ Умному достаточно (латынь).

⁹ Дувал – восточный глинобитный забор.

¹⁰ Если кто забыл, то это трехглавый пес охраняющий вход в Аид (царство

мет да подчинится взгляду, но если ты до кончика искренен, то любое животное, и даже некоторые женщины, тебе поверят, а возможно и поймут. Умная тварь низко наклонила голову и глухо рычала готовая броситься на пока недостижаемого врага. Но, престарелый кобель, хоть и был подслеповат, хорошо разглядел белесо-голубые глаза нарушителя покоя, в которых не отражалось никаких человеческих чувств. Не было ни в них, ни в наличисвующем море запахов естественного для всякого чужака страха. Зато жутким холодом просвечивала смерть. Нет, не просвечивала, не то слово. Во, для пса – разила, да что там – просто смердела. Прочитав в мыслях незнакомца, тот не отступит, действуют сейчас силы в бой с которыми не его собачье дело ввязываться, пёс нервно зевнул и, глухо поворчав для порядку, неторопливо протиснулся в свою конуру. Наверняка в его лохматой башке пронеслось, – Эх, вот был бы помоложе, достал и наказал пришельца, порвал в «хотдог» т.е. собачью сосиску или сосисочью горячку. Как правильно то? А, не важно, все равно попробовать такое только в Псовом Раю. Но, даже и туда, в таком возрасте торопиться не хочется, – помирать надо молодым.

Вот так-то лучше, – подумал Васькин. – Это не твоя война.

К тому ж и характерный хлопок выстрела, даже приглушенный глушителем, опытное ухо ни с чем не спутает. Впрочем, достойные слухачи они где-то в «Карнеги Холл» (пра-

вильно написал?) иль в полубанде Спивакова, а никак не с «Фабрики», но вдруг-да найдется списанный с сонара суб-марины. Нет, тут с подлодки вряд ли. По всем прикидам здесь просто подлые. Но мы, хоть далеко не лучшей судьбы, стрелять в последних друзей человека не станем. Лучше расстранжирить патроны на нелюдей.

Осторожно, бочком пересекая пространство, на которое вдуг да могла дотягаться собачья цепь, Вовчик протиснулся к переднему двору, искоса поглядывая в сторону горящих глаз из ветхой будки. Кот же перестал жмуриться и впярил свой зелено-желтый взор на столь беспардонную особь из породы двуногих.

Перед домом, слегка переиначенного с претензией на псевдоевропейский манер, не шале, но чой-то шальное, сустилось несколько человек. Хозяин, невысокий, смуглый близко до эфиопости, о чем-то возбужденно спорил с двумя ханями. Вернее даже с одним, потому как второй, явно командир, ничего не понимал, только китайским болванчиком согласно кивал головой каждому из говоривших. Мимо них то и дело сновали солдаты, таскавшие из чулана под домом ящики армейского образца.

«Чой-то вещички больно знакомые, – подумал Вовчик. – Этот жулик, похоже, распродает имущество моего когда-то существовавшего в этих палестинах полка». Ворьё, словно икнув – кто-то помянул, направился с одним из заморышей солдатиков к калитке заднего двора. Вовчик отступил за

первую попавшуюся дверь одной из многочисленных клетушек. Здесь почти все пространство было занято подвешенной для просушки «культуркой» – отборной коноплей. Специфический аромат был настолько густ, аж закружилась голова.

Да тут моментально обкумариться можно до чертиков. До таких шустреньких и веселеньких, плюнешь на войну и все остальные мелкие неприятности. Воспрянешь затуманенной мыслью, да понесешься голым и счастливым по окрестным полям, распугивая встречную живность¹¹ – вяло проплыла мысль майора. – И как я такую гадость раньше мог курить, тут же не заметишь, как сдохнешь.

Но издохнуть под кайфом не пришлось. В этот же сарайчик ввалился хозяин с джуньским военным. Васькина распластавшегося в полумраке по стеночке они сразу не заметили. А тот, будь у него вагон и маленькая тележка времени начал бы соображать, как половчее выскользнуть в щель под хлипким притвором или затаив дыхание схватиться, прикинувшись пыльным мешком. Но, не только вагонов, а и игрушечных колясок не предвиделось и тогда что-то внутри сработало быстрее, в нужный момент, (так гнусно заведено), отсутствующей мысли. Ударом ноги в место чуть пониже спины, он протолкнул аджика в глубь его наркозачки. А солдатику, не успевшему повернуться лицом, десницей вцепился в плечо. Шуя, так и не выпустившая писто-

¹¹ Видимо вспомнилась Вовчику «Плаха» Чингиза Айтматова

лет-пулемёт, ухватила за шуплую шею локтевым сгибом. Вовчик, повинувшись не рассудку, а зверю, спрятанному в каждом из нас, со всех сил дернул вверх и чуть сторону. Глухо, но вполне ощутимо, неприятно хрустнули шейные позвонки. Квеляя плоть забила с силой, не предугадываемой в такой комплекции. Еще не вполне уверенный, что убил человека вот так просто голыми руками, майор еще крепче прижал к себе трепыхающееся тело. А туловище вдруг самым непотребным образом обделалось. Только почувствовав на коленях горячую влагу, просачивавшуюся сквозь поношенные штаны, майор чертыхнулся и оттолкнул ханя. Сработал таки приёмчик когда-то показанный прапорщиком погранцом, и впервые отработанный на живом материале. Как просто оказывается, если ты уже сам не человек. Не зря другой друг, прозывавшийся несправедливо оскорбительно Цыганом, предупреждал, не слушай старших, младших по званию, – они плохому научат.

Новоявленный труп упал, взбрыкнув в последний раз, так что пыль взметнулась мириадой искрящихся песчинок, заструилась клубами в узких полосках света пробивающегося в многочисленные щели.

Неспешно Вовчик повернулся к хозяину, еще не понявшему в чем собственно дело, но смуглость которого приобрела вдруг пепельно-серый оттенок – прошипел сквозь зубы: – «Будешь себя вести чуток потише, – проживешь ма-

лость подольше», – и подхватив мультук¹² бесшумно выскользнул на свежий воздух.

Хани перед домом все также мирно возились с чужим ба-рахлом. Майор, подкрадываясь, начал спокойно прикидывать, как половчее их отправить к их же прамати. Сперва из винтовки или же из автомата покрошить, аль сразу гранаткой побаловать, от которой, впрочем, шуму много, да толку с гулькин.... Но тут с неприкрытого тыла, с диким криком, из только оставленного сарая выскочил хозяин дома.

«Обкурился, видимо, – подумал Васькин, наблюдая, как на него несется этот джигит с жердью наперевес. – Вроде бы хорошо имперский язык понимал. Надо было на фарси предупредить, но теперь поздно об этом размышлять». Когда-то человек чуток поумнев взял палку. Приспособил ее, конечно, для того чтоб настучать другому человеку. Но прошли времена, и если чтоб настучать кому-то человек берет палку, то он глупо деградирует.

Одна только такая миниатюрная, всего-то 0,2953 дюйма пуля, выброшенная из столь невзрослого автомата, зажатого, к тому-же в неудобной правой руке, а остановила бегущего человека. Не просто застопорила, а откинула назад безобразно разворотив при этом всю грудь. Еще и обрывки легких довольно далеко разбросала по восточному таки прибранному двору. И вот тут неимоверно растянувшаяся секунда в

¹² Так местный народ называет дробовик, но здесь имеется в виду снайперская винтовка.

бешеном галопе сорвалась с места, увлекая за собой все последующие.

Все. Больше времени ни на какие раздумья не оставалось. Вернее и само такое понятие как время исчезло совсем. Перешло оно в какое-то другое измерение. Потому что бой длившийся по командирским наручным часам считанные минуты, можно осознавать и как несоизмеримо больший срок, и как одно мгновение. Чуть более секунды и откинута безжалостно в сторону так любовно оберегаемая снайперская винтовка, а в освободившейся руке возникла граната. Другая рука без всякой команды от центрального процессора нервной системы уже выдергивает предохранительное кольцо с чеки запала, самостоятельно приняв решение не выпускать при этом автомата. Пяток секунд и во дворе взрыв кромсает все, до чего дотягивается. Меньше секунды, как пролетели осколки, а уже вгрызаются в тела врагов пули, выпущенные на джуньском заводе, и по идее не предназначенные для своих соплеменников. Но пули не знают родства, им, вполне возможно, по барабану куда они полетят, только бы лететь дурам. Но важно, чтоб их выпускала умелая рука, тогда их предначертание исполнено.

Васькин, пригнувшись, движется через пространство, где четверо корчатся в предсмертных судорогах. Но один, тот самый командирчик, похоже, еще не успокоился. Каким-то боковым зрением Вовчик заметил, как костенеющая уже рука выцарапывает из кобуры пистолет. Пуля, навскидку, без

малейшего прицеливания перебивает запястье, словно прутик головку одуванчика. Вовчику некогда рассматривать отлетающую кисть успевшую схватить оружие, и лохмотьями свисающие белые пряди мяса... Откуда столько крови в такой холеной конечности, если капли разлетаются рубиновым фейерверком. Также и некогда задумываться, когда он вдруг научился так стрелять. Короткая перебежка и очередь из подхваченного на ходу китайского «Калаша», по солдатам возле пикапа на улице. Еще трое, полностью и не уяснивших происходящее, распластались в пыли на чужой земле, отброшенные смертельными ударами. Воевать они пошли, а воинами стать не успели.

Даже не боковым, а каким-то затылочным зрением угадывается движение за спиной. Мозг опять не успевает с командами. Тело самостоятельно отшатывается в сторону пытаясь изобразить то, что фигуристы почему-то обзывают тулупом. Да, в тулупе этого не исполнить, но падать в нем несоизмеримо мягче. Автомат с ходу выплевывает оставшиеся пару-тройку патронов, к счастью для того, кто сейчас завладел им, в цель. Цель – желторотый мальчишка, нет как раз только рот и не желтый, нелепо взмахивает руками, пытаясь так же как Васькин изобразить акробатический этюд. Но к исполнению этого пируэта его подталкивают маленькие латунные штучки со стальным сердечником, бессердечные – сволочи.

Завершения трюка досмотреть не удастся, поскольку из

кузова автомобиля на улице, бьет ответная очередь. Смерть проносится так близко, что, кажется, бреет щетину на щеках. Страх, да нет, страх давно уже поиздержался, вместе с остатками совести, – удесятеренный инстинкт вновь заставляет отшатнуться как раз вовремя.

«Ого, настоящий боец попался, только позиция его явно проигрышная». Майор отбрасывает АКМ со столь быстро опустевшим рожком и, стараясь не слишком высовываться из подворотни, вновь стреляет из неудобно болтающегося ремнем на вые «Норинко». Автомат, как словно помнит свою вину, и посылает свои оставшиеся пули так яростно, что они с искрами рвут непрочную жесть пикапа. Находят, видимо, они безглазые стрелка, потому нет больше ответных выстрелов. Но натыкаются слепые подлюги на какой-то бензопровод, или канистру с горючим. В чреве автомобиля глухо ухаает и почти сразу же начинает валить черный, ядовитый дым. Необходимое средство передвижения неотвратимо преобразуется в ненужный хлам. И к чему тогда вся кутерьма затевалась?

Бывший военнослужащий, а теперь человек без социального статуса, да и человек ли вообще, внимательно осматривает все поле брани. Не притаился ли кто-то недобитым. Сейчас бы покурить, спокойно притулившись в безопасном уголке. Но то только мысль из забытых времен, – курить, как ни странно, не хочется, пусть и бросил такое дело вроде совсем недавно. Пульс чуть учащенный, но ровный, не зашка-

лила доза адреналина в крови ровно и не убивал себе подобных. Просто выполнил неприятную, но привычную работу. Ну, а слегка запыхался, так от разряженного воздуха высокогорья, который не успевает вентилировать когда-то бездумно прокуренные легкие....

Бляха медная солдатская! А это что за гроб зелененький на колесиках притулился у стеночки ранее не наблюденный. Узрел бы допреж, никогда бы в теперяшнюю авантюру не сунулся. Вон с башенки пушечка прямо в лоб целится. Аж волосы от загревка и до самого зада встали дыбом. Было б кому бабахнуть, давно бы стал прибабахнутый. Нет вдрызг разбабахнутый. С прибабахом уже сейчас все нормально, поскольку этакую заварушку затеял, толком не оглядевшись. А ить должен был мозгой жулькнуть откель столь народу приперлось. Явно не на одном мелком грузовичке. Вот ведь верно, мол, дуракам прёт....

Из-за горящего пикапа достигает его невероятно обострившегося слуха негромкий стон. Осторожно, держась подальше, обходит Вовчик чадящее железо, зорко посматривая по сторонам. Улица немногочисленная в любое время, теперь вымерла, как, вон те трое, распластавшиеся в неестественных позах, но им неудобства это, похоже, не доставляет. Только у стены дувала, еще один незамеченный раньше, но это из-за образовавшегося металлолома, сидит раненый солдатик. Еще живой, но вряд ли жилец на этом свете. Что-то крепко вошло в его живот, и теперь громко всхлипывая,

мальчишка судорожно пытается руками удержать толчками вытекающую из него бурую кровь.

—

Не я тут первый придумал, мол жизнь нынче ничего не стоит, а солдатская вообще с минусовым балансом. Так что прости, парниша, но ты зря приехал сюда – говорит Васькин, и поднимает свой почти игрушечный автомат. Солдатик вряд ли знает расейский язык, но видимо понимает все и с суд

орожным вздохом зажмуривает глаза.

Только выстрела не последовало. Опять кончились противные, столь редко встречающиеся патроны. Тогда майор поднимает валяющийся рядышком, даже не снятый с предохранителя автомат ханя.

– Понимаешь, браток, в моей войне пленных не берут, потому умри легко, – изрекает майор, и резко досылая патрон в патронник, стреляет прямо в широко распахнувшиеся наполненные болью и укором глаза солдата.

Горячий воздух недолго звенит от выстрела, и вокруг по-прежнему тихо. Но нет, это не та тишина. Слышно теперь потрескивание чего-то тлеющего в кузове автомобиля, а можно дослушаться и до приглушенного женского и песьего воя, доносящегося из недр двора дома свежепредставившегося аджика. И так холодно вокруг, несмотря на далеко не прохладный, хоть и предзимний, но солнечный денек. И время, едва воспрянув из небытия, тут же заснуло в своем неров-

ном беге. Может и оно, и весь мир умер, как вот этот молодой солдатик с застывшим недоуменным трехглазым взором из другого мира, из потусторония. Эзотерическая философия всегда считала, у человека есть третий глаз, и тем, у кого он открывается, становятся доступны великие истины. Автоматная пуля оставила, как раз где вроде бы и надо аккуратную дырочку, но для поддержания основного, или вернее привычного для человека зрения, ее усилия оказались неправильными. Что она сотворила с затылком лучше, нормальному человеку, не рассматривать. Потому и застыли, как и весь мир вокруг, только что столь живые глаза. Мир, замерший в потухшем взоре, замер и вне его. Нет, еще есть подвижное и в этом измерении. Вот подошел наглый облезлый кот и равнодушно потерся кончиком хвоста по ногам победителя.

Вовчик, всегда любивший этих скотинок, почему-то едва удержался от пинка, вслух же хрипло пробормотал толи сам себе, толи коту:

– Похоже, в этом ауле мне больше не появляться. По крайней мере в обозримом будущем. Скорее всего, и не в этой жизни.... Ну, так что ж, цветочек на том вспаханном поле, где должна быть могила моих однополчан мысленно воткнул. Может быть, туда же, воткнут всех, которых здесь упокоил. Вот вроде вину перед своими, что еще жив, слегка загладил. А отплатить за всех... ну да не будем о том, что завтра. Там и нас не будет... вот сегодня, придется сматываться, даже

не пообедав. А помнится, моя маленькая жена.... Да жена, первая в жизни, пусть так и не расставшаяся с девственностью.... неплохо умела приготовить чего-нибудь почти съедобное из малопривлекательных для желудка местных продуктов. Но все равно вкуса пищи после контузии не различаю, перебыюсь противными китайскими концентратами.

Джуньский пикап все еще горел, как мечта о личном транспортном средстве, добавляя в привычное полуденное марево, своего смрадного жара. А сейчас еще напрягай последние мыслительные способности на то, что изобразить с бронетранспортером. Как в эту жестянку покакать, чтоб больше никому на ей покататься не всхотелось. Самому-то умения порулить неостанет, да и уж больно заметная. Нам бы поскромнее чего.... О, а у теперь уже бывшего хозяина этого дома аж несколько почти приличных машин. Но ему на них больше вряд ли приспичит покататься. Развее отвезут тут неподалеку до могильника. Знать можно без разрешения взять одну взаймы? Думаю, он не встанет возразить по столь мелкому поводу. Я мабудь, прихвачу его вот этот, оказывается слегка урчащий мотором, не слегка подержанный «форд». Ведь все вокруг слышал. Даже как через два дома отсель старик свою старуху в погреб загонял. А как этот мурлыкает не побачил. Он тута так удачно припарковался, что в этакой заморочке остался без заметных повреждений. Таковую, пусть старенькую, но счастливую тачку нельзя упускать. Это хоть не предел мечтаний типа джип «Чароки, очинь чирокий»,

но для местных дорог машина також подходящая, и всё оружие погрузить можно. То кто-нибудь из местных, не дай туземный бог, позарится на чужое добро, а потом хани найдут, и разбираться не станут, расстреляют прямо посреди своего двора.

21 ВЕК. (КРАТКАЯ ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ)

13

Судьба человечества – в руках человека.
Вот в чем ужас.

Владислав Гжечик.

Просвещенный мир благоденствовал. Наконец-то после стольких веков кровавой борьбы за место под солнцем и кусок хлеба пришла пора всеобщего умиротворения. Даже нищих бродяжек в умных странах нельзя назвать страждущими. Постхиппи пухнут не с голода, а с фастфуда и страдают только дурью. Ведут такой образ жизни в стонах, мол им не дают нормальной жизни, лицемерно скрывая, что только так и могут существовать. В любом людском сообществе есть отбросы, предпочитающие пожирать отбросы, впрочем хватает и различных страсотерпцев ловящих кайф от самобичевания.

Ныне ничто более не в силах потрясти устои единствен-

¹³ (можно и не читать, это ведь не наша реальность) (можно вообще ничего, никогда не читать, лет этак через дцать книги будут как сегодня, для большинства из нас папирусные свитки, т.е. интересны только узким специалистам) (так успевайте сегодня!).

но верной демократии, основанной на неприкосновенности и неподсудности капитала. Сытые рабочие перестали верить в коммунистических призраков бродящих по Европе. Основная часть населения, всяческие лакеи, еще лучше устроились. Да и что нормальному человеку (без броских отклонений в психике) нужно для удовлетворения. Важно ежедневно иметь, пусть и напичканную всякой непотребностью, но всёж съедобную пищу, якобы одобренную Минздравом, или каким-то там еще, таким же всезнающим и абсолютно безликим органом. Главное красиво упаковано. Души не чаешь в сардельках, так никогда не зри на процесс их изготовления. Sapient sat¹⁴ благоустроенных условий проживания, нетяжелой, почти достаточно хорошо оплачиваемой работы, развлечений сегодня и некоторой иллюзии уверенности в завтрашнем дне. Возникающая неудовлетворенность от такой жизни разве что сексуальная. В смысле – классический семейный секс всё более не удовлетворяет и обречен если не исчезнуть из нашей жизни, то притвориться извращенной экзотикой.

Грязную работу всегда готовы выполнить "грязные"¹⁵ изгои Арапии, которые только и умеют плодиться как кошки. Но с кошачьей сноровкой проникают все новые и новые ор-

¹⁴ Это уже пес его знает кто превел.

¹⁵ Арабы, европейцев обзывают грязнозадыми, потому как даже туалетной бумагой научились пользоваться сравнительно недавно, а про кунган, кувшин для подмывания в туалете, до сих пор не додумались.

ды их через все кордоны и запреты в благополучные страны. Там, как все сорняки, слишком быстро пускают корни. Взрачивают многочисленное и наглое потомство, неистребимое, словно крысы. Нет не прав деятель расшифровавший путаный бред посредственного лекаря Мишеля Нострадамуса, выдаваемый за пророчества. Мол, Европу в кровавой последней войне завоюют свирепые арапские орды. Вранье все дурные предвещения. Арапы просто постепенно ассимилируют изнеженных и потерявших потенцию еврипейцев. Так же и гордые римляне растворились без остатка среди варварских германских племён и теперь потомков Цезаря можно отыскать разве что среди Малдаван.

За океаном, под звездно-матрасным флагом, хозяева капиталов почувствовали себя полными властелинами мира. Более ничто не мешало проводить политику гегемонии единственно верного образа жизни. Вот едва лишь верно что правильного? Но, кто это там вякает? Любого несогласного, когда не получается задушить денежкой, можно практически безнаказанно ничтожить при помощи самой мощной и технически оснащенной армии. «Маньк», единственной настоящей демократии, стал единственной, (ну почти единственной), мировой валютой. Смешны “дядюшке Похэму” из Вашимгтауна потуги младших партнеров противопоставить этому факту какую-то единую евриепейскую валюту. По большому счету чепуха выше курс на несколько центов или ниже. В количестве сила Брат. Теперь Гегемония может

печатать свои деньги, как наклейки из-под «Кака-калы» или «Песпи» (кому как, но рознятся напитки только составляющими хим. реактивами), и почти никакой инфляции. Оперирова чужими валютами, всегда есть возможность вызвать их нестабильность. И тогда простое, не искушенное в финансовых аферах, население всех зависимых государств, т.е. практически всего мира, будет хранить денежки не в национальной нестабильной валюте. Гораздо надежнее, кажущиеся такими несокрушимо стабильными, зеленые бумажки¹⁶. И банки слишком многих стран будут с удовольствием поддерживать игру, получая основные и дополнительные прибыли от операций с перепродажей валют и обдирания заемщиков и вкладчиков на процентах при скачках индексов на малеванных денюжек¹⁷.

¹⁶ В России метко подметили, и стали называть их *УЕ*. С одной стороны это так похоже на дальний посыл, нецензурным словом, а с другой стороны, сокращение от термина – условные единицы. Проникнитесь сутью – *УСЛОВНЫЕ*. Не обеспеченные ни золотым фондом, ни хотя бы гарантией правительства печатающего оные.

¹⁷ А ведь ежу понятно, что назрела необходимость заменить красивые фантики (рубли, доллары, евро) сертификатами на реальные энергоносители. Ведь вся ценность бумажек держится только на доверии к государству, которое не раз обманывало, а допустим кубометр газа или киловатт электричества может стоить разное количество бумажек, но при этом останется кубометром или киловаттом. И если ты имеешь сотню, тысячу, миллион не в макулатуре, а в реальных (пусть и виртуальных) энергонах, то инфляция тебе побоку. А вот и нет – откуда тогда государству финансировать глоткозатыкающие программы по увеличению пенсий, пособий и зарплат бюджетников? Киловатт не нарисуешь как денежку. Да и тяжело понять простоватому населению суть, ведь киловатт не подержишь в

Одним из факторов обусловивших приход этого благоденствия «посвященного мира», явилось крушение «Империи Зла» – «SU» и её подневольных союзников. Темной силы, подобной новосказочному толкиеновскому Мордору. Страшной ужаси весьма жутко и неотвратимо влиявшей на сюжет данной реалии. Но очевидно столь же не реальной, потому как рассыпалась сама собой эта фантомная угроза, словно ночной кошмар с приходом санитара нашего неврологического отделения. Потом, из далёка, интересно понаблюдать, как многие республики из бывшего “Союза Нерушимого” стали ареной внутренних и внешних войн. Хоть есть чо в новостях посмотреть. А то оскомину набили пожары и наводнения почти без жертв.

Самая суровая диктатура при малейшем ослаблении власти сменяется анархией¹⁸. Это тысячелетиями невыученный урок истории. Империя Зла – была индустриальным гигантом. Тяжелая индустрия давила с центра на окраины и казалось, намертво сцепила организм государства. Едва ли не восемьдесят процентов этой индустрии было настроено на военное производство. А если нет нормальной реализации товара, (т.е. войны, которая все спишет) то такое производство обречено. Новый мир диктует новые реалии и рано или позже все гиганты гибнут под собственной тяжестью. Это пред-

руке, как красивую бумажку, чо спрятана в кошелёк, морозилку холодильника или хоть даже и на банковскую карточку.

¹⁸ Всякая анархия заканчивается диктатурой.

определено самой сутью существования на земле. Второй половиной этой сути является стремление стать гигантом, которого уважают. Тут диалектика с её единством и борьбой противоположностей. Мир, и это истина, утверждённая кем-то всевышним, не может быть однополярна, как и не может развиваться только по эволюции. Ему, время от времени, революции подавай. Это так же просто и необъяснимо, как если нет мяса, то гречневую кашу лучше употреблять с молоком, а вот рис хорош с овощами. Если кому непонятен тезис, то тогда – водку приятнее закусить хрустящим солёным огурчиком, а коньяк можно и шоколадом.

Правительства «Запада», признающие только будто бы ненасильственный путь развития, (как словно человек или даже целое правительство могут что-то решать), с сытым неодобрением взирали на происходящее по ту сторону бывшей «Чугунной жалюзи», время от времени изрекали никого не трогающие постановления и санкции. Иногда кидали голодным странам подачки из просроченных продуктов и поношенного тряпья, называемые гордо – «Гуманитарная помощь». Дикие суверенитеты всегда лучше воспитывать при помощи политики «кнута и пряника». Одним из действенных приемов в наше время становится приманить, словно дитяtko неразумное конфеткой, возможными кредитами. Конечно, получишь, но за проявленное послушание, называемое проведением политики демократизации общества. На самом деле политикой устранения возможной кон-

курении нашей идеологии, якобы культурным ценностям, а главное, промышленным товарам и продуктам не нашедшим более достойной реализации. Потом, эту подачку, конечно, надо будет вернуть и с процентами. Но потому они и неразвитые страны, раз не научились думать о завтрашнем дне. Да и не к чему им это. Для них лучший девиз: «Живи сегодняшним!»»

А что еще прикажете сделать для варваров не умеющих быть соответствующими современному миру. Миру, в котором, слава всевышнему, все нынче предопределено волей просвещенных государств.

Но по какому-то из гороскопов наступила эпоха водолея. Заблуждаются лжепрорицатели утверждающие приход мира и стабильности, расцвета талантов и высокой духовности.

(Для тех, кто подвержен чтению «лжеруководств на день» напоминаем, что Водолей воздушный, а значит не стабильный знак). Как у любой одухотворенной сущности, взлёты его сочетаются с глубокими кризисами. А почитающие историю знают, – кризисы предшествуют войнам.

Очевидно, грядет эра возрождающихся желтых народов. Расы многочисленной и самобытно талантливой, незаслуженно отодвинутой вертлявой историей на второстепенные роли. В свое время маленькая Нипония доказала, что может владеть и управлять большей частью Азии. Только выступление ее было несколько преждевременным. Слишком

сильны еще были белые царства. Практически погибла великая почти состоявшаяся империя. Сгинула, в частности, и от проверки человеками оружия самоуничтожения. Почила, едва появившись, но короткое блистание ее не прошло бесследно, поскольку явилась предтечей истинно великого мира и порядка, которые мечтает установить многохитростный гений «Подлунной Империи». Самой первой империи на земле, слегка потерявшей в водовороте времен, но не забытой своим народом, почитающим себя единственно полноценным. «Чистым», поскольку не подвержен ассимиляции и утрате этнической своеобразности духа. Эта империя пробуждается не для того только чтоб забрать под свое крыло Азию. Она мечтает выполнить заветы своего Великого кормчего и установить правление над всем будущим миром.

Кровавое зарево грядущих времен уже занимается на востоке.

(А я предупреждал, что в той, в параллельной реальности – совсем не весело. Толи дело у нам!)

ПИШПЕК

Война, это волк, и он может прийти к вашей двери.

Джордж Бернар Шоу.

Президент и Отец всех народов населяющих не самую маленькую, но бедную страну нервно расхаживал по бесценным текинским коврам, щедро устилающим полы его резиденции в Пишпекке. Уныние, нет скорее бессильная ярость, терзала его великую душу. Последнее время дела его семьи шли все хуже и хуже. Соседские кланы, кичащиеся древностью своих родов, все наглее скалят алчные пасти. Всем хочется урвать лакомый кусок власти. Не думают презренные, отойди он сейчас в сторону, отдай добровольно руководство, начнется такая свара, что реки крови затопят и без того разоренную республику.

А сколько эйфории было совсем недавно, когда эта власть, казалось, сама собой упала в руки от ставшего вдруг немощным хозяина. От огромной Империи, которую с глубоко скрытым презрением называли «Старшим Братом». Неуклюжего медведя, правившего временами так бесхитростно, так неумело, но жесткой и порою беспощадной дланью. И вот далеко теперь этот надсмотрщик со всеми своими кодексами и уставами. С мелочными придирками вплоть до того,

когда чего и сколько сеять. Рухнул его огромный дом. Терем, столь много лет пытавшийся сплотить непримиримое под одной крышей. Съехала эта крыша не оставив добрых воспоминаний. Прогнили нерушимые оковы и расползлись, как грязный лед на руслах арыков. Но что-то не заладилось и у свободных пишпеков. В аулах каждый бывший председатель колхоза возомнил себя независимым баем. На требование прислать в города продукты стонет, работать некому. И не просит, а требует: дай технику, дай горючее, дай денег – отучились за годы старой власти работать, мерзавцы. В городах еще хуже – заводы наполовину простаивают, ах, если б только наполовину. Нет денег на зарплату; нет запчастей к оборудованию; нет сырья, а главное – нет сбыта продукции. И опять – дай денег. Дай! С большим трудом находишь несколько плачевных миллионов сом на выплату задолженности по пенсиям, а они исчезают как вода сквозь корявые пальцы. До стариков доходят жалкие крохи. А те горько плачут – денег дай, помираем. Ну и сдохли бы, но на похороны опять же денег дай. И ко всему прочему проклятая война с аджиками. Когда-то давно, никогда не задумывающиеся о последствиях имперцы, разрешили нескольким аджикам и упекам поставить свои хижины на наших священных землях. И теперь аджики, которые уже много лет воюют между собой, решили эти земли объявить своей собственностью. На этой земле святые могилы наших предков, утверждают они, просто имперские чиновники неправильно нарисовали гра-

ницу. (И ведь верно, до пришествия Расеи и границ то никаких не было, как не было у пишпеков и досов городов). Якобы, исправляя теперь уже чужую ошибку, паршивые аджики ввели на территорию республики свои банды. Славная пишпекская армия одержала несколько побед, но для окончательного выдворения противника, генералы которых даже больше чем солдат, требуют технику, боеприпасы и опять же денег. Где бы их взять?

Конечно, на западе с удовольствием отпечатают те бумажки, которые только что родившаяся республика поспешила ввести вместо обесцененного импербля. Но для штамповки тениги, нужны настоящие деньги, нужна валюта. А добренький западный капиталист валюту не дает. Улыбается, обещает, но не дает, намекает на гарантии возвращения старых долгов. Бедная маленькая страна, почему она всем должна, а ей никто ничего не должен.

Кажется, еще только вчера большой заокеанский президент дружески хлопал по плечу, скалился блендаметной улыбкой и вещал о равноправном партнерстве. Только быстро прошло вчера, а сегодня даже посол его избегает встреч. Зато посольские клерки охотно якшаются с разной швалью именуемой оппозицией. Неужто предчувствуют скорое падение, вернее, того хуже, подготавливают ему, признанному народом, замену. Прочие богатенькие якобы независимые заполуденные страны, конечно, в тон хозяину, лыбятся отрепетированной гримасой, но живой валюты не обещают.

Расейский полуправитель, конечно, мечется, говорит об исторических узак и тому подобное. Только и в своем доме порядка навести не может. Вечно у него что-то взрывается или рушится, (им бы в президенты министра по чрезвычайным ситуациям). Самому постоянно не хватает денег, чтобы заткнуть недовольные рты. Сам со своей, когда-то непобедимой армией, не может справиться с горсткой одичавших горцев.

Только ханьский председатель Госсовета предельно откровенен. Но с чисто азиатской хитростью, говоря об уважении суверенитета, добавляет, в наше время полная независимость неосуществима. Да и существовала ли она вообще когда-то? В наше время всё и вся в какой-то мере взаимосвязаны друг то друга. Хань многообещающе заявляет о возможных валютных вливаниях, но подразумевает, что не видит перспективы нашей национальной экономики без всеобъемлемого сотрудничества и некоторого проверенного социалистического руководства. (Это видимо, надо понимать так, экономика вроде как наша, но руководящие сотрудники в ней его проверенные партийцы?) И, наконец, он говорит о практически неограниченном какими-то временными рамками правлении настоящего правителя (меня?) и его клана в республике, но не дает гарантий ныне существующего государственного статуса . Упоминает о глубокой исторической и культурной общности, но понятно, предлагается Пишпеку культурно и добровольно, пока добровольно, войти в буду-

щий большой джуньский союз. Сильной Поднебной стало тесно в своих привычных рамках, и она торопится, пока благоприятная обстановка, разрастись за счет остального мира. Вот для чего потребовалась ей дружба маленькой республики.

– Я, то есть, мы готовы обдумать уже сегодня и в конституционных рамках принять некоторые их предложения, но хотелось бы оговорить некоторые условия. Получить гарантии.

Только в ответ, хоть и слегка завуалировано, но посути: – понимаем всю важность раздумий. Особенно учитывая, что вне всяких условий и гарантий гарантируется условность вашего суверенитета. Трудности конституционного порядка существуют пока не даны новые толкования существующих параграфов. С сердечной улыбкой глава Джуньхуа вещал: – по нашему присловью бегущую курицу не ощипывают... пока ей дают возможность бегать! Сезон легкого бриза размышлений прошел. Может нынешние решения и кажутся жестким ветром, но это ничто по сравнению с грядущей бурей. А как она заденет маленькую республику, пока еще зависит от первого и в его же лице последнего президента.

Джунь торопятся. Вон поставили телефон красного цвета прямой связи с их столицей. Подними только трубку, и приятный девичий голос на пишпекском языке, причем даже без акцента, в любое время дня и ночи спросит с кем из членов правительства соединить? А почему, интересно, телефон красного цвета? У первого секретаря республики для

прямой связи с Кремлем был цвета слоновой кости, но называли его «красным».

Расхаживает президент по опустевшим в это время суток кабинетам и не с кем ему поделиться своими тяжелыми думами. Есть угодливые прихлебатели, которым можно ли доверять? Есть семья с бесчисленной родней, а в глазах всех затаенное – «дай». Вызвать бы сейчас пресс-секретаря Наташку, вот уж кто заставит пропотеть хоть на рабочем столе, хоть в постели, мигом все заботы отойдут куда-то далеко. Но попробуй, тронь сейчас эту сучку. Придет спросонья злая, как фурия, и не она тебя, а ты ее будешь, заискивая, ублажать за столь неурочный вызов. Умеет себя поставить, б..дь такая.

Можно поднять кого-нибудь другого, в смысле другую. У нас не Упекистания, у нас до «другого» еще не дошло. Только вот сумеет ли подняться президентское естество, обвисшее от тяжелых неразрешимых дум, а ханьский бальзамчик, не чета какой-то «Виагре», способный временно омолодить лет на двадцать, некстати закончился.

Почему, интересно, телефон красного цвета? Помню, когда был еще инструктором райкома комсомола, наш второй секретарь Леня Голубков, (вроде бы так его звали?), прикалывая, то ли к субботнику, то ли к какой-то демонстрации трудящихся, на лацкан пиджака красный бант, говаривал: – Дурак любит красное.

Странная пословица у расейцев про свой любимый цвет. И вообще, непонятны эти постсостоявшиеся имперцы, а са-

мое главное, в настоящий момент, ничем кроме пустых слов помочь не смогут.

Дрожащая от нервных переживаний рука так и тянется к красному аппарату. Уж лучше позвоню я, чем кто-то из моих врагов; или, что еще смертельнее, из моего ближайшего окружения.

МАЙОР НАЦИОНАЛЬНОЙ АДЖИКСКОЙ АРМИИ ВАСЬКИН В. А.

Жалко, что в лучшее мало так верится.

Куда ж он катится, гребаный вагон?

Народная застольная песня

– 1 –

Офицером Вовчик стал случайно и можно сказать, по своей дурусти. В свое время, чтобы не пойти по призыву в армию рядовым, он поступил в сельскохозяйственный институт. Конечно же, он не мечтал представить себя в качестве агронома, да еще и где-то на просторных пажитях в отдаленной сельской местности. Но конкурс на факультете практически отсутствовал, а военная кафедра в «Alma mater¹⁹» была. Это и решило выбор молодого оболтуса. Лучше быть абитуриентом, чем аббревиатура «СА²⁰» на погонах украшающих ненагруженные плечи. Не особо блистая в усилиях познать премудрости выращивания рекордных урожаев на

¹⁹ С латыни переводится приблизительно как «Мать наша». Так со средневековой древности студенты называли своё учебное заведение. Нынешние чаще говорят – Мать вашу.....

²⁰ Советитская Армия

колхозных полях, дотащился Васькин до окончания третьего курса. Вот тут судьба и наметила крутой поворот. Такая вот она извращенка, вращается то так, то эдак.

В общаге у однокурсников проводили небольшую пирушку касательно поводу получения незаконченного высшего образования. Некоторые штудиусы особо консервативные в отношении соблюдения студенческих обычаев, обмывали каждый экзамен и даже маломальский зачет по семинарам. Вовчик себя к таковым не относил. Он, как и почти каждый из нас, глубоко в себе, может и не совсем примерный, только все одно белый и пушистый. Но окончание самой длинной и трудной половины пути к диплому грех не отметить. Традиция это святое, можешь – не можешь, а соблюдать необходимо. Вот и соблюдали, до того, что почти все блюли. Упились, конкретно, неслабо и т.д. А лишние градусы, они, как известно, даже прямой угол тупят. И какому-то бесу стало угодно, чтоб Вовчик так по дурному влип в пренеприятную историю. (Человеку свойственно – лучше обвинить кого-то, хоть черта лысого, в своей дурости, чем признать эту самую дурость врожденной чертой). Короче, под конец сабантуя, более-менее тверёзые и почти реально воспринимающие события, отвалили. Но завсегда есть любители, требующие продолжения банкета. «Соображаловки» «стойкой» компании, были настолько пропитаны отравленными этиловыми парами, что как раз соображать были не способны. И еще, как говорят – пиво подошло к концу. Дальше он во всем вино-

ватый. В общем, неожиданно оформившаяся бандгруппа шутя, изнасиловала трех девчонок с собственного курса. Биксы²¹ хоть и выпили до потери сопротивления, но не до потери сознания, и кое-что из произошедших событий запомнили. Одна из подружек, нешуточная стерва, шутки не поняла и обратилась в милицию. Самое обидное, девочки-то были умеренно «положительные». Из таковых, которые по щедрости своей, почти никому не отказывали. Ложились поудобнее без того, что в высшем обществе именуется флиртом, т.е. без ненужных длительных уговоров. Да разобидело молчалку, очевидно, мало, да какое там мало, вообще не полагивали. К тому ж, еще навалились сразу впятером, включая сивушный перегар. На самом деле расположенных получить удовольствие, если не считать девиц, было даже меньше чем четверо. Вовчик, по причине перепоя и голову-то мог держать нетвердо. Он хоть и добросовестно пытался тыкаться туда-сюда, только ничем свою разомлевшую крайнюю плоть расшевелить не смог. Однако, групповой секс тем и хорош, что завсегда шлангануть можно. Поэтому, наш студент вскоре и вовсе уснул, классически уткнувшись головой в остатки колбасно-картофельно-зеленогорошкового салата, гордо именуемого «Оливье». Обидно, но от участия в групповухе этот факт вряд ли оправдывал.

Дело было хоть и яснее ясного, но тёмное последствиями.

²¹ (сленг). Они же чувихи, шмары, блягушки и т.д., самое редко встречаемое в словоупотреблении – девушки.

(По следствии дело передадут в суд, а уж как он повернёт? Слепая Фемида иногда даже очень зрит – кого казнить по полной, кого почти ласково щепнуть. Хотя нет шлепнуть, говорят (несведущие в истории), чаще при Сталине было. Ныне за богиню правосудия вякнем, – может и погладить, даже и не против шерстки.) Наверняка оно (Дело), после магарыча пострадавшей стороне и органам юстиции, могло еще завершиться как-нибудь тихо-мирно. Поэтому и арестовывать и изолировать от общества до окончания следствия никого не стали. Даже стандартную подписку о невыезде молодой следователь, видимо из тайного сочувствия парням, забыл взять. Вовчик же, не просто страшно перепугался, а готов был хоть какому богу истово молиться, чтоб преславуемая 117²² «лохматая» статья уголовного кодекса не искорежила его молодую и до сих пор довольно благополучную жизнь. Оно только попади туда, от чего не зарекайся, с такой статьёй, так точно раскорежат.

На расширенном семейном совете, Васькин младший открывал было рот, но поскольку все, что могло быть не свершено всёж недостойно, вот тварь, сотварилось, снова закрывал. Тут и без его вяканий произносилось много не самых добрых дядиных выражений. Впрочем, более лояльных, чем совсем уж на ять²³ отцовских слов, приумноженных ма-

²² Существовала в УК РСФСР действительном до 1997 года

²³ Ять – нет на клавиатуре такой буквы кириллицы, а так иногда хочется обозначить некоторые явления и события нашей действительности данной литерой. Вот

теринскими слезами. Тогда-то Вовчик твердил про себя, с пьянками и слишком доступными девицами завязал навсегда. Но кто по молодой горячности не давал невыполнимых обетов? Юность, она для того и дана, чтоб делать глупые ошибки, на которых научиться свершать те же промахи во взрослой зрелости.

Решение коллоквиума было однозначным – отправить Владимира от греха подальше – куда подальше. И отправился Вовчик в далекий и жгучий Аджикистан, в пехотное училище. Там начальником штаба был дядькин бывший собутыльник, ой сослуживец, и видимо хороший товарищ, поскольку тут же «пристроил» шалопаю курсантом.

Тогда был в моде лозунг – «Народ и армия едины». И неважно чего по этому поводу думает народ призывающийся в армию. Здоров и не хочешь учиться, значит можешь служить. Не хочешь служить, значит можешь сесть, туда где посидеть не дадут, а поседеть враз можно, но побрить все одно побреют.

Муштра в училище не лафа в гражданском институте, но

один знакомый вышел на пенсию, но поскольку ее всегда на прожить не хватает, то решил съэкономить за счет казенной кормежки. В больнице продержали только неделю, да и харчи, чтоб выжить, надо прикупать свои. Решил, как по молодости, отсидеть за хулиганство пятнадцать суток. Написал плакат: «ять, народный депутат – поделись с своих зарплат» и уселся с ним перед городской думой. Действительно в скорости арестовали, в тот же день судили и привлекли к административной ответственности за действия оскорбляющие честь и достоинство депутатов (откуда взялось?) на десять тысяч. Что на тыся больше чем пенсия. Вот вам и ять.

приспособиться, оказывается, очень даже можно. И курсантская казарма и годы службы в том же Аджикистане пролетели для Васькина почти незаметно. Только оглянувшись назад, про многие года, про целые периоды жизни, можно сказать, пронеслась они, вихрем полуночного, скорого поезда над полустанком, мелькая запомнившимися событиями, словно нечастыми тускло освещенными окнами. Причем почему-то самые яркие воспоминания далеки от всяческого крутого веселия.

Непривычный климат Вовчик переносил легко. С новыми людьми сходился быстро. Водки умел пить часто и иногда много, причем, видимо от давнего испуга, мало пьянея. А вот алкоголиком, то есть зависимым от употребления алкоголя, вопреки предупреждения Минздрава, почему-то не стал.

– «Дык, вот возьмем простой сухарь. Стукни по ему кулаком и рассыпется на. А смочи его чуток водочкой и сколь не бей потом, он только плющится. – Ты шо, дурак? Куда на сухарь водку переводишь? Я ж для констакан..., нет костанка..., нет.

– Констатации факта?

– Да нет. Я для Константина Коньстатиновича, (будь он не ладен), для моего начальника говорю. Ты не смотри, что он в потолок стеклянными глазами уставился и не дышит уже с полчаса. Он всё соображает. Ты главное не спорь с ним.

– Кой дурак с начальством спорит. Даже оправдываться

перед своим начальством не рекомендуется вышестоящим начальством».

Вроде кто из признанных авторов изрек, мол желания солдата неприхотливы: жрачка от пуза, халявное бухло, доступные женщины. А может и не говорил такого никто из классиков, просто такое мечтание в армии – классика. Вовчик, конечно, классический солдат, но поскольку с офицерскими погонами, то и мечтаниям проще исполниться, чем у какого-то заурядного рядового. Тем паче оклад почти приличный, потому и бабы не брезгают. Они к деньгам, как мухи к... Только и связывать с какой-то одной семейными узами свою кочевую жизнь не хотел торопиться. Был посвящен в том, что жизнь прекрасна, вот только узнаешь об этом слишком поздно – после свадьбы. Пылилась в домашней библиотеке книжка какого-то Джона Мильтона, «Потерянный рай» называлась. По молодости хотел было прочитать, спросил у отца о чем это? – О жизни после женитьбы – кисло скривившись ответил примерный семьянин²⁴. И в самом деле, оно красиво так в украинской мове звучит: – іде чоловік со своєю дружиною²⁵. А на самом деле с такою дружиною в набег до соседнего женского общежития не ринешся. Даже за взгля-

²⁴ Всё оно так, но помните сказку «Красавица и чудовище». В жизни, зачастую всё как там, но с точностью до наоборот. Выходит замуж красавица за принца, а скоро выясняется, за настоящее чудовище.

²⁵ Может с правописанием не все верно, но означает, что идет муж с женою.

ды в сторону иногда достойных особей прекрасного пола может взбунтоваться до мордобоя. Да и просто побухать с такой дружиною, ежели не забухаринская семья, то не то.

За звнаниями и должностями наш не особо герой особо не гонялся, но умел и прогнуться когда надлежит. Как всегда в армии: где надо, там надобно быть подтянутым и дисциплинированным, а где не надо, там расхристанным и раздолбанным. Овладел таким искусством и в любом коллективе свой, звездочки на погонах меняй вовремя и по возрастающей. А еще Вовчик с детства усвоил, окружающие держат о тебе свое чисто субъективное мнение, менять которое, без больших потрясений, не поторопятся, – так зачем заморачиваться на чужом каком– то суждении, да еще напрягаться изображая из себя чего-то. Да вот хоть такой пример: выполняет как-то еще малец Вова вслед за своим дядей из парилки и тот гундосит: – а твой батяня слабак – слинял. Да исчо и жлоб – наше пиво уволок с собой.

– Не трогал он пиво. Вон оно под лавкой стоит.

– А всеж жлоб твой батяня – нашим пивом побрезговал.

Но подло заведено, не бывает всегда всё ладно да гладко, – вот ведь гадкость, наступили интересные времена. Не они бы и дослужился б Вовчик до приличных званий и постов, перевелся в цивилизованную местность. Женился на конец, пусть даже и наплодил детей, а там пенсия военная не за горами. И вот подполковник, а то и полковник в от-

ставке, вздевает по праздникам парадный китель с кучей побрякушек, попить халявной водки с бывшими сослуживцами. В остальное, буднее, время потихонечку попивает первачок собственного самгонитовления у себя на даче, закусывая клубникой и зеленью прямо с грядки. Короче обычная биография офицера времен застоя.

Но застою тем и плох, кажется застою, а когда проходит, то чтоб не тосковать по его уверенно размеренным временам придумываются всякие негативные моменты, котых при любой власти немерено²⁶. Это только при застою возможно долгосрочное планирование, которое возможно воплотится в жизнь. А жизнь, она любит вносить коррективы, в наши длительные перспективы.

Пришла какая-то перестройка, хоть вроде ничего и не строили. Постой. Вот тут, неправда, армия всё время внутри себя строит, бывает и что-то, но чаще кого. Да не кого, а всех подряд. С самого верху и до нижних чинов.

Начались перемены, сущности которых никто толком не понял, но суть их была очевидна – передел власти. Вот начальство и стали чаще пинать с одного места на другое. Что и для не начальства тоже плохо, так как надо притираться

²⁶ Во времена застоя на вопрос что такое Аврора – восемьдесят процентов населения отвечали – крейсер; восемнадцать% – богиня утренней зари; почти два% – не знаю; дядя Моня – коньячный соус. Ныне на тот же вопрос: меньше сорока процентов (в основном не спившиеся еще старики) – крейсер; почти десять% – богиня утренней зари; около двадцати% – не знаю; больше чем тридцать% – да мне пофиг; дядя Моня – был, таки да, такой соус.

к новому начальству. Увеличилось, для плана, количество пустословных партийных собраний, проходящих под лозунгами за усиление укрепления дисциплины и ускорение темпов ускорения. Вот, еще помнится, насчет «жидкой валюты» – водки какие-то строгости начались. Исчезла она напрочь из гарнизонного магазина, где ее, по причине наличия спирта на складах, офицеры покупали по случаю приезда тещи и подобным большим праздникам. Солдатики же вообще на «казенную» смотреть не смели, – отоваривались у дашнаков²⁷ дешевым араком, самогонкой из абрикосового и другого фруктово-ягодного гнилья. Как правило, всякий разбор попавшегося на злоупотреблении хмельным офицера, заканчивался хорошей попойкой. Вовчик в те достославные времена один из первых вступил в общество трезвости и подобающим пафосом говорил:

–

Я спиртному не друг, я его беречь не стану! И всегда советовал: – Присм

отритесь к местным. Им их бог водку пить запрещает, вот никогда и не пьют ее... из стаканов, и не разливают из бутылок. Культурненько в пиалы наливают из чайников. И обязательно, перед тем как первую в себя опрокинуть, ткнут в алкогольный напиток пальчиком, и капельку на пол стряхнут. Потому как аллах изрек

, – губит человека

²⁷ Дашнак – друг, в расейском словоупотреблении имеет значение – абориген.

первая капля. Вот её, ту что, то первая и противная, то последняя и лишняя, – уничтожать безжалостно. Надо только умудриться зачерпнуть именно её.

Постепенно, не сразу, ухудшилось всякое снабжение. Была картошечка простая – стала золотая. По цене. Из какой это сказки? Неважно, – мы рождены чтоб сказку сделать былью.

Почти перестало поступать молодое пополнение из расейских пределов. Внутри республики все явственнее запахло смрадной гарью гражданской войны. Тут бы и собрать манатки Вовчику, и как большинству имперскоязычных, отправиться в отечество. Но он по своей всегдашней безалаберности решил, нас и тут неплохо кормят, и остался служить в своей воинской части. Дома ведь, оно понятно, и дыни слаще, и растут прямо в холодильнике. Только ить надоть найти такую дурищу, ой, дорогушу, которая их туда притаскивать будет. А как не встретишь свою судьбу?

Прошло совсем немного времени, и нерушимая Империя развалился на пятнадцать составляющих, да и те готовы были рассыпаться на более мелкие улусы. Привычный мир сошел с ума, но Вовчика мало трогало, кто в этом виноват. Он, как и большинство сослуживцев, за рюмкой, а то и за граненым стаканом, мог порассуждать, что откуда берется и чем всё может закончиться. Только на шумные митинги не рвался, да и где-то далеко они проводились. В службе тоже не обошлось без перемен. Часть, где служил капитан Васькин,

расформировали. Всем офицерам было предложено или отправляться на заснеженные родины, или принять присягу на верность законному правительству новоиспеченной суверенной республики. Домой Вовчик (извините за повтор) не торопился. Профессии никакой, кроме как драть глотку на подчиненных поедая глазами начальство, он не приобрел, а в Расее сейчас таких явный переизбыток. В родном городе, в маленькой двухкомнатной квартирке, кроме слишком уж быстро стареющих родителей проживает еще и брат с женой да сыном. Самих, как говорится, как китайцев в Китае. Дабы приобрести квартиру, или хотя бы комнатуху, денег на честную зарплату не накопишь. В то, что ему как бывшему военному, кто-то чего-то там отвалит, Васькин справедливо не верил. Получается, при всем богатстве выбора, предпочтения особого не имеется в наличии.

В новой армии служба пошла не то чтоб новая, но другая. Командиры в основном остались прежние, но укравские фамилии стали исподволь уступать первенство местным. И пил спиртягу он точно так же, но качество ее заметно снизилось. И с бабами все нормально, вот только славянки среди них оказывались малость реже. Но пришлось усиленно учить местные диалекты, чтоб гнать под пули тупых туземных парней. А кто не отупеет, если вот так под пули? Что поделать – война. Кому, как говорится, сейчас легко, а на ей неладной и того нелегше.

Воевать Вовчик научился без напряга. Свист пуль не слишком пригибал его к земле. Недалекие редкие разрывы мин и снарядов не вызывали нервного оцепенения. Внешне его поведение под огнем выглядело как некая бравада, и на уважительные, а то и восхищенные реплики некоторых офицеров, Вовчик отвечал:

–

Все эти штуки мастрячат у меня на родине, ну не могут они во мне доставить неприятностей.

Сам про себя он не удивлялся такой способности. Думал, это досталось ему в наследство от деда. Тот был бравым воякой и многожды орденосцем, всю жизнь воевавшим за дело мировой революции. Всё ж сгинул предок в послевоенном госпитале, оставив здоровье на полях сражений Великой Отечественной. Где-то под замиренным Берлином, по слухам, подстрелил его из ППШ (пистолет-пулемёт Шпагина), соратник, недовольный делёжкой толи трофеев, толи ППЖ (походно-полевой жены).

– Слушай, майор, у тебя вся родня чтоль такая? В моем городе есть улица героя Васькина. Он тебе, случаем, не просто однофамилец?

– Конечно, не просто. Даже среди сродственников по материнской линии, есть прапрадед – Елисей, так у того еще после первой отечественной, восемьсот двенадцатого года, где-то под Парижем именные поля колосятся капустою. У меня все родичи эгегей! Постой-постой, это клич славян, об-

зови их тем, о ком сейчас подумал, они те задницу враз порвут. И не позорь прозвищем задолюбов мой любимый голубой цвет. Стесняешься в глаза педераста пидором обозвать, зови как гегемонцы – блюе. Само то. Впрочем ничего против них не высказываю. Не из политкорректности, а просто брезгую. Может то с того, что у меня среди друзей таких не встречалось?

На самом деле, с Вовчиковой отвагой, всё проще простого – инстинкт самосохранения замер у него на уровне пацана. После оказавшегося напрасным юношеского ужаса перед судом и тюрьмой, остальное было не так уж страшно. Потому и лез он к бабам своих командиров, не боясь, что заступают, и отправят служить туда, куда Макар телят не гонял. А то и пристрелят на месте из тезки того самого Макара – ПМ²⁸ – в отдаленных гарнизонах жуткие нравы. Потому и не боялся он лезть практически в любую драку, в коих бывало и попадало ему крепко, но чаще противник, заглянув к нему в глаза и не чувствуя ни тени робости, поспешно ретировался. Сам Вовчик, как правило, не был драчлив, и отступление противника принимал благосклонно, особенно если осоловевшими были не только глаза, но и остальные члены.

Восток – дело тонкое. И война на востоке такое же дело непростое, порою необъяснимое никакими соображениями тактики и стратегии. Будучи курсантом, Васькин учил

²⁸ Пистолет Макарова

воинские науки не сказать, чтоб совсем уж плохо, а запомнил из них и того меньше. Может быть, поэтому и получалось у него воевать без потерь во вверенном подразделении. На самом деле Вовчик сразу понял, восставшие горные районы возглавляют или бывшие председатели сельсоветов, или их детки, возомнившие себя достойными славы своих родителей, проживающих и воюющих много-много лет в Афгании. Местные повстанцы, эти сугубо мирные люди, подстрекаются, и в основном вооружаются, афгани же родичами. Те готовят здесь базы для перевалки наркотиков, ну и плацдарм в случае бегства от истинных хозяев Афгана – талибов. Но пока настоящих воинов в этих краях нет. Значит днем и ночью необходимо пугать вчерашних забитых крестьян разнокалиберным огнем с далекого расстояния. Когда же те натерпятся достаточно страху, просто заявиться к их хозяину, попить араку, обговорить достойные условия разоружения и расхождения по домам. Вот и конец очередному межэтническому конфликту. Самый большой риск – получить пулю в спину, ну тут уж, как говорится, как бог даст. Есть еще фанатики – те оружия не бросят. Те действительно готовы убивать во имя пророка Магомета проповедавшего «миру – мир», но с таковыми повезло не повстречаться. Не всем далее так повезет.

Да, Вы правы, немного затянуто и уже не особо интересно. Может дальше хоть что-то проблеснет?

Не успели толком разобраться на юге республики, как часть срочно перекинули на восток, в Пишпекию, защищать аджикские поселения от варварских притязаний.

Как-то начальник штаба полка, подполковник Величко, спросил: – Вовчик, не знаешь, чему мы на территории чужой страны, а воюем за аджикские, и бис знат, каких еще народов аулы?

–

Не знаю точно, Мыкола, уверен только, Империя тут как всегда виновата. Раз её больше нет, то вали всё на почившую. – Ответил Васькин, закусывая только что нечаянно опрокинутый вовнутрь стакан арака салом с цибулею

29

, – Но ты тут

а такие аполитичные вопросы не задавай. Мы на священных и неотделимых землях, ни от чего не зависимой, самой народной и демократической республики, которая нас обувает, в смысле одевает. Главное есть на что поесть и попить. И запомни, как отче наш, или чо там у нас мусульман – ее президент – отец наш родной. Он за нас уже все обдумал, взвесил и решил. Наша священная обязанность, господа офицеры, его решения беспрекославно..., бесперспек..., короче неукоснительно выполнять. А лишние вопросы, они солдатам не по уставу. Даже хохлам, как самым большим

патриотам среди правоверных аджиков. Ты, друг, если тебя мучит невысказанное, то лучше анекдоты трави.

—

Их есть у меня. «Говорит премьер нашему президенту: — все бы у нас хорошо, и полезных ископаемых навалом и ресурсов всяких, даже энергосистема почти самая крутая в мире от бывшей империи досталась. Вот только с народом нам с тобой не повезло. А президент отвечает: ты хоть назвался премьером, то есть первым, но явно не по уму, потому как не понимаешь, с народом нам как раз повезло больше всего. Были бы наши подданные, к примеру, французы — недолго бы наши шеи ждал нож гильотины.

—

Это ты не прав, в постимперии, в любом государстве такой анекдот актуален. Только рассказывают их с оглядкой....

—

И все же я считал и продляю

—

Вот н

е надо никого считать. Я хоть младше по званию, но выше по должности, поэтому вправе не извиняться, что перебиваю.

Нам важно знать как все плохо не у нас, а у соседей. Вот, например, почти свежий анекдотец, кстати с твоей суровой родины. «Идут два громодянина

по Киеву, а тут бац, перед ними кирпич из стены выпал и на голову проходиму. Один говорит – Во кляты москали до чего ридну неньку Украйну довели, кирпичи на голову людынам сыплются. Второй – так це ж не людына, а нигер.

–
У

кляты москали до чего довели, кирпичу некуда из-за негров упасть.»

А шо, усе так и есть. Москалей выперли, кого тильки ни понаехали....

Васькин к этому времени занимал должность замполбой комполка. Только вот по численности полк был даже меньше батальона. А противостояла ему немногим большая, не по списочному, а по наличествующему личному составу, пишпекская мотострелковая дивизия. Факт противостояния столь мощной боевой единице ни командование, ни солдат в уныние не приводил. У противников почти отсутствовали мото и стрелки, было мало оружия, еще меньше боеприпасов, и совсем отсутствовало желание драться. Но самое основное, поддерживающее неистощимый оптимизм в Вовчике и вверенных войсках, глубокая разведка замыслов противника. Рекогносцировка достигалась просто – совместными попойками.

³⁰ Гражданина (там же)

Когда несколько месяцев назад подразделение аджикской армии подошло к этому небольшому, богом забытому селению, аксакалы высыпали на дорогу.

—

Уходите назад, — говорили они, — здесь не с кем воевать.

Не понимали они полудикие, есть у высшего руководства высшие соображения и отдан военным приказ, который они беспрекословно исполняют, даже ценой жизни..., недовольных политикой руководства. Единственному чудом сохранившемуся представителю пишпекской власти, участковому милиционеру, было предложено: — или исполняй обязанности от имени нашей республики, или сдай оружие и отправляйся на все четыре стороны. Видимо, от него узнали в супротивном государстве о захвате еще одного затерянного в дальних предгорных долинах аула, и прислали свое воинское подразделение для демонстрации достойного отпора. Но пока их вооруженные силы приступали к разворачиванию на местности, аджикские воины уже настолько обжились в селе, что у многих были почти законные жены. Большим начальникам их предоставлял вместе с жильем поприличнее местный ареопаг, что-то типа совета самоуправления аула из старейших и богатейших. Простые солдатики, у кого водились деньги, тоже могли купить за небольшую плату сопливых дочерей многодетных и нищих селян, хочешь на ночь, хочешь на постоянно. Чтоб показать себя защитниками, а не просто так тут прохлаждающимися, аджикские воины даже

несколько окопчиков вырыли за окраиной аула.

Пишпекский командир неоднократно слышал о потерях, которые несла плохо вооруженная и необученная армия в боях с драчливыми аджиками, поэтому решил не добавлять к ним потери собственного воинства. Был он, хотя и пишпек по рождению, но и сам учился в имперском военном училище, воспитывающем дух интернационализма, и в заместителях имел полковника белоруса, которому в военных вопросах доверял больше чем себе. А тот, вроде бы много где успел повоевать и научился не торопиться лезть в схватку. В связи с вышесказанным, не стал комдив разворачивать с ходу в бой свою бумажную армаду против неукрепленного батальона, а послал парламентаря. Сначала парламентарь сутки прикладывался у аджикских командиров. Потом те в свою очередь почти двое суток не переставая кутили в пишпекском расположении. В результате этого бурного и тяжелого (похмельем), переговорного процесса был достигнут ряд соглашений. К сожалению, протокол не сохранился, так как никто из присутствующих не в состоянии был записывать все высказанные предложения, замечания и особенно комментарии к предложениям и замечаниям. Но главное участникам переговоров удалось застолбить: «А» – село остается как бы нейтральным. Войска располагаются в поле напротив друг друга. «Б» – пишпекские безропотные солдатики роют окопы полного профиля и блиндажи для аджиков. Те расплачиваются частично продуктами питания, частично боеприпаса-

ми – это чтоб стрельбой можно было порадовать начальников совершающих инспекторские проверки. «В», «Г» и все остальные буквы букваря: – о всех сколько-нибудь значащих событиях в расположении друг друга, обо всех приказах начальства, касающихся наступления или обороны, сообщать друг другу незамедлительно.

Все вопросы, конечно, никакими соглашениями не предусмотреть. Алфавит маловат. Но один пункт оговорили особо: – простых солдатиков с той и другой стороны, ни под каким видом в аул не пускать. Не испортили, чтобы отношений с мирным населением, или, не дай бог, не набили мурло подгулявшему офицеру супротивной армии. Солдатик, он ведь, идиёт, едва отобьется от своего стада и сразу млит себя бог знает чем. А должен знать не бог, а отец командир.

Воевать при таких условиях можно бесконечно долго. Только бы платили как на войне. Только вовремя бы подвозили жратву. Только не кончалась бы водка, помогающая убить время, и заглушить, еще изредка проклевывающиеся мысли. Ну а многия мысли еще никого не сделали богатым иль счастливым. Когда все катится в тар-тарары, нужны не помыслы а инстинкты. Причем, чем животнее, тем предпочтительнее.

В тяжких раздумьях шаркает умаянными ногами по бесценным текинским коврам хмурый президент независимой Пишпекии. Слоняется, кидая смятенные взгляды в сторо-

ну напружинившегося ожиданием телефона прямой связи с председателем Подлунной. Еще чуть-чуть и измученный бессонницей и глубоко переживающий надвигающуюся импотенцию, вот-вот поднимет он трубку, а на другом конце провода приятный девичий голос, без акцента спросит:

– С кем из правительства республики Джуньху Вас соединить?

И ничего толкового еще не успеет он сказать, а часы истории уже начнут отсчет нового времени, новой эры, которая родится во всепожирающем огне новой «МИРОВОЙ ВОЙНЫ». Впрочем, эта самая война уже давненько тлеет на иудейских землях отнятых у арапов, афиганских теснинах и персидских просторах, да и в самой неприкосновенной Гегемонии ощутили немножко ее дыхание в один из сентябрьских дней.

– 2 –

Не так уж много часов надо современным машинам для преодоления расстояний по дорогам маленькой Пишпекии. Даже высокогорные перевалы небольшая помеха для хорошей военной техники, разработанной когда-то в Имперском Союзе, а теперь находящейся в надежных руках ханьских воинов. Воителей спешащих выполнять союзнический долг в полудикой стране вновь приобретенного братского народа. И если кто-то из представителей этого союзника может по-

мешать исторической миссии, то есть приказ таковых безжалостно истреблять на месте. И необязательно по каждому такому поводу проводить переговоры с местной властью, даже ставить ее в известность толи не всегда обязательно, толи всегда не обязательно.

Майору Васькину снилось, летит он на могучем боевом коне. Тулово защищает прочная, сверкающая словно осеннее солнце кираса, а в руке тяжелая боевая пика. Несется он под знаменем непобедимого короля, вместе с лавой таких же испытанных в боях товарищей. Без страха и жалости мчит на жидкую цепочку солдат в зеленых мундирах зажатую меж невысоких редутов. И вот, когда почти можно рассмотреть расширившиеся от ужаса зрачки того, молодого рекрута, которого он должен пронзить, воздух взрывается шквалом картечи. Противник исчезает за клубами дыма, а под копыта его скакуна опрокидываются окровавленные люди и лошади, падают растерзанные друзья. Конь хрипит, рвет трензелями рот, бросая с мягких губ красную от крови пену, но повинуется опытной руке держащей удила, почти не касаясь земли, летит вперед. И вот кирасир прорвался сквозь пороховую гарь, но сейчас не чувствует он подмоги соратников. Ужель остался совсем один? Только трепету некогда задерживаться в пылающем сердце. Впереди на бруствер проворно карабкается тот самый зеленый мальчишка. И кидает славный воин вперед привыкшую убивать руку, и невесть откуда взявший-

ся в ней старинный меч фальшион, сверкнув диким огнем, со страшным хрустом рвет мышцы и позвоночник не успевшего улизнуть человечка. Удар настолько силён, что отлетает в сторону голова, прихватившая за собой изрядную часть тулова. Только вот живое лицо, оперившееся пушком вместо настоящих усов, голубыми до прозрачности, полными все-ленского укора, глазами впивается в Вовчика. Мертвые губы шепчут громче любого крика о том, как не целовала их еще ни одна женщина, если конечно не считать мамки. . . . И тогда огромная печаль пронизывает сердце майора. Останавливает он бег коня, хочет как-то оправдаться, пусть и бесполезны любые обеления. Мол, не я такой – жизнь заставила. Но самобичеванием даже во сне негоже долго заниматься и вражеская пуля плющится о его доспехи, мнет их словно бумагу. Удар опрокидывает навзничь, земля испуганно ныряет в преисподнюю и в заволакивающемся багровой тьмой сознании громко хохочет чей-то противный до зубной ломоты голос:

–

Никогда не жалея!!!

Проснулся Васькин весь в липком холодном поту. Все нутро трепетало толи от так явно полученного удара, толь от какого-то неясного, но щемящего душу предчувствия.

«Сердечко что ли стало пошалить? Вот не хватало мне еще и этого в мои довольно молодые годы. Возможно араки

поменьше употреблять надо, но где тут водки, настоящей добудешь. Верно, что некачественное пойло пробивает как-то некачественно. Печень за сутки обязана перерабатывать алкоголь, а зачем еще потребна? Но тут видимо полно еще каких-то токсинов или перезагрузка происходит чаще означенного». Он хотел крикнуть местную жену, которую использовал лишь только в качестве прислуги, по причине слишком юного возраста. Но, ухватив взглядом предусмотрительно оставленный в изголовье, слегка запотевший кувшин с колодезной водой, передумал. Торопливыми глотками утолил уже ставшую привычной похмельную сухость глотки и, быстро одевшись, вышел на еще темную улицу. Здесь ему немного прояснилась причина смутного беспокойства. Со стороны пишпекских позиций раздавался приглушенный гул, по всей вероятности, многочисленной техники.

«Ох уенишки, что-то тут сраслось да не к сему месту», – шевельнул он затуманенными мозгами и в некоторой растерянности направился к своим позициям.

В блиндаже Вовчик нарочито бодро спросил. – Ну, что там у нас с боевой обстановка? Собравшиеся почти в полном составе офицеры не скрывая тревоги, сообщили, шум возник еще с ночи, но приученные к спокойной жизни, сообщать о нем, вдруг да недовольному начальству, не стали.

Днем на супротивных позициях все было тихо и спокойно, что еще больше усиливало тревогу. От пишпекцев ни в аул, ни на позиции аджиков никто не являлся. Посланный

для связи офицер толь заблудился, толи заблудил. Короче, не возвращался. Недобрые предчувствия имелись не у одного Вовчика. Сразу после обеда командир полка – полковник Разьебаев вспомнил о каких-то срочных делах в штабе дивизии. Ставка высшего командования находилась на реально недостижимом расстоянии в двести с лишним километров раздолбанных дорог. Отправиться туда, это как для правоверного хадж в Мекку. Надо бы хоть раз в жизни побывать, но сперва полжизни готовиться надо. Но тут такой казус, можно и поутруждаться. И у высокого начальства не всегда выходит согласно старой армейской поговорке: – два просвета, три звезды и все заботы доды. Озаботишься по полной, когда уяснишь когда сматываться надо. Прихватив двух офицеров, своих дальних родственников, комполка свалил на древнем «уазике», последней ходовой технике подразделения. Был еще танк. Но поскольку двигатель его сдох от старости, считалась эта войсковая единица танковым корпусом.

Многие солдатики также как и начальник мечтали убраться подальше из блиндажей и окопов. Васькин с оставшимися командирами, так как не хватало словарного запаса, пинками загонял их обратно. Потом долгое время его будет мучить едва сомкнутся сонные веки: аджикские молоденькие парнишки, остриженные под ноль, являются полубредовым видением и вопрошают на чистом расейском языке:

Почему, ты, Вовчик, не отпустил нас в тот день?

Вовчик будет оправдываться, прорываясь сквозь сон, мол так было predetermined не им, а каким-то сволочным провидением. Только несуразны оправдания себя пред собой и невозможное прощение этими мальчишками тяжким гнетом давит где-то в гудине.

Ближе к вечеру, когда Васькин наконец-то добил свою обычную норму туземной алкогольной отравы и решил сам отправиться к так называемым противникам, в его блиндаж, в сопровождении ропщущей гурьбы офицеров, ввалился смазливый и зачастую не в меру разговорчивый, пишпекский штабной капитан. Фамилия его какая-то не нашенская, а вот имечко запомнилось – Рома. Впрочем это не столь важно, поскольку к нему, за шустрый нрав и смуглоликость на той и на этой стороне приклеилась прозвище «Цыган³¹».

—

Товарищ господин майор, разрешите доложить! Вам хоть и не тот климат, но, похоже, писец конкретный подкрался, – с порога запричитал он.

Только проглотив полный стакан мутной араки, Цыган немного успокоился и смог, сбиваясь с одного на другое, объяснить, что вчера вечером к ним прибыло немалое подкрепление. Войско почти сплошь состоящее из ханьских военных. С ними только парочка другая наших, в смысле пи-

³¹ Ромы – самоназвание цыган, что значит человек. А кто не ромалы, то вроде как и не люди, значит и отношение к ним соответствующее.

шпекских. Зато из самого главного штаба. Впрочем, присутствие столь большого начальства, похоже, из вновь прибывших хозяев мало кого заботит.

—

Сказать, шо эти узкоглазые расположились у наших узкоглазых как у себя дома, так нет, боже ж ты мой. – Рассказывал моментально разомлевший, после водки упавшей на треволнения, Цыган. – Дома так не ведут даже уважаемые себя босяки.

Всех расейских, вернее славянской наружности офицеров, еще ночью разоружили и увезли куда-то в тыл. Пишпекских солдат и офицеров, сняли с позиций, и теперь они немного прибалдевшие вроде как на курорте со строгим режимом. Не то чтобы совсем арестованные, но под надзором ханьских солдат. Не то чтобы полностью разоруженные, но и то шо осталось без обойм и прочих боеприпасов, а самое непростительно непереносимое – без чего покушать даже с сухого пайка. С собой джуни пригнали много танков, орудий и тому такое же. Сейчас вся та техника, очевидно, готовится к настоящему бою, скорее всего на завтрашнем рассвете начнут наступление. Только, если эта артиллерия бабахнет по вас, то атаковать будет не на кого. Боюсь, даже хоронить необязательно, – разглагольствовал в конец расслабившийся капитан. Если бы он знал, как недалек от истины, то, может прикусил бы свой не слегка бескостный язык.

—

Цыган, а почему тебя с остальными не увезли? – спросил кто-то из офицеров, набившихся в штатную землянку Васькина.

–

О, зохен вей

32

, в смысле не оставь меня боже в милости своей. Ну, ты подумай! Для меня все джуни на одно лицо. Да и вас аджиков, я только недавно, от своих, от пишпеков отличать научился. Вот видимо и для ханей, все кто не вполне луноликие – на одно обличие. Кто светленький на рожу, то я так понимаю, для них обязательно будет расейский. Так я ж не совсем светленький. Я, извиняюсь, по батюшке молдаванин, для них видимо это один хрен, что киргиз, пусть простят меня, святые по простоте, наши предки.

Расслабленность капитана понемногу возымела действие и над притихшими аджитскими воинами. Тут и там, раздавалось бульканье опрокидываемых фляжек, завершаемое смачным звуком занюхивания рукавов. Недавнюю мрачную тишину убил шелест рождающихся разговоров. Прозвучали, конечно, глупые вопросы: – Зачем хани приперлись? И сколько их наличествует? На которые «язык» начавшим заплетаться языком, дал столь же глупые ответы: – Та я шо

³² (исковерканный идиш) – О, боже мой.

поц? Или мене чиво, бэцэхоньки тухос³³, персонально политинформировали? Как самому кошерному довели проведение смотр-парада?

—

Цыган, а, Цыган, если ты молдаван, то откуда у тебя такой еврейский говорок?

—

О, не смешите ж мою маму. Мова, речь по-украински, у меня не еврейская, а вполне одесское наречие. Знаете, наверное, такой славный приморский город, на шикарном берегу самого синего, Черного моря? Эх

Отеса, там на пляже вы узрите, то что точно не вокажут в знаменитом ленинградском Эрмитаже. Таки да, эту мегадеревню

еще некоторые мамой величают. Там

, в честь первого губернатора – Осипа де Рибаса названа одна, пусть и самая знаменитая в бывшей Империи, улица. Если конечно, не считать потрепанного московского Арбата. А в честь меня, не такие шикарные, зато более длинные и что замечательно, возле Привозу – большая и малая Арнаутские

34

. При старой власти одна из них Воровского

35

³³ Попытка изобразить еврейское ругательство.

³⁴ Арнауты – добровольцы из молдаван в русско-турецкие войны.

³⁵ Воровский Вацлав Вацлович – российский политический деятель, публи-

звалась, видимо с того, что на задках рынка ворованное при любой власти в открытую перепродаётся. Хочешь вернуть свою пропавшую вещь, двигай смело туда и приобретешь её, побывавшую в грязных лапах, зато по дешевке.

—

Эй, молдаван, тебя, конечно, ничто не расстраивает, но ты бы поближе к теме твоего визита.

—

А шо не так? Мама говорила за то, чиво не надо попусту расстраиваться, а надо избегать того что портит настроение. А если не избёг, то уже не надо плакать. И кто за мой диалект спросил? Извиняйте, за ради бога, о такое чуть длинное вступление, но это чтоб вам легче проникнуться сутью чиво и шо. Возникает у меня такой акцент, когда я сильно волнуюсь. Ну, а, беседуя с такой светской компанией, я наэлектризован всегда. Впрочем, сегодня повод для тревоги всецело аргументированный.

Тон его речи резко изменился.

—

Я не знаю, зачем послал меня к вам мой командир, верный союзничному..., короче собутыльническому долгу, но я представил все, что знаю. Вы, господин майор, теперь за командира полка? Вам и решать, шо да как.

Вовчик, растерянно прислушивавшийся к обычному трё-

пу капитана, прочувствовал обреченность командовать наличествующим составом. – Если все, что ты нам наболтал, имеет место быть на самом деле, то тебе, капитан, лучше быть от нас подальше, а нам подальше от этого места. Но, говоришь, до рассвета у нас время есть? Попробуем хоть что-то предпринять. Итак, господа офицеры, хватит пустой болтовни. Оповестите мясо³⁶, чтобы были готовы скрытно, как стемнеет, начать отходное движение. Лишнего ничего не брать! И не дай бог у кого-нибудь что-нибудь как-нибудь звякнет. Всяких мудозвонов ликвидируйте заранее. Всему начсоставу через полтора часа собраться здесь, строго по походному. Это приказ! И с этой минуты спиртное не употреблять!

– Как гуторил небезызвестный Боря Манисеев: – «Ни капли в рот, ни сантиметра в жо...».

Шутки кончились! Я с капитаном в аул. Попытаюсь связаться с вышестоящим начальством в штабе дивизии.

В кишлаке местные аборигены, видимо, о чем-то пронюхали и успели сховаться по своим тайным норам и схрамам. Даже скотину почти всю, включая женщин и детей, куда-то попрятали. Потеряв уйму времени и вдоволь наматерившись, так никуда и не позвонив ввиду полного отсутствия не слишком устойчивой связи, Васькин с Цыганом возвращались на свои позиции. Угнетаемые недобрыми предчувствиями они пробирались в кромешной темноте обрушив-

³⁶ (т. е. солдат)

шейся южной ночи, спотыкаясь на всех неровностях почвы и проклиная снабженцев неспособных обеспечить элементарными фонариками. Неожиданно Вовчик словно ударился грудью о какое-то невидимое, неосязаемое, тем не менее, непреодолимое препятствие. Воздух впереди и вокруг наполнился пронизывающим волю смертельным ужасом, стискивающим все тело до невозможности вздохнуть. Майор оцепенел, невольно встал как вкопанный. Идущий следом пишпекский штабной сослепу сбил его с ног и запнувшись повалился рядом сам. В этот самый миг на востоке вспышками и всполохами засияла странная огненно-кровавая заря.

—

Ты же обещал, только на рассвете начнут, — с ребячьей обидой крикнул Вовчик, но крик его, не успев сорваться с губ, потонул в страшном грохоте, так похожем на стон.

Уже лежа Васькин почувствовал, как земля, перестав вдруг быть надежной в своей непоколебимости, бросается вон из под его тела. Руки конвульсивно хватают травинки, напрасно пытаясь удержаться за них. Исчезло естественное ощущение местоположения верха и низа, казавшейся неизблемой каменистой почвы и нехарактерно, для данного времени суток, светлого неба. Внутри все сжимается в малюсенький дрожащий комочек, серенькой мышкою, или еще чем-то более мелким и напуганным, пытается запрятаться куда поглубже от этого слишком громадного зла резвящего-

ся вокруг. В какой-то момент голова с размаху бьется о твердый как базальт ком земли, и пропавшие в вышине звезды, с болью, ярко вспыхивают внутри черепа. Все заполняет собой вселенский набатный звон, а может и не звон вовсе, а стон.

Этот стон земли, содрогнувшейся от жесткого удара, нанесенного ей, становящимися все более изобретательными неблагодарными отпрысками, стал началом всего лишь очередной войны, которую в серии бесконечных войн люди почему-то называют третьей. Но для очень многих, живущих ныне на земле, она будет просто последней.

АКМОЛСТАНА. 13 ЧАСОВ СПУСТЯ.

Отец всех досов, и других, ранее многочисленных народов, населяющих бескрайние степи трех великих жузов³⁷, отдыхал, утопая в огромном кресле, изготовленном в Милане по его индивидуальному заказу. Почти сутки он не спал, проводя какие-то многочисленные переговоры и совещания, похоже, совершенно бесплодные. Необходимо было немного поспать, но голова трещала, наполненная бесполезными мыслями.

«Как он мог, как додумался, этот тихоня прииссыкульский, подложить всему миру такую мину. Всему миру ладно, а почему мне, своему другу ничего не сказал, не посоветовался, наконец. Зря, что ли затевали комедию со свадьбой детей. Клялись в вечной дружбе, сотрудничестве и тому подобное».

Президент этой независимой республики сам не раз выслушивал осторожные, но вполне понятные намеки ханьских посланников. Да и с самим Председателем частные беседы на конфиденциальных встречах подталкивали к по-

³⁷ Жузы – племенные образования степных народов: младший, средний и старший..

ниманию необходимости союза с «Великим южным соседом». И у него в кабинете был установлен телефон красного цвета прямой связи со столицей подлунной. Но времени впереди, казалось, еще так много. Взаимовыгодные условия и гарантии только обозначились. Им еще бы чуть-чуть дозреть, потом закрепить в подписанных протоколах, соглашениях и прочей макулатуре. А сегодня, благодаря пишпекскому идиоту, весь хорошо продуманный процесс пошел псу под хвост. Недаром старые досы говорят, умного человека пишпекком не назовут.

Сегодня хани сделали шаг, к которому готовились очень давно. Они решились-таки переступить черту, казалось совсем недавно, неодолимую из-за санкций ООН (пусть и тщетных по сути), из-за ядерного паритета двух супердержав. Теперь диктуют условия, и на сегодняшний день мир ничто не может им противопоставить. Этой ночью их войска разгромили аджиков в западных районах Пишпекстана, а теперь ходят слухи, они уже в самом Дашнабе, где аджики уже сформировали новое правительство, готовое заключить с Подлунной «союзный» договор. Беки Уз к этому договору тоже готовы присоединиться. Это только слухи, конкретно нет официальных коммюнике, но всё очень даже витает в воздухе и чересчур похоже на правду.

И конечно, все происходящее с бишпекцами и аджиками, волнует мир больше происходящего в нашем маленьком уйгулском аймаке. Пожалуй, один только я и понял, это послед-

нее предупреждение – позвони, пока не поздно, и тогда почти равноправный союз. Не поторопишься – война, которая уже началась как мелкий, пока еще внутренний национальный конфликт.

Вчера днем, как давно это было, пришло сообщение из Уйгульского района. Президенту его передали только вечером, потому как на первый взгляд все в нем изложенное являлось самоочевидным абсурдом, и несколько раз перепроверялось. В бумажке, переданной по факсимильной связи, в приемную президента сообщалось, она, эта бумажка, является Постановлением «Народного Комитета по управлению независимой Уйгульской республикой». В Постановлении излагалось, что комитет временный, и будет существовать до выборов законного правительства. Но до этих самых выборов берет на себя всю полноту административной, законотворческой, военной и прочей власти. Документ составлен в Чудже, временной столице независимой новоявленной республики, так как в недалеком будущем предполагалось столицу этого государства разместить в Алматы, согласно исторической справедливости³⁸ и с доброго согласия Досовской республики, разумеется. Бывшему сюзерену а ныне просто соседу предлагался мир и взаимовыгодное сотрудничество.

Сообщение действительно столь нелепое, что президент пошутил:

³⁸ Именно здесь расейские основали свою крепость Верный, на границе расселения покоренных казахов и свободных уйгуров.

—

Вот и у нас своя Чешня появилась.

Глава государства дружил с головой и он прекрасно понимал, каким джуньским ветром надуло эту «республику», но к тому часу еще не знал, что по дорогам Пишпекии уже движутся колонны с ханьскими солдатами и бронетехникой. Он кричал на своих нерасторопных подчиненных, вызывал генералов, требовал связи с воинскими подразделениями, находящимися в том районе. Там граница проходит, там полно пограничных застав, с ними связь всегда надежная. Президент был человеком рассудительным, но забыл или не хотел вспомнить, пограничные войска более не опирающиеся в полной мере на плечи имперских пареньков, стали совсем другими, не те чем были при «Единой и Могучей». Но и эти, другие пограничники, служащие не во исполнение священного долга перед родиной, а по контракту, в большинстве своем уже сложили головы под дымящимися руинами на месте застав. Каким-то чудом держались еще микроскопические гарнизоны запрятавшиеся далеко в горах Тянь-Шаня — пикеты на Куркульдеке и Баянколе. Но и они, как и остальные, умирали для всего мира молча.

Все еще, не желая смириться с тем, что его такая огромная, независимая и уважаемая держава подвергается явному унижению и попытке диктата, среди ночи связывается с раб-сейским лидером. Верхушка бывшей Империи не спит, понимая, как все это может быть страшно, если сейчас же, всем

миром не дать отпор. В курсе всех событий, не даром бывший гэбист, но ничего конкретного не может поделаться. А может и он, ждет подсказки из Гегемонии.

Отец всех досов пытается связаться с заокеанским коллегой. Тому сейчас удобно разговаривать, на том континенте день. Но этот день у великого президента так расписан, что он не может в данный момент найти возможность для личной беседы. А может, и он ждет от кого-то руководства к действию? Может у него «вертушка»³⁹ с самим Всевышним, да Тот действительно занят чем-то еще более важным. Например, тёрками с оппонентами из стана падших ангелов. Да нет, скорее всего спит по обыкновению. Они, (это мы вернулись к гегемонцам), там со своей хваленой аппаратурой, из космоса подглядывают в каждую замочную скважину, в каждое очко в сортире и просрали начало третьей мировой! Или им уверенным во всём свершающемся в этом мире, что оно происходит только с их согласия, пока невдомёк происходящее. Нет, конечно, в курсе событий избранник единственной настоящей демократии и те из сенаторов, кому положено быть в курсе. Но огромная машина, прежде чем двинуться, должна раскачаться. Раскачка может занять многие

³⁹ Связь – название у военных и правительственных чиновников прижилось, видимо, со времен телефонных аппаратов снабженных ручкой, вращая которую необходимо было послать сигнал-зуммер на коммутатор, с которого барышня-телефонистка соединит с требуемым абонентом, если не занята чем-то более важным.

месяцы, а то и годы⁴⁰. Нельзя сказать о полном игнорировании вопросов досовского правителя. Его с кем-то соединяли, кто-то что-то обещал. Возможно можно прислать свежайшие снимки интересующей территории. Какой-то невеликий шишка отвечивал, по поручению президента за океанских штатов, о высылке в степную республику в самое ближайшее время роты суперспециалистов. Они способны если не вырулить всю ситуацию в целом, то хоть защитить на время резиденцию и семью Президента, которому, впрочем, лично пока ничего не угрожает. – Да поймите, здесь не только ротой, одной дивизией не... отмазаться. Но с пол фразы в ответ только похожие на предсмертную агонию надежды гудки... А в это время, мифические уйгулские вооруженные силы, набранные и экипированные в Сицзян-Уйгулском округе Подлунной, громя все воинские подразделения, пытавшиеся организовать сопротивление на их пути, уже приближались к старой столице.

Так какого рожна нужно вождю и народам досов? Неужто серьезно думает он в одиночку противостоять самой многочисленной и прекрасно вооруженной армии Азии. Возмож-

⁴⁰ Зная об этой инерционности мышления американцев, английский премьер Винстон Черчилль во время Второй Мировой войны специально не предупредил их о Перл Харборе. Старый лис, обладая японскими военно-морскими кодами, знал о начале и силе нападения. Но так же знал, что только огромное потрясение – хороший пинок под зад – поможет вынудить быстрее зашевелиться янки, способных поспешить, только при возможности урвать лакомый кусочек у кого-то слабого.

но, лучшей армии всего мира, потому как вооружена не только добротной техникой, но пропитана идеологией, выковывающей сознание не задумываясь отдавать жизнь во имя великого будущего своей страны.

Еще ведет ненужные переговоры и отдает незначащие приказы пока президент, но взгляд его в приемной все чаще притягивается к ядовито-красному телефону.

ОКРАИНА г. АЛМАТЫ. 33 ЧАСА СПУСТЯ.

Пограничное училище развернулось фронтом на юг. Правый фланг и центр маскировался в пригородных садах и огородах, левый упирался в шоссе. Соседей на правом фланге не было, на левом за дорогой должна была развернуться отходящая с юга дивизия, но о ней пока никаких слухов. Прошло около суток, как курсанты были подняты по тревоге. Сначала приготовились к дальнему марш-броску. Затем это распоряжение отменили, и долго ожидали, пока пришел приказ окапываться на этом участке. Приказ, несомненно, глупый. Впереди, в нескольких километрах, был расположен показательно оборудованный учебный лагерь училища, представляющий собой маленький, но добротный укрепленный район. При наличии достойного вооружения способный наглухо перекрыть огнем движение как раз по этому шоссе.

Генерал-майор – начальник военного института, раздраженно осматривал вырытые за ночь жалкие подобия окопов, делал многочисленные замечания толпящимся вокруг офицерам. Время от времени он хмуро поглядывал на развернувшиеся, на самом виду «кэшээмки»⁴¹.

⁴¹ Командно-штабные машины связи.

Начальника нервировало буквально все: и болваны связисты, так глупо установившие громоздкую технику, к тому же не сумевшие обеспечить хоть какую-то связь; офицеры, бестолково суесящиеся, не видящие явных упущений в обороне; курсанты, не спавшие всего одну ночь, адвигающиеся, как примороженные мухи. Раздражало, что боеприпасов в его войске достаточно только для проведения однодневных учений. Больше всего генерала буквально мучило, что еще несколько месяцев назад, собираясь в отпуск, думал подать рапорт об отставке. Присмотрели ведь с женой приличный домик в два этажа на ее родине, в ридной неньке Украине. Но нет, жалко теплое место с приличным окладом просто так оставить. Тем паче, не гонят пока. А теперь вот такая заварушка. Жена, провожая вчера, посмотрела с такой тоской, спросила:

—

Может, обойдется еще?

Почувствовал он, древним каким-то чутьем, для него в этот раз не обойдется. Но ответил тогда с притворным оптимизмом:

—

Ты же сама прекрасно знаешь, с таким кабаном ничего плохого приключиться не может.

И она с вымученной улыбкой кивала в ответ, подтверждая:

—

Да, знаю, пока в армии дубы не перевелись – не может.

Было в их семье такое прощание чем-то вроде ритуала, кодирования на удачу, перед ответственными или возможно неприятными моментами в жизни. А вот теперь перед глазами так и стояла постаревшая и слегка располневшая, но до сих пор такая милая женщина....

У одного из курсантов он заметил сотовый телефон. Богатые у нас будущие командиры, зачем таким богатым армия? Мысль, промелькнувшая в голове, неожиданно превратилась в идею, еще не веря, что все так просто, он спросил:

–

Товарищ курсант, с вашего аппарата я могу позвонить домой?

–

Так точно! Товарищ генерал-майор!

–

Ты не кричи, а скажи в Целиногр..., в смысле Акмолстану, возможно позвонить?

–

Так точно! Только тариф другой.

–

Ну, другой тариф, это мы тебе компенсируем. (Вот борзая молодежь пошла. Да я, когда будучи курсантом, с генералом за руку поздоровался,

месяц не умывался. А этот на какой-то тариф намекает. Я тебе потом все

так прокомпенсирую. Обрадуешься!) Иди-ка ко мне, господин служивый, мы с тобой нос связистам утирать будем.

В столице генерал кое-как дозвонился до своего друга из аппарата министра обороны. То, что он сообщил, в корне меняло и стратегию обороны, и виды на оставшуюся жизнь.

В столице уже было известно, с Подлунной вот-вот будет подписан союзный договор. Алматы, по всей видимости, временно останется у ждуней.

—

Ты там не вздумай воевать, — кричал в трубку бывший со-служивец. — Тут ходят упорные слухи, что хани всех р асейских расстреливают, правда, это или нет, советую не проверять. Срочно забирай жену и самое ценное из пожитков и самым скорым образом поближе сюда пробирайся.

Разговаривая, генерал кивал головой с прижатым к уху «сотиком», в знак согласия с собеседником, словно тот мог увидеть его готовность соглашаться. Только один раз форменная фуражка его отрицательно покачалась, когда сообщил приятель, что приказа о снятии и отходе с обороняемого рубежа будущие пограничные и таможенные офицеры не дождутся. Да и вообще в ближайшие сутки вряд ли дойдет до училища хоть какой-то приказ, не до них сейчас в новой столице.

—

Действуй, как я тебе сказал. Бросай все к чертовой матери и спасай свою не генеральскую уже, а пенсионерскую задни-

ду, – кричала трубка так, что казалась слышно за километр.

И генерал, прижимая ее плотнее, чтоб не слишком далеко разносились постыдные слова, все кивал головой, соглашаясь со старшим по званию. Но ничего не значило его согласие, потому что смерть неосяземо была рядом и жирным маркером отметила свои сегодняшние жертвы. Эти вот-вот, а эти чуть погодя.

Пока генерал разговаривал по телефону, совсем недалеко раздались раскаты канонады. От связистов, неловко прыгая через свежерытые траншеи, прибежал молоденький лейтенантик и, задыхаясь прокуренной одышкой, доложил: – Какая-то рота обеспечения, которую расположили в учебном лагере погранучилища, сообщила в эфир открытым текстом о том, что подошли и разворачиваются перед ними танки и пушки уйгулов. Еще успели они сказать, что нет у них боеприпасов, как связь на этом прервалась.

Генерал скорым шагом направился к связистам, но на полпути остановился.

–

Быстро! Общий сбор! Прямо здесь, у дороги.

Когда курсанты и офицеры бестолково, но торопливо построились, генерал срывающимся голосом объявил тезис приказа о расформировании училища. По сомкнутым рядам прошел ропот. Сняв форменную фуражку с лысеющего седого чела и подняв ее в высоко поднятой руке, с пафосом, который был бы смешон в другой ситуации, он произнес, почти

прокричал, чтобы было слышно всем, речь о чести пограничников, всегда первыми встречающих врагов и бьющихся до последнего вдоха. Он сказал о том, что в ближайшее время здесь будут хорошо вооруженные враги, которые вряд ли оставят в живых никого-то из посмевших оказать сопротивление, но и всех остальных, кто в военной форме, ждет незавидная участь. Поэтому кто-то должен остаться здесь вместе с ним на этом рубеже и задержать противника насколько возможно. Седой генерал, даже прослезился и испугался про себя, что останутся все. Но когда прозвучала команда разойтись, и было указано место для построения добровольцев, генерал остался стоять один, с парой заместителей. Остальные курсанты и офицеры, казалось, бесцельно бродили взад-вперед или сбивались в какие-то хаотичные кучки, словно мураши из потревоженного поздней осенью муравейника.

—

Поторопились Вы, батенька, приказ о роспуске зачитать, надо было сперва с нами посоветоваться, придется теперь нам старикам одним оборону держать, — высказался бывший замполит училища, теперь его должность называлась заместитель по социальным вопросам и работе с кадрами.

Лицо генерала дернулось, как от пощечины. Он немного помедлил, потом ответил, стараясь, чтобы в голосе чувствовалась командирская твердость:

—

Вот вам, товарищ полковник, как раз здесь оставаться не

придется. Возьмите грузовик и нескольких надежных подчиненных. Вы по кадрам, значит, должны таковых знать. Со всей возможной поспешностью отправляйтесь в училище и постарайтесь, друг мой, уничтожить ваши архивные картошки и особо тщательно всю секретную часть, – к разтакой-то матери.

Полковник вытянулся в струнку.

–

Есть! Разрешите выполнять!

Но, получив добро, не развернулся, согласно устава, а, сделав шаг вперед, обнял генерала за плечи.

–

Ну, все-все торопись, дружище, – сказал генерал, – ты вспомни, сколько водки вместе выпили, а вот обнимаемся первый раз.

–

Боюсь, другого случая не представится, – ответил бывший замполит, – Ты знаешь, я решил всё что возможно взорвать ко всем чертям, даже если и вернутся наши, то восстановят лучшим образом. В случае чего потом пусть из пенсии вычитают. Ну, не поминай лихом.

Потом генерал подозвал офицера, бывшего при нем за ординарца и дослужившегося до майора не сколь не утруждаюсь службой.

–

Езжай с полковником до училища, там заправь мою «Вол-

гу» под завязку, и еще канистры какие сумеешь найти, заправь и прихвати с собой. Заедешь за своей женой и дочкой, на сборы пятнадцать минут. Шмоток никаких не брать, только деньги и документы. Потом заберешь мою супругу, знаю, будет упираться. Скажешь, я улетел на вертолете командующего на рекогносцировку местности. Буду с ним у президента, так что встретимся в Акмолстане. Этому она поверит. Тем более, когда объяснишь, что вещей брать не надо, все скоро утрясется, и тогда вернемся назад.

Отдавая эти указания человеку, к которому относился за неимением сына как к родному, генерал не мог предположить, тот действительно заберет и заправит его машину. Вот только, заехав домой и переодевшись в гражданское платье, забьет все свободное пространство, не занятое своей семьей, различным барахлом. Так что жене бывшего начальника не найдется места. Не со зла, конечно, а именно по этой причине он к ней попросту не заедет. Самому бы удрать из обреченного города, прикрываемого жидким заслоном подобных генералу фанатиков.

Ушло несколько драгоценных минут, прежде чем производные митинги закончились, и около генерала стало сколачиваться какое-то ядро. Офицерам, которые не слишком поспешили исчезнуть из виду, генерал уже приказывал.

—

Артиллерист, ко мне. Товарищ полковник, спрячьте ваши «Васильки»

, вон за теми буграми, рассчитайте дорогу и прилегающие кюветы до сантиметра, чтобы при стрельбе ни один снаряд не пропал даром. Когда выпустишь все свои мины, свинти замки, прицелы, всё что можно открутить, короче, ты лучше знаешь, и сразу уходите, Все снятое с минометов и оружие закопайте или утопите в арыках по дороге. С богом. Выполняйте! Подполковник, как Вас там? А, извиняюсь, Маллоко-сымоухун, Вы у нас разведку преподаете, – обращался он к следующему, – вам и карты в руки. Впрочем, стойте, вы по национальной принадлежности, по-моему, уйгул, против своих воевать собрались?

–

Товарищ генерал-майор, я по национальности уйгул, и женат на имперке. Знаю, именно поэтому мне лучше бы быть отсюда подальше, но у меня есть план, который вам поможет. А воюю я не против своих, мои уйгулы всегда не очень любили досов, но ханей не любили никогда. И если и идут на нас уйгулы из Сицзяна, то моих братьев там быть не может.

Преподаватель разведки с несколькими курсантами уже заминировал несколько участков шоссе управляемыми зарядами.

–

Смотрите, товарищ генерал-майор, сначала пойдет авангард. Скорее всего какая-мелочь, типа пары танкеток. Вы их

⁴² Название минометов, приданных пограничным войскам.

пропустите. Потом, когда пойдут основные силы, замкните контакторы на эту и эту батареи. Рванет здесь и здесь. Ну, а когда у врага обязательно начнется паника, сами посмотрите, где взрывать. Заряды установлены вон там и вон там. А теперь, простите, батя. У меня семья недалеко от училища живет, если со мной тут что случится, то и им не поздоровится.

—

Понимаю тебя, солдат. У меня своих детей нет, одна жена здесь, и то сердце не на месте. Удачи тебе, подполковник.

БМП-3⁴³, вооруженные небольшими пушками и пулеметами, замаскировали неподалеку. Типа не заметить их непосвященному среди осыпающихся яблоневых деревьев. Не успевшим далеко разбежаться экипажам объяснили, требуется только одна атака, боеприпасов в которой не жалеть. В случае жесткого отпора, быстро отступить, поджечь машины и уходить в город, а там уж кому что суждено.

Многое еще хотелось сделать генералу перед этим последним и единственным в его жизни настоящим, не учебным боем. Но раздался на дороге шум движущейся техники. На большой скорости пронеслись три «бэтэра». С некоторым отставанием, не прикрывая а, только наблюдая за ними, пролетел вертолет. Очевидно заметив следы готовившейся обороны, он порыскал из стороны в сторону, но реальной опасности, не усмотрел, так как очень скоро появились основные

⁴³ Боевые машины пехоты.

силы.

Впереди шли три старых танка ТИП-59, выпущенных еще в середине восьмидесятых и представляющих собой копию среднего танка Т-54А, который был принят на вооружение в Империи еще в 1955 году. Следом неспешно двигалось около десятка тягачей с крупнокалиберными орудиями, кузова которых были плотно забиты солдатами в джуньской полевой форме. Параллельно по соседней проезжей полосе двигались бронетранспортеры с высунувшейся в открытые люки пехотой. Замыкали колонну дивизион «Градов» (довольно устаревших ракетных установок) и четыре современных танка Т-90С совсем недавно купленных у Расеи.

«И это все их войско, – чуть ли не с обидой подумал генерал, – да мне бы чуток поболее сил, я бы никого из них живым не выпустил. А идут-то как неграмотно, хорошая засада и пи..ец котенкам, рать не будут».

Воодушевленный «полководец» начал сыпать приказаниями, не задумываясь о том, что одни из них просто некому исполнять, а другие, например, как о подготовке удара по танкам гранатометами с кумулятивными снарядами, уже выполнены. Причем курсанты, ползущие к шоссе с древними РГ «Пламя», не получали, да и не нуждались ни в какой команде, и скорее всего, подспудно понимая, что двигаются к своей гибели, но и не нуждались в сочувствии. Просто наступает в жизни некоторых людей какой-то момент, когда человек становится выше природы с ее инстинктами само-

сохранения. Впрочем, никто умирать не хотел. Не верили в свою смерть курсанты и офицеры, осторожно разглядывающие приближающихся врагов. Не ждал ее прихода, по крайней мере, не сегодня и не здесь их начальник. И точно не верили в свою смерть джуньские солдаты, для которых этот «Великий поход» начинается так занятно, а главное безопасно.

SMALL ARMS

(англ.)

SCHUTZWAFFEN

(немецк.)

ARMAMENTO DE INFANTERIA

(итал.)

ARMEMENT D INFANTERIE

(франц.)

ША ЖЕНЬ

(китайск.)

ДА ЭТО НЕ ВОЙНА, А СМЕРТОУБИЙСТВО КАКОЕ-ТО (русск.)

Преподаватель разведки всё рассчитал почти правильно. Маловато в его распоряжении оказалось взрывчатки, да дрогнула рука генерала, решившего проводить взрывы самостоятельно и упустившего первый в колонне танк. Когда прозвучал мощный взрыв под гусеницами второй машины, та, подпрыгнув, сделала балетное фуэте, протаранив следовавший чуть в стороне и с небольшим отставанием танк. Первый, казалось, не заметив ничего, продолжал двигаться с прежней скоростью. В хвосте колонны взрывы заделали только первый танк, да и то не слишком повредили его, но оче-

видно оглушили экипаж. Стальная машина, не снижая скорости, пронеслась вперед и протаранила остановившиеся из-за общей сумятицы «Грады», и только потом загорелась вместе с ними, и взорвалась с их боезапасом. Одна из замыкающих колонну громадин съехала на обочину, и тут же взрывом последнего запала ей разворотило гусеницу. Два других монстра неспешно стали отползать по дороге, хищно крутя башнями, пытаясь определить, откуда исходит опасность. Два курсанта с гранатометами выдвинулись на расстояние выстрела, и, привстав на одно колено, ударили кумулятивными снарядами, которые, прочертив огненные дуги, понеслись по направлению к танкам, одна из них ударила в стык съемных экранов с динамической защитой слабо защищенного борта. Не мог помочь здесь комплекс «Штора», снижающий вероятность прицельного попадания ПТУР (противотанковыми управляемыми ракетами). Танк вздрогнул всей массой и остановился, казалось, ничто его не повредило, но через несколько мгновений его неплотно прикрытые люки распахнулись одновременно, выпуская испепеляющий даже металл жар взорвавшегося боезапаса.

Оставшийся неповрежденным танк, наконец-то увидел врагов. По курсантам ударили из пулемета, и оба почти одновременно были отброшены назад, пораженные пулями, которым эти хрупкие юношеские тела даже не показались преградой. Но командир танка не долго радовался меткому выстрелу. Теоретически встречается не часто, но так и задума-

но, – простой снаряд из «Василька» лягушкой попрыгав по дороге взорвался под слабой броней днища танка. Что там он пробил, не нам гадать, но осколки, попав под решетку двигателя, то ли перебили маслопровод, то ли разнесли топливный насос, но еще и растрескали колбу огнетушителя, срабатывающего автоматически при возгорании, поломали что-то еще, включающее систему пожаротушения двигателя. Позже выплеснувшееся на раскаленный мотор масло вспыхнуло, и дизель превратился в неугасимый костер, охвативший пламенем всю машину. Экипаж был вынужден покинуть танк грозящий взорваться. Они так торопились, так хотели жить, но пули поющие со всех сторон, осколки мин и снарядов БМП, выползающих из-за деревьев на прямую наводку, не позволили никому избежать костлявой хватки смерти.

Механик-водитель третьего танка в голове колонны не успел отреагировать когда машина, идущая впереди, странно подпрыгнула и резко развернулась на месте. Он, быть может, смог бы вовремя остановиться или отвернуть от возникшего препятствия, только второй своим странным маневром протаранил его. Удар был очень силен, водитель даже на какое-то время потерял сознание. Придя в себя, но, почему-то не видя ничего, он начал оправдываться перед командиром танка. Ответа не последовало. – От удара внутренняя связь вышла из строя, – думал солдат, – проводку закоротило, вон как пахнет жженой изоляцией проводов. Ну, теперь этого варвара-уйгула накажут, но и меня хвалить не станут. Что я

теперь родителям напишу? Как они смогут мной гордиться? А главное – лишь только бы с армии не выгнали. Дым все быстрее заполнял машину, что там вверху командир не шевелится, умер он что ли. Механик попробовал открыть люк корпуса, через триплекс которого почему-то исчезла видимость. В крошечной темноте это никак не удавалось. Люк заклинило, и он был явно горячий. Неужели мы горим? Собрав все силы, он попробовал открыть замки нижнего люка, но их словно сваркой прихватило. Есть еще путь наверх, перекрытый мертвыми телами наводчика, заряжающего и командира, но от гари меркнет, угасает сознание. И не надо ему, молоденькому, не спавшему с куней⁴⁴, «Великого похода». Не надо никаких наград и почестей, нужен только один глоток свежего воздуха. Хочется только увидеть пронзительную голубизну неба над головой. Сталь башни нагрелась, прикосновение к ней сразу оставляет ожоги на руках, кожа на лице обугливается от жара, но вот совсем немного и этот проклятый люк откроется, вот еще чуть-чуть и будет это самое голубое небо, будет свежий живительный воздух. Немного не успел солдат. Сдетонировали капсулы снарядов, видимо достигнув критической температуры нагрева. Вырвалась на свободу душа солдата из подброшенной на несколько метров башни, но тело сгорело, почти растворилось в пламени взрыва. Может быть, это и есть геенна огненная. Преисподняя и чистилище не измышлено затуманенными умами верующих

⁴⁴ женщиной

в потустороннее существование спиритоманов, а находятся прямо на грешной земле.

В это время на дороге клокотал разверзшийся, созданный человеческим «гением», ад. Тягачи с солдатами и бронетранспортеры, которые не были взорваны в первые же секунды боя, теперь попали под прицельный перекрестный огонь всего, чем располагало погранучилище. Лишь одному из четырех бронетранспортеров удалось вывернуть из создавшейся пробки на открытое пространство. Но его атака вверх по склону ничего не могла изменить. Солдаты, которые еще оставались на его броне уже расстались с этой брэнной жизнью. А через короткое время прекратил с ней отношения и водитель с командиром. Потому что не подумали, или не успели закрыть пусть и слабые, но все же бронированные лобовые щитки. А с откоса вниз, на людей в большинстве своем не пытавшихся оказать сопротивления, курсанты с сознанием собственной неуязвимости бросали гранату за гранатой, не думая, что большинство из «лимонок» (Ф-1) до противника попросту не долетит. Но так возбуждающе звучит грохот разрыва брошенной тобой не очень тяжелой, но столь губительной игрушки. Особенно когда знаешь, бой не какой-то учебный, и ты широким взмахом руки сеешь настоящую, всамделишную смерть. Как интересно на мушку автомата АК-74 поймать движущуюся живую мишень и радостно сознавать, что ее дальнейшее неподвижное положение обеспечила меткая пуля выпущенная тобой. Так занятно наблю-

дать, как объятая пламенем отдельная фигурка катается по земле. И это не каскадерский трюк из грошового боевика. А настоящая боль и настоящая смерть. Это любопытно, когда боль не твоя, а твоего врага, и не верится, что с тобой может быть точно то же.

А когда все гранаты кончились, мишени раздумали перемещаться, пограничники в одном порыве, упиваясь криком ура и, поливая из автоматов горящую технику и неподвижные фигуры на плавящемся асфальте, бросились вперед под пули своих же товарищей, наступающих с противоположной стороны дороги в БМП. И не были эти молодые парни, в большинстве своем миролюбивые досы, воспитаны такими кровожадными, просто опьянение боя переносит человека в другие реалии, будит издревле заложенную в человеке жажду уничтожения себе подобных, названных позднее врагами, для оправдания своей звериной, неконтролируемой жестокости.

Самый первый танк проскочил вперед довольно далеко, прежде чем до его командира дошло происходящее. Круто развернув машину, молоденький танкист увидел взрывы. И что-то в них было не так, какие-то они не ровные и не красивые как на учениях. В центре их горели и рушились не муляжи вражеских боевых машин, а друзья и техника, продвижение которой он обязан, был прикрывать, даже ценой своей жизни. Поначалу было непонятно, откуда бьет противник, но, продвигаясь назад к месту боя, он заметил, как

из— за яблоневых деревьев, справа, выползает корпус чужого БМП. Еще курсантом училища, изучая технику возможного противника, он запомнил, что имперские называют эти танкетки «братскими могилами пехоты», за слабую броню. Эту первую в своей жизни настоящую вражескую машину он поразил бронебойным подкалиберным снарядом с сердечником из уранового сплава после первого же выстрела своей 105-мм пушки. Вторая наводчику далась не так легко и загорелась только после третьего выстрела, да и то произведенного почти в упор. Ответных выстрелов за своей броней он не боялся, но металлолом, так он называл свой танк, и есть металлолом. Древняя машина не выдержала попаданий снарядов даже такого немогущего противника. Удар под основание башни не только заклинил ее, но и еще что-то нарушил в электропроводке, — исчезли свет и внутренняя связь, заглух двигатель. Орудие перестало слушаться даже ручного управления и импотентно свесилось к пожухлым травинкам этого поля брани. Зато современный пулемет на башне весело задрался в зенит и живя какой-то собственной жизнью, торопился отстрелять оставшийся боезапас в небесную синеву, постепенно затягиваемую дымком от барбекю из недавно живых человек и их техники.

Едва оправившись от гула в ушах, командир бросился помочь механику отыскать неисправность, но в такой тесноте и темноте только всем мешался. Чуть не плача, младший командир вглядывался в башенный перископ. Бессиль-

ная ярость сводила челюсти до зубного скрежета. Находиться почти в центре боя и быть заживо запечатанными в этом гробу, не в силах помочь гибнущим товарищам, что может быть горше для воина? Он видел, как современный танк, на котором он так мечтал воевать, стоит в отдалении, накренившись на обочине, и повреждена у него наверняка одна гусеница. И эти предатели ничего не предпринимают для ее ремонта. Да будь он сейчас в этой машине, он бы из пушки и пулеметов громил бы ненавистных противников. – Ну, ничего, после боя, когда мы победим, я найду, кому сказать о недостойном поведении этих трусов, – шептал танкист в кровь искусанными губами.

Экипажем в современном танке командовал настоящий, большой генерал. Поднаторевший в интригах генерального штаба он сразу понял, такое не совсем комфортное, но вполне безопасное путешествие принесет ему лавры первого вошедшего в бывшую досовскую столицу. Лимузин на место простого командира танка он променял по двум причинам. Во-первых, он показывал, что ему, офицеру, помнящему еще наставления Великого Кормчего, не ниже его достоинства общаться с простыми солдатами. Как и положено выходцу из танкистов, самому покомандовать танком в самом начале «Великого Похода». А во-вторых, хоть и не предугадывал он возникновения такой битвы, но за броней оно всегда безопасней. В скоротечных боях, прошедших на границе, генерал держался подальше от выстрелов. Но тут, ко-

гда без единого выстрела со стороны противника разгромлен укрепленный район, прикрывающий город. Когда воздушная разведка доложила о том, что дорога на всем протяжении практически свободна, генерал решил: – его час славы настал. Сейчас отрешенно рассматривая с такого близкого расстояния уничтожение авангарда, руководство которым он так легкомысленно взял на себя, генерал не думал о смертельной опасности. Он дал указание на включение термодымовой завесы и неспешно связался с вертолетом сопровождения, и тот уверил в приближении подмоги. Да и без этого сообщения он не сомневался, его, такого большого бонзу, поторопятся спасти. Генерал прокручивал в мыслях вероятность интриги против него. Возможность того, как все события представить в выгодном для себя свете. В принципе, он уже знал, что доложить лично Председателю Госсовета, об этом, пожалуй, самом кровопролитном с начала компании бое. Кого выставить ответственным за потери. Как скромно указать на свое мужество и самоотверженность, в конечном итоге приведшие к победе. Сейчас генерал почти видел, как малочисленные враги, практически уже покойники, (сам лично прослежу, что бы расстреляли всех, кто успеет сдаться в плен), радовались столь глупой победе.

А курсанты и офицеры в экстазе бестолково сновали по дороге и возбужденно обнимались. Одни оттаскивали от горящей еще техники раненых врагов, другие разглядывали немногочисленных пленных, а считавшие себя самыми ум-

ными собирали оружие и боеприпасы. Генерал обнимался с курсантом, обладателем сотового телефона, и всем уверенно повторял. – Вот как быстро мы их разделали, да мне бы несколько танков, я бы с такими батырами этих хунхузов быстро до самой границы отогнал.

Довольно низко над дорогой пролетел вертолет, но от выстрелов курсантов ушел резко в сторону и вверх. На большой высоте он облетел вокруг все поле боя, и, прикинув что-то ведомое ему одному, поднялся еще выше. Когда дорогу и прилегающее пространство подняли в воздух взрывы ракетного удара, вряд ли кто-то успел что-либо понять. Ад, бушевавший над дорогой несколько минут назад, был лишь детским утренником по сравнению с симфонией смерти, поднявшей на дыбы землю. Не больше минуты, длилось светопредставление, аподнятая в воздух земля, превратившись в прах, опускалась на свое место очень долго, Только через пару часов, прилетевший снова вертолет, смог доложить, что признаков возможного сопротивления в указанном квадрате больше не обнаружено. И уже ближе к вечеру осторожно проползли мимо боевые бронетранспортеры с разведкой передовых ханьских частей. За ними медленно подтянулись мощные трактора, сровнявшие дорогу и столкнувшие подале в разные стороны все ненужное и мешающее движению великой армии: как-то развороченный танк с останками знатного ханьского бонзы и пусть покарябанный, но вполне рабочий сотовый телефон, почти всегда равнодушный к по-

тере хозяина.

АКМОЛСТАНА. ПРИМЕРНО ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ.

Оговорены все основные пункты протоколов. Sib jubice⁴⁵ всякие мелочи, типа недавних территориальных приграничных претензий. Практически осталось только подписать в Красном дворце столицы Подлунной несколько ничего не решающих уже гербовых бумажек, которые торжественно преподнесут в очень дорогих папках. Как высказался один новый классик⁴⁶ – в футлярах из кожи очковтирательной змеи. Отец Досовской республики может быть удовлетворен: он спас свой народ от истребительной войны. Но так тяжело на душе его.

Кое-какие пункты союзного соглашения как-то несоюзны и оглашают какой-то неравный брак. Теперь войска Подлунной могут свободно передвигаться для маневра и даже размещаться на территории досовского государства, а национальная армия фатически распускается. Остающиеся в распоряжении президента опереточные подразделения принимают присягу на верность обоим странам. Гарнизоны джуньской полиции будут располагаться во всех сколько-нибудь

⁴⁵ В стадии обсуждения

⁴⁶ Терри Прагчет

значимых городах для защиты своих граждан, которые будут иметь право безвизового въезда и свободной торговли с разрешения ханьских властей. То есть таможенные ограничения приобретут некоторый перекос. Разумеется это временная мера. Постоянная, что инспектора южного соседа получат право контроля над деятельностью неких госучреждений и предприятий. В парламентских заседаниях обязательное участие примут наблюдатели правительства Подлунной. Все внешнеполитические соглашения сюзерен независимой степной республики обязуется принимать самостоятельно, но после некоторых консультаций с председателем или специальным советником председателя Народного Собрания по делам степной республики. Оный, для удобства президента степной республики, будет постоянно находиться в Акмолстане. Впрочем, глава суверенного соседа может проживать не в соей продуваемой северными ветрами резиденции. Гораздо покойнее находиться с собственной семьей в собственном особняке, в живописном пригороде столицы старшего друга, по соседству с другими верхами союзных стран. А отпрыскам его, чуть не до десятого колена, всегда распахнуты двери лучших учебных заведений нового «большого брата».

Еще несколько пунктов таких же взаимоприемлемых условий, и соглашение готово к печати. Чтоб всё было завершено к вояжу в Подлунную высокого досовского гостя, или, уже можно сказать сподвижника. Да и не ХНР, не Чина те-

перь следует употреблять в своей разговорной речи, а Хань-хуа Жемин Гунхеге. Это только по началу непривычно проговаривается, а когда везде, начиная со школьных букварей, так писаться и произноситься будет, то скоро все привыкнут.

По существу уйгульского вопроса, – можно не беспокоиться. Несколько тысяч уйгулов проживавших в бывших имперских республиках, больше не вспомнят о попытке создания суверенного государства. Куда им, да еще со столицей в Алматы. Будут проживать они как прежде на своих землях, только присоединенными к своим восьми миллионам братьев в ХЖГ. Не откажет, наверное, президент независимого досовского государства, в знак доброй воли, вечной любви и исторической правильности вернуть эти малозначимые территории. Тем более речь идет о неразвитых горных районах: Уйгурском и Нарынкольском, Алматынской области. Зачем степной республике полудикие горцы? Ну, возможно, надо подумать о постепенной передаче и самой этой области, тоже, кстати, с древности принадлежащей первой на земле империи. Это же мелочи, когда вопрос идет о будущем добрососедстве и дружбе на века. Что значат считанные сотни квадратных километров, как и некоторые совсем малолюдные земли в приграничье, до пределов все еще пока лелеющей свой суверенитет Монголшаудании. Но эти вопросы второстепенные и не стоит на них заострять сегодня внимание, свое и общественности. В недалеком будущем, в спокойной обстановке их можно будет решить к обоюдной вы-

годе в одностороннем согласии. Рождающаяся всеазиатская держава против политики двойных стандартов. Её отношения с союзниками, а тем паче прочими, гораздо более многоуровневые, гибкие и многогранные.

Вот и кончилась эра независимости досовских племен. Осталось лишь в древней истории такое время, когда жузы не знали над собой хозяина.

Привыкая к новой роли, президент степной республики спросил по прямой телефонной связи у свежеиспеченного старшего брата:

—

Ко мне на подлете подразделение заокеанских специалистов – как с ними определиться?

Председатель Народного Собрания посоветовался с кем-то, очевидно находящимся рядом, так как ответил довольно скоро:

—

Мы в курсе. Вручите президенту Гегемонии и его народу соболезнования, в связи с гибелью их солдат при случайном взрыве оборудования на борту самолета, совершающего посадку в вашем аэропорту.

МАЙОР БЫВШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АДЖИКСКОЙ АРМИИ ВАСЬКИН В. А.

Васькин лежал на подстилке из пушистых метелок камыша, и вокруг стеной стоял камыш. Он сверх всяческих сил пытался отговариваться отвечая на нудные и глупые вопросы невесть откуда-то взявшегося Цыгана. Одновременно, сквозь не утихающий гул в голове, пытался сосредоточиться на мысли, почему он здесь. Что это за похмелье такое, аж сама пьянка никак не вспомнится. Почему не саднит, как последствие принятия местного самогона, а именно звенит голова.

—

Слушай, господин майор, а почему тебя Вовчиком величают, а не Вованом, или, к примеру, Володимиром, как президента всея Расеи?

—

Это только для друзей и близко знакомых женщин. Так, наверное, ближе и лучше. Ни с кем не спутаешь....

На этом беседу можно было б, в соответствии с состоянием здоровья закончить, но молдованин прицепился как репей. Иль как постоянно у нас поминают, очевидно, нам бли-

же, чаще и чище – как банный лист.

– Дык ить как-то не солидно для начальника.

–

Кому положено, те по званию и имени отчеству обращаются. Зато когда за глаза кто и вякнет про меня, то опять же вовчиком обзовут, а

не, к примеру,

треть полковником типа пришибеевым иль еще каким негожим обруганием

.

Мне вот так вот больше нравится....

–

Но это, согласиись, не совсем обычно.

–

Обычно прозвище по фамилии или характерному признаку дают. Вот ты, Цыган, не потому что представитель воровского племени, а потому как иногда не в меру назойлив и смугляшка, впрочем, последнее почти все в твоём и моём воинстве. А меня, поскольку особо броским уродством не отличаюсь, скорей всего по моей фамилии Васькой прозвали бы. Был у нас дома когда-то такой славный котяра. На зов Васька Васькин откликался. Очень я его любил, но его кличку почему-то не хочу носить. Достаточно общей фамилии....

–

Я, конечно, дико извиняюсь за свою докучливость, но чему всёж Вовчик?

—

Меня так мама в детстве звала, сам понимаешь, по-уменьшительному с имени и от волчонка, вовчѣк,

по-украински. Я и привык, когда маленьким был, всем так представляться. От этого у меня погоняло и во дворе и в школе прицепом шло. А потом и в институт и армию за мной как-то потянулось....

Да, капитан, ты, по-моему, меня об этом уже спрашивал? Может, лучше растолкуешь, наконец, за каким мы тут находимся?

—

Да, Вовчик, спрашивал. За те три дня, что рядом, близким другом я для тебя не похоже стал, но поскольку все это время за тобой ухаживал, то можешь считать меня близко знакомым. И не ощупывай свой зад, не на столько близким. Я нормальной ориентации. Скорее уж лесбиян чем гомик.... Таки еще раз да, об этом и многом другом я тебя уже спрашивал, и ты отвечал. Иногда довольно внятно. Но если с тобой не разговаривать, ты отключаешься, а потом начинаешь орать, как оглашенный. Нам, мне млится, сегодня реклама не дюже потребна. И не первый раз я тебе рассказываю, хоронимся мы тут от ханей, которых в округе слишком много для нашего подразделения, состоящего из полутора полудурков. Может, теперь вспомнишь артподготовку, после которой им не на кого стало наступать. Нас тоже, по-взрослому таки, взрывной волной накрыло. Но ведь потом, ты встал.

Сам привел меня на это место, Сам объяснил, как найти твою жинку. Кстати, она у тебя почти симпатичная, шо для местных огромная роскошь. Пока шмакодявка, но, похоже, будет смакодевка. Не Аспара, конечно, коея у индусов за боги-ню красоты, но красота жнщины, она ведь прямопропорциональна сроку воздержания мужчины. А твоя еще и умница, принесла нам и воды и пожрать. Правда лепешки такой твердости, что пора бы отдать птичкам – дятлами называются. Ты ее еще и за шинелями сгонял, ночью холод в этих краях собачачий. А вот фуражку только одну доставила. Наши-то мы на том перепаханном поле посеяли. Кстати, свою мне не уступишь случаем – по сходной цене? На твоей трясущейся голове она все одно не удержится.

—

Забей

47

.

—

Это что значит – да? Нет? А в прошлый раз с благодарностью откликнулся на мое предложение, поскольку я забил

⁴⁷ В языке описываемой реальности множество слов, которые содержат в себе множество значений, иногда противоположных по смыслу. Забить можно гвоздь в косяк или просто «косяк»; «козла» при одноименной игре в домино, козла (животного) на мясо, али просто козла просто забить. Забить можно гол в ворота и рот кляпом, чтоб не орал ночью на весь квартал ГОООЛ, тем более, что забитый, по обыкновению, в наши ворота. Забить нужно место для опаздывающего друга за дружеским столом. Ну и при некотором не настроении забить на всё и всех.

на то, как каждый раз, прооравшись в бреду, ты начинаешь допытывать меня об одном и том же. Сегодня вот хотя бы взгляд более осмысленный. Вовчик, перестань трясти башкой, возьми себя в руки. Нам отсюда, как говорят в моем любимом кине, пора рвать когти. Или, учти, сегодня по вечерам, как стемнеет я свалю один.

—

Да, что-то, похоже, начинаю вспоминать. Сколько дней мы здесь, в этих камышах?

—

Трое суток, Владимир Батькович, заметь из-за твоего, мягко сказать, странного бодрствования, трое прямо – таки бесконечных суток. Кстати, как сейчас Вы оцениваете свое самочувствие?

—

Ты когда-либо просыпался с убийственного как армагеддец похмелья, и последнее чего не мог вспомнить, это как по пьяни зацепился ногой за подножку трамвая, и ехал, таким образом, пару кварталов ударяясь головой о каждый камушек булыжной мостовой?

—

Спасибо, нет.

—

И я нет, но сегодня вообразить можно.

—

Ну, если можешь еще о себе воображать, то жить будешь.

Вовчик с трудом вспоминал смутные, расплывающиеся видения, но чем больше напрягал мозг, тем сильнее звенело в голове. Но, главное, он вспомнил, почему они прячутся в этом месте. Он вспомнил, что от его полка никого не осталось в живых. Это он их командир, пусть даже очень временно исполняющий обязанности, но именно он приказал им ждать его возвращения. И вот теперь он жив, а там лежат их растерзанные взрывами, и до сих пор не погребенные тела. Он вспомнил, а в это время в уши ударил такой набат, что, охватив голову руками, Вовчик не удержал сдавленный стон.

—

Ну, ты особо не напрягайся, а то снова отъедешь. На вот, попробуй, немного поешь. А то трое суток не жрамши Вы, господин майор. Жрать – то жрали, но всё из вас обратно вываливалось. Вот когда рядом с тобой особо вашко

48

находиться. А сейчас кушай, чем бог через твою жинку послал, набирайся сил. К ночи сматываться будем. Смятенно и муторно мне здесь что-то. И баба твоя, когда последний раз приходила, видимо важное что хотела сказать, я понял только, гонит она нас от сюда. Хотел тебя разбудить, но ты первый раз спал спокойно, пожалел тебя.

Немного перекусив черствыми местными лепешками с вонючей брынзой и запив перекусшим айраном⁴⁹, впрочем,

⁴⁸ Укр. яз. – тяжело.

⁴⁹ Кислым молоком иль просто простоквашей.

совершенно не ощущая вкуса, Вовчик закрыл глаза и, стараясь не особенно напрягать самое свое больное место – голову, мучительно вспоминал события последних дней. Он хорошо помнил тот страшный вечер, когда они с Цыганом ходили по вдруг обезлюдившему селу. Как внезапно короткие серые сумерки сменила беспросветная мгла. Сумерки на юге всегда быстротечны, но в этот раз ночь вот именно обрушились. Потом когда Вовчик уже контуженный лежал на взбрыкивающей, как испуганная лошадь земле, он увидел, а может быть, это ему только привиделось, как довольно большая часть равнины, занимаемая его полком, сузилась до размеров футбольного поля. А может и много меньше, так как вся просматривалась из положения лёжа. Не было на ней ни блиндажей, ни довольно таки бутафорских, но все же окопов. Вся площадка клубилась фосфоресцирующим черным дымом. А совсем неподалеку от лица майора стояли дымящиеся сапоги если и нее друга, то привычного составанника подполковника Величко. И еще: по полю спокойно с видом озабоченного хозяина идет человек и огромным мечом "бастардом" перерезает глотки солдатакам, тем в ком еще теплится жизнь.

"Что ж ты, сука творишь" – вскрикнул Вовчик, и, выхватив пистолет, разрядил в стервятника всю обойму. Незвестный вроде бы и дергался от каждого попадания, но умирать явно не собирался. Зато обратил внимание на еще рыпающуюся особь и подошел к майору. Медленно и неотвратимо

занес свое мерцающее сверхъестественным пурпурно-фиолетовым переливом оружие. Но что-то остановило его удар.

"Живи пока, Вовчик, – сказал страшный незнакомец. – Я еще найду возможную вероятность близко с тобой пообщаться".

Майор попытался встать, но страшной силы удар поверг его оземь и в беспамятство.

Вспоминая этот бред, Вовчик вытащил из кобуры свой «Макар», вынул обойму – та действительно была пуста.

– Так я ж ее профукал толи на той неделе, толи на этом месяце, соревнуясь в бутылочном расстреле по случаю сабантуя с супротивниками. Хорошо, хоть запасная осталась. Похоже, в наше время без оружия уже не прожить. Как там говаривал Иисус Христос – и если есть, у кого плащ, то продай его и купи меч. А может, и не он это сказал, но все равно – до противного верно.

С наступлением почти непроглядных сумерек, Цыган растолкал пребывавшего в полусне-полубеспамятстве Васькина.

–

Всё уходим. Хани вечером недалеко от нас по тугаям ша-стали. Шоб я видел их одноногими, а они меня одним глазом....

Не слишком уверенно поднявшись, но решительно закинув за плечо тощий вещмешок, майор бывшей аджикской

армии направился в сторону, где раньше находились его окопы.

—
Ты куда? – рванул его за полу шинели Цыган.

—
Так там ребят похоронить надо, и оружие, может быть, какое найдем.

—
Каких ребят похоронить, какое оружие? Хани там всех уже захоронили, заровняли бульдозерами

,
так, что и следов не отроешь. А всё оружие, до этого еще, специальная команда отыскала.

—
Да не могу я вот так уйти от своего подразделения, мне честь офицера..., лучше б я там с ними слег.

—
Насчет того, что ты там моментом сляжешь, я ни мало не сомневаюсь, а вот насчет офицерской чести, это Вы господин уже бывший майор здешней армии, чой-то загнули. Когда и где вы ее щупали? В военном училище, я что-то слышал об оной, но ни там, ни в своей пишпекской армии не наблюдал. Иль Вы имеете в виду ритуал, который постоянно обязаны отдавать её, путём вскидывания руки к своей офицерской фуражке? Ну-ну, за это можно все отдать.... А может быть, она, эта нематериальная честь, была осязаемой во вре-

мя Великой Отечественной? Так там мой дед почти до полковника навоевался. Он когда пьяный был, а трезвого я его почти и не бачил, любил воспитывать нас, мальцов, на своих героических примерах. Только если лозунги всякие откинуть, запомнилось только то, как командиры, солдат вооруженных одними трехлинейками почти без патронов, на доты бездумно гнали. А вот если какой-то красноармеец идти на верную смерть не желал и нарушал строй цепи, то ему пулю отсчитывал из своей обоймы товарищ офицер. Нет, не думали тогда об офицерской чести, каждый размышлял, как выжить, как от смерти подчиненными загородиться. Оно и понятно, не ты, так тебя. Не чужие, так свои. Аксиома проста, но непреложна. А если свои грохнут, так это намного хуже еще и потому, что твоя семья, родственниками врага народа будет считаться. Потому и победили мы тогда, не о чести размышляли, а своих начальников боялись больше чем врага.

Вовчик вроде и не слушал и не понимал капитана. А тот, крепко вцепившись, пресекал все попытки вырваться, и все гнусавил, гнусавил злым шепотом:

—

Думаете, может в царской армии, где это понятие зародилось, офицерская честь всем правила? Может быть, может быть, давно это было. Но точно знаю, выражение «пересчитать зубы» с тех времен пошло. Не гнушались господа собственноручно солдатам перед строем демонстриро-

вать, чтоб честно перед начальством выглядеть. Тогда и было введено для вашблагородия обязательное ношение перчаток, а то о зубы, не знающие зубной щетки, ручку холёную повредишь и, не приведи господи инфекцию какую хапнешь. Вот это честно, не так ли?

Наконец, Цыган почувствовал, что майор перестал рваться, слегка успокоился и готов думать. Тогда он отпустил шинель и сказал негромко, с бесцветными, будничными интонациями:

—

Оружие там, у джуньских патрулей забрать можно, но тебе они его не дадут, да и подойти к ним близко ты не сможешь. Они с приборами ночного видения ходят. Я за ними немного понаблюдал. Видимо меня и засекли за этим делом. Сегодня не уйдем, завтра нас точно найдут, вот тогда к ребятам твоим и отправят, не особенно чикаясь. Как ненужных соглядаев.

Цыган был прав, судьба и так слишком благосклонно отнеслась к Вовчику, но лишний раз испытывать её терпение не стоило. Гораздо разумнее было, хоть и не безопасно для глаз, в темноте прорваться через заросли тугаев и уйти в сторону гор. А что там? Вот там и зримо будет.

Осторожно продираясь сквозь колючие кустарники, безжалостно, в кровь царапающие открытые части тела, молдаванин тихонько приговаривал: — Вот что имели в виду муд-

рые латиняне, говоря: «Per aspera ad astra⁵⁰».

—
Что ты там бормочешь, — тихонько спросил майор.

—
Да вот, вспомнил, древние римляне родственниками мне приходится. И еще, похоже, выбрались мы, наконец, на простор и при этом тихо вокруг. И, что важно, не одной существенной части тела на сучках, как тот барсук, не оставили.

Наверное, с час они брели в сплошной темноте, спотыкаясь на всех неровностях почвы. Потом смилостившись выползла неполная луна, и от её пусть несколько ущербного света идти по полупустынному плато стало несоизмеримо легче. Ходьба, пусть больше напоминающая пьяное ковьяление, но разогнала по телу кровь. Ночная прохлада, студящая виски, уменьшила звон в голове, прояснилось сознание. Появились трезвые мысли.

—
Слушай, Цыган, а куда мы идем, в том направлении только горы, насколько помню карту, жилья там нет.

—
Это я вам понимаю. Куда мы идем? Вы же милостивый сударь нас ведете. Вы туташни

й командир, знаете местные края, народонаселение, их языки и обычаи. Короче всю географию с этнографией и

⁵⁰ На русском это будет звучать как через тернии к звездам.

прочей хронологией. Вас в этих палестинах в каждом ауле по достархану, окруженному любящим гаремом дожидается, и вы спрашиваете – ху есть ху?

–

Ладно, капитан, избавьте мои, и без того контуженные мозги от вашего красноречия. Давайте немного перекурим, прикинем к носу – куда двигаться.

–

Подумать оно никогда не помешает, а вот на покурить не рассчитывайте. Нету, у нас покурить, и стрельнут не у кого. Придется бросать вредную для здоровья привычку. Тем более, труднее всего продержаться первые три дня, а Вы их уже почти достойно выстрадали.

Если до этого разговора Васькина терзал звон в голове, то теперь к нему добавились муки никотинового голодания. И это, кто к несчастью своему понимает, переносилось, пожалуй, труднее. Вовчик, бессмысленно ощупывал карманы шинели, зачем-то залез в кобуру с «Макаром». Ладно, хоть в ствол пистолета заглядывать не стал. Незачем, а то некоторые окольцованные товарищи туда прятали заначку от жены. В карманах поношенной шинели он нашел несколько крупинок табака, но так мало, что ни о какой самокрутке и думать не приходилось. Попробовал было жевать эти пылинки, перемешанные с ворсинками сукна, но тут же сплюнул отвратную горечь. Когда-то, совсем в другой жизни, он читал у Джека Лондона, как на страшно холодной Аляске все

жевали табак. Но, видимо, его состав был несколько иной.

– Слышал я, давно когда-то, поэму типа Онегиана, а там такие стишки, «О долбаны, бычки, окурки, порой вы слаще сигарет. Но мы не ценим вас, придурки, а ценим вас, когда вас нет». И это ж надо, как какая-то сволочь точно подметила. Но самое обидное, столько раз бросал курить, ведь почти по месяцу маялся, но окончательно так и не смог бросить. А сейчас, когда и без того тошно, курить придется отвыкать, хочешь или не хочешь.

–

Да, вот экая гадская безотвычка, приобретаемая чаще всего из-за глупого выпендрежа. А насчет окончательно, пока не скончался бросить курить или пить нельзя. Окончательно, таки да, только бросить кончать можно. Это не похабность, шо вы, то всего лишь фонетика.

Ночной холод не позволил им долго рассиживаться на этом продуваемом злым горным ветром месте, а просыпающийся звериный инстинкт погнал в противоположную сторону от уютного жилья.

Под утро они наткнулись на раздолбанную дорогу, почти тропу, но, судя по размытым отпечаткам разномастных копыт, по ней когда-то не так уж давно прогоняли стада. Дождавшись серенького рассвета, Вовчик изучил грунтовку и оценил окружающую местность, заметно повышающуюся к северо-востоку, и где-то совсем неподалеку переходящую в

непролазные горы. В результате исследования он пришел к выводу, путь, скорее всего, ведет к кошаре⁵¹ на летнем выгоне. Это заметно приподняло его настроение, тоскливое вследствие произошедших событий и неизведанности будущего.

—

Друг мой, цыганская ваша удача, вполне возможно, до сих пор с вами, — приободрившись, мурлыкал он. — Если я не ошибаюсь, то скоро мы наткнемся на людей, причем настолько не цивилизованных, что вряд ли они знают о последних событиях в мире. Так как мы в Пишпекии, и аджики, которым я доблестно служил, предпочитают скотоводству земледелие, в этих камнях невозможное, то полагаю, мы встретим пишпекских чабанов. Для них вы большой начальник, — Ак Суяк, то бишь

белая кость. Вам, а значит и мне, по

сле Ваших нескольких команд, аборигены с премногим усердием преподнесут, если не сочный шашлык из молодого барашка, так ароматный бешбармак и пьянящий как пиво кумыс. Более того, в полнейшем экстазе от Вашего явления снабдят нас премного махоркой. Да и, конечно, будут горько переживать, если вдруг да не смогут выполнить указание по доставке шотландского вискарика или кактусовой текилы. Только уж и Вы ведите себя соответственно грозно и с достоинством.

⁵¹ Кошара — загон для овец.

Цыган, балагуривший не так давно, сейчас угрюмо молчал.

—

Что с Вами, мой не слишком юный друг? Куда делся фонтан Вашего неиссякаемого красноречия, или вы не выпалились? — не унимался заметно оживившийся Вовчик. — Так соберитесь капитан, от Вас сейчас будет зависеть, какой прием нам окажут местные дикари.

—

Оставьте хохмы, майор, я не знаю туземного языка, и еще я сбил в кровь ноги.

—

Таак, с языком это плохо. Как же Вы, офицер штаба дивизии, с подчиненными общались. У тебя такая же плохая, как и у многих расейских черта — живешь среди коренных жителей, а язык их выучить не желаешь. — Я мол тута приехал, вот вы под меня и выгибайтесь. Но язык, то не смертельно, вот покажите-ка ваши ножки, приятель.

Ноги Цыгана действительно были сбиты в кровь, и распухшие пальцы, торчавшие сквозь рваные вдрызг носки, говорили Вовчику, что их блистательный поход близок к завершению. Так получилось, потому как щегольские, из хорошей кожи и на крутой рифленой платформе ботинки, которые везде почему-то называют берцами, достались Цыгану на размер больше, чем требовались. Возможность пофорсить капитан предпочел удобству. При нормальных услови-

ях оно бы все ничего, даже и самому почти незаметно. Почему-то очень уж неприятно, когда обувь жмет. Только последние четверо, или даже больше суток Цыган не нашел возможности, а може охоты снять ботинки и хотя бы просушить носки. Носки просто сопрели на ногах, а почти прилично километровый ночной марш бросок, да еще по пересеченной местности, добил их смрадное существование. Нежные пальчики на изящных ступнях быстро разбились о грубую внутренность солдатской обуви. Особенно саднит вот этот пальчик. Как он там обзывается? Указательный что-ли? На ноге?

А шо вам обойдется когда зимой и летом в одних счиблетах?

Самое печальное, поначалу Цыган просто не чувствовал боли, а потом шел, преодолевая ее, испытывая себя героем и мучеником, не задумываясь, что заживать ноги будут очень долго. Тем более лазарета не предвидится, а на разбитых ходулях далеко не укувыляешь.

Видя такое дело, майор, матерясь сквозь зубы, грубо спросил: – Нижнее белье, ну майка какая-нибудь, есть? Давай сюда.

Цыган испуганно разделся, поеживаясь от утренней, более чем пролады. Снял футболку цвета хаки и протянул Васькину. Тот критично осмотрел ее.

—

Маловата будет, но моя тельняшечка давно превратилась

в майку, так что еще меньше. И у твоего исподнего прочность сохранилась, а это немаловажный фактор.

–

У женщин есть любимое нижнее белье, «неделька» обзывается. У холостых офицеров тоже свое есть – «месячишко».

Вовчик в ответ угрюмо буркнул, разорвал футболку на две портянки, показал капитану, как надо их наматывать. – Копыта свои беречь надуть.

– У кого копыта, а у кого и ноги. Почти по-мальчишечьи всхлипнул офицер.

–

Были бы ноги, носили бы голову. Учтите, капитан, раз мы в такой переделке живы остались, значит, судьбе это для чего-то надо было, поберегите себя – баловень фортуны.... Ну как, полегчало маленько?

–

Полегчало, вот только еще бы найти где-то, попить.

–

Араку?

–

Да не, простой бы водицы.

–

Есть у меня немного.

Капитан недоверчиво взглянул на почти пустой вещмешок майора. – А она свежая?

– Свежее не бывает. Почти горячая, и чистая – ты не со-

мневайся, только что пропущена через лучший фильтр – через почки.

– Да, майор, сразу заметно, как тебя крепко контузило – даже шутки Ваши и те контуженные....

Через некоторое время, Цыган, почувствовав, что боль уменьшилась, и может быть не все так беспросветно в обозримом будущем, попробовал шутить.

–

Если провиденье выбрало нас, то и на счет и воды и курева могло бы позаботиться.

–

Э, нет, батенька. Судьба, она только шанс дает, все остальное вы обязаны делать сами. У судьбы дел невпроворот.

Везде не поспеет, даже если просто оправдываться станет, пред теми кто её клянёт. За каждым прыщиком на вашей заднице она при всем своем старании не уследит. Примерно на эту тему есть бородатый анекдот, слушай: «Один старый еврей очень верил в своего бога. Молился днем и даже ночью, просыпаясь по нужде, не забывал сотворить молитву Яхве. И вот в один не прекрасный день началось наводнение. Залез старик на крышу. И подплывает к нему мужик на лодке, давай, мол, сюда, а то потонешь. Но старик отказывается лезть в лодку. Меня, говорит, бог спасет....»

–

Да, знаю я этот анекдот. Он еще с расшифрованных иеро-

глифов в пирамиде Хеопса, Хуфу – старику потом бог на том свете сказал: – "Я ж тебе три лодки и вертолёт посылал".

–

Вот анекдоты перебивать – почти самое паскудное дело. Нет, чтоб с показным вниманием дослушать до конца, а потом вежливо слегка похихикать. Как все нормальные люди..., ведь я все ж старший по званию. Распинаюсь тут перед ним, понимаешь, чтоб боевой дух поднять, а он

.... Тихо! Слышишь, где-то неподалеку машина едет.

Действительно, явственно донесся приближающийся шум мотора. Сам, грузовой, судя по звуку, автомобиль не было видно из-за небольшого бугра в нескольких десятках метров позади. Прятаться было поздно, да и негде.

–

Оружие к бою! – заорал Вовчик, и, выхватив пистолет, улегся рядом с колеей.

Вскоре показалась кабина «ГАЗ-66». Расстояние было довольно большим для прицельной дальности «Макарова», но Цыган выстрелил.

"Зря это ты, пацан" – зло подумал майор, но выбора уже не было, и он выпустил почти всю оставшуюся обойму по кабине, почти не целясь, на удачу. Из кабины кто-то вывалился и дал короткую очередь из автомата высоко поверх голов. Тут же до Вовчика донесся истошный вопль: "Идиоты, вашу мать!" И все стихло. Васькин понял, что джуни так орать не сподобятся. Выждав немного, осторожно, бочком, стал под-

крадываться к машине. Цыгану он негромко приказал прикрывать его, но больше без толку не стрелять. Настороженно приблизившись к машине, он осмотрелся. Только рядом никого не было. Тогда бережно открыв дверцу, он заглянул внутрь кабины, посмотрел на следы пуль, пробивших стекло, прикидывая, куда они могли ранить водителя. И тут между лопаток его не больно, но достаточно ощутимо, ткнулся автоматный ствол. Непонятно, откуда взялся его хозяин, в шапке-невидимке, что ли стоял рядом, но тон его речи был несказочно понятен, и разночтений не допускал.

—

Крикни своему засранцу, чо вон раскорячился с пистолетом, чтоб бросил оружие
, и шел ко мне. Объясни доходчиво. Иначе я с такой дистанции, в него из автомата не промажу, а для твоей тупой башки и удара приклада достаточно. Сомневаюсь, что она крепче окажется, хоть и такая же деревянная.

Вовчик вынужден был безоговорочно подчиниться столь внятному внушению. На его счастье Цыган, как говорится, не рыпался, исполнил все в точности. Незнакомец неловко обыскал их, и как-то неуклюже осмотрел документы, но профессионально провел краткий допрос, после которого сказал:

—

Даже в самом богатом на эти, как их... эпитеты, расейском мате, нет для вас достаточно верного определения. Та-

кую машину угробили, да еще меня зацепили. Надо было вас, как местных куропаток – кекликов, с автомата поджарить. Да вот патроны по нынешним временам подороже будут, чем ваши зряшные головёшки....

Собрался он, очевидно, добавить и этих самых эпитетов и уже для пущего эффекта взмахнул рукой, но болезненно сморщился и схватился за бок.

—

Ну вот, еще на одного мастера приколов прибыло, – ответил Вовчик, – показывай, где тебя ранило.

Незнакомец в форме расейского пограничника, со знаками различия старшего прапорщика и что вообще малопонятно в хромовых сапогах, осторожно разделся. Рана была не тяжелой, но как бы обозвать без специфически заумной эскулапской терминологии? Скажем просто – неприятной. Пуля не слегка чиркнула по коже в районе подмышки правой руки. Неприятность в том, что очевидно всеж задета какая-то мышца. Управлять рукой больно, да и заживают такие царапины медленно. Не лучше было на другой стороне грудины, видимо было сломано или крепко ушиблено ребро, а может и не одно. При касании к ним прапорщик страдальчески мычал. Вовчик, используя все свои познания в медицине и набор средств автоаптечки, сделал перевязку. Незнакомец через силу улыбнулся.

—

Теперь я спеленат, что твой младенец. Драться не смогу, а

буде так, то давай знакомиться по нормальному. Меня зовут Олег Васильевич. Он посмотрел на Васькина – чо-то мы с тобой почти тезки. Фамилия Пермяков. Служил на заставе «куском»...

–

Кем-кем?

–

Да почти на всех пограничных заставах бывшей Империи так старшину называли. Служил, – добавил он совсем другим тоном, и в басовитом голосе его послышалась страшное горе, – пока были с кем служить.

Прапорщик замолк, задумавшись о чем-то своем. Кажется, он забыл про собеседников.

Цыган немного деликатно помолчал, сочувствуя чужим переживаниям, но у кого их теперь нет? Осторожно покашляв, чтоб обратить на себя внимание, он спросил:

–

Олег Васильевич, вы случайно табачком не богаты? А то забыл, когда последний раз покурить приходилось.... Как, не курите? И в машине ничего случайно не завалилось? Это же надо, во всей Средней Азии единственный некурящий старшина, и конечно же, именно нам в такой драматичной ситуации попритчился. А я, как видели из документов, капитан, вернее теперь уже ближе всего бывший капитан пшпекской армии, по всей фикции, и армии тоже бывшей. Зовут меня Роман, но так как я на две четверти молдаван, то и

называют меня Цыган. Для большинства кацапов цыганка – малдаванка одно и то же....

Видя, что капитан настроился говорить очень долго, а общее настроение не располагает к пустозвонству, Вовчик резко оборвал его словоизлияние:

–

Цыган, заткнись. И не употребляй больше слово кацапы, а то я на барана, так вроде бы с еврейского переводится это слово, могу обидеться. И ты, Васильич, если доставать будет, сразу затыкай его. Он штабс-капитан, то есть при штабе служил, а там длинный язык дорогу к чинам вылизать помогает.

Роман действительно заткнулся на полуслове. Замолк, но по всему было видно, как он возмущен. Особенно обидно услышать такое от человека, минуту назад которым чуть ли не восхищался, и еще который не хухры-мухры, а в чем-то тебе обязан тебе, может быть и самой жизнью. Выежнулся перед каким-то прапором типа со всей прямоотой. Только ведь когда человек очень прямой, то чуть качнется не в ту сторону и сразу заметно, как тупит. Нет ты посмотри какое умное лицо сделал. Жаль, только оно и умное....

Вовчик, словно не заметив обиду Цыгана – продолжал:

–

Это благодаря его дурусти мы обстреляли тебя с такого расстояния. Будь на твоём месте джуни, мы бы покойниками были, не успев толком поиграться в войну. Или ты, действительно, мог нас по обиде грохнуть. Кстати, а чего ты по нам

не стрелял?

—

Да я давно был готов к подобной встрече. Автомат на боевом взводе всегда под рукой. Только в нашем случае сразу понятно, не на военных напоролся. Лишь дилетанты с такого расстояния из пистолетов начнут палить. Да еще и так безбожно мазать по такой огромной мишени.

—

Это мы-то не военные? Это мы-то дилетанты? Вскипел Цыган. — Да мы офицеры! Ну, в настоящем, которое уже в прошлом, не самых победоносных армий....

—

Да ладно ты, не хорохорься. Прав старший прапорщик. Вели себя как болваны, одно утешает, что дуракам, как говорят, счастье. Да, и чтоб с чинами покончить, похоже, скурвились наши чины, зови меня просто — Вовчик. Меня так все друзья зовут, и предчувствую, подружиться нам придется. Нравится это кому-нибудь из нас или нет. Вот вроде все и познакомились, а теперь надо двигать отсюда. Давай, Олег, посмотрим твою колымагу, может быть, она еще не совсем сдохла. Ты только ничего сам не делай, только командуй нами.

ВАШИМГТАУН. КРАТКАЯ ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ.

Гегемония давно наблюдала за укреплением Подлунной. И приветствовала ее, на поверхностный взгляд, не слишком масштабную милитаризацию, как антипод раздерганной, но все еще неистребимо могучей и крайне непредсказуемой Рассеи. Даже когда эта псевдосоциалистическая империя распалась, а новое, демократическое руководство закончило со строительством коммунизма и стало верным последователем истинно демократических идеалов, т.е. разрушило собственную экономику и разогнало армию, правители Заокеанья все еще боялись её как недобитого монстра. Эта азиопская уродина с претензией на евриопейскую гегемонию, не раз доказывала, как способна быстро возродиться из полнейшей разлухи, и стать еще сильнее. Гегемонии не нужно было возрождение столь мощной конкурентки. Гораздо спокойнее было бы, если бы Расея распалась еще на несколько частей, а те еще на несколько. Образовались бы маленькие удобные суверенитетики, до смерти боящиеся соседей. Зато всегда с жадно открытым ртом внимающие советам – указаниям лидера. Им достаточно будет пару центов подобрать в виде гуманитарной помощи, и они довольны. Это ес-

ли наши монополии вконец их разорят. А если недовольство достигает точки свержения удобного демократического режима, то и тогда одной роты сил быстрого реагирования будет достаточно для наведения порядка. Как мир не понимает, что маленькое государство, это благо. Все рядышком все под рукой, всех кандидатов в верховное правительство в лицо знаешь. Надо в этом отношении заняться крупными постимперскими осколками, Окраинной, Степной республикой и Беларашией. Необходимо продолжить процесс и в самой Рашии. Неплохо было бы разжечь войну между бывшей Империей и Подлунной. Вот уж правильно древние римляне говорили: "Si vis pacem – para bellum" – "Хочешь мира – готовь войну". Победить мы никому не позволим, но погреть руки над чужим огнем – это достойно достойного. Не плохо бы прибрать к рукам расейский Дальний Восток, Империя ведь сама отобрала его у Маньчжуров сравнительно недавно. Присвоила, но ничего путного не создала. Гегемония управляла бы гораздо рациональнее. А как бы выиграл от этого весь мир. Заокеанские штаты на данной территории, дали бы возможность контролировать всю Дальневосточную Азию без излишних затрат на дальний дрейф могучих флотов. Без дорогостоящих военных баз, аренда которых нестабильна вследствие постоянно меняющейся внешнеполитической конъюнктуры. Чайна, Кореи, Джапаня – все рядом, все под рукой. Нет, определенно, ради такого приобретения не жалко, если мир потрясет еще одна, неболь-

шая такая, локальная война. Могли бы ведь эти полуварвары уступить свои земли добровольно, как в свое время часть Калифорнии, а затем и всю Аляску. Но ведь не отдадут этот богатый и столь стратегически удобно расположенный край, ни за какие деньги. Будут разорять его своим, мягко говоря, неквалифицированным хозяйствованием. Ах, эти расейские, к чему бы ни прикоснулись их умелые руки, все начинает разваливаться.

Подлунная тоже по-своему опасна. И в ней живут имперские амбиции. Но она зажата в своем регионе, как глупая индейка в клетке. Некуда ей развиваться. Может она повоевать за несколько болот с Вьетнамом, может за несколько гималаских вершин схлестнуться с Индеей, но не станет же оккупировать Монголию из-за ее полупустынь, которых и сама имеет более чем достаточно. Вот пускай выпустит пар в драке с рашами, – каштаны из этого огня не им достанутся.

Забыли гегемонцы не единожды проверенную на германцах пословицу, посеявший ветер пожнет бурю. Затевая драки где-нибудь подальше от своих границ, они уверились в безопасности своего дома. А близнецы небоскребы особый случай. Трагедия для народа, но не для правителей, которые все и спланировали.

Только вот земной шарик, пусть по новой теории геологов и растет на несколько миллиметров в год, все равно становится теснее и расстояния на нем преодолеваются по-

чти стремительно. Это когда-то очень давно огромное скопище монгольских корабликов не смогло преодолеть столь маленького внутреннего моря и погибло у берегов Нипонии растерзанное бурей «Камикадзе»⁵². Теперь Подлунной не нужен огромный флот, достаточно нескольких ладных подводных лодок с ядерными ракетами на борту. Сегодня они уже есть, и маршрут к берегам Заокеании их кормчим хорошо известен. И десант ханям не надо высаживать. Десант уже давно там. Это только европейцы, проживающие в другой стране, гордо вспоминают, откуда пошли их корни, но, к примеру, для своей далекой прародины Ирландрии, или скажем Скотландии, они и пальцем не пошевелят. Хань же, где бы ни жил – это, прежде всего, хань. Даже в десятом поколении, живущий пусть в самой благополучной стране знает, его настоящая родина Чжунь, и если эта родина прикажет: "Погибни!" – многие, не задумываясь отдадут жизни во имя её далекой, но единственной. И прошли те времена, когда жили луноликие особняком в своих "Чайна-таунах», в них же торгуя нехитрыми ремесленными изделиями. Ныне представители этой многочисленной диаспоры держат в руках многие финансовые потоки. На многих стратегических производствах работают главными специалистами. Да и как знать, может и сама «ядерная кнопка» не так уж далеко расположена от их искусных пальчиков, способных если не нажать на ее вовремя, то заранее перенацелить системы, ею

⁵² (японский) – Божественный ветер.

управляемые.

Сегодня избранник заокеанских банкиров чувствовал себя неуютно. Впервые за последние десять лет происходящее в мире не вписывалось в наперед просчитанные планы. Азия все более выходила из-под контроля. Казалось бы, поверженный Афганистан, почему-то не стал послушным. Даже наоборот, пламя тлеющее в его каменистых ущельях грозит распространиться на недавно еще такой прирученный Покастан. Ишрак, даже растоптанный, тоже может преподнести еще немало неприятных сюрпризов. Вот и Чайна повела себя совсем не так, как от нее ожидали. Вместо небольшой пограничной войны с рашами, она почти без выстрелов подчинила себе все бывшие средневосточные владения Империи. Причем сделала это с таким азийским коварством, что только и остаётся беспомощно развести руками. Все эти постимперские псевдодемократии, якобы добровольно вступили в союз с Подлунной. Столько усилий гегемонской дипломатии, направленной на приумножение своего влияния в этом регионе и псу под хвост. Такое усиление Чайны мировому сообществу не нужно. Теперь приходится вести спешные переговоры с этим, явно играющим на непритязательную публику, расейским лидером. Обещать ему для ведения войны и беспроцентные кредиты и устаревшую технику. То есть большая война грянет, никуда она теперь, к сожалению, не денется. Всё как и планировалось, но уже по утвержден-

ному кем-то иным сценарию. Этого нельзя простить. Это невозможно исправить.

БЫВШИЙ МАЙОР ВАСЬКИН В. А.

Машину чинить, почти не пришлось. Не считая легкой паутинки трещин вокруг отверстий на лобовом стекле со стороны водительского места, еще пара пуль завязла где-то в решетке радиатора. Дыры в нем пришлось забить деревянными пробками, вырезанными из растущего неподалеку неопознанного куста. Воды, чтоб дополнить радиатор, не водилось. Только у старшины имелась фляжка, да и та наполненная менее чем наполовину. Пришлось эту жидкость отдать самому страждущему, т.е. капитану, а доливать технике по принципу, «как пионеры костры тушат», из внутренних резервов. На такой модели как «бб-й» исполнить это не так уж и невозможно, главное на высокий бампер взобраться и ничего из себя не расплескать. В какую сторону двигаться споров не возникло. Как в древних сказках: «Налево пойдешь – убиту быти. Направо пойдешь – увечну быти. Прямо пойдешь – всё аще мабуть хуже, но если на месте будешь стоять, то обещанные беды исполнятся все разом, зато прямо сейчас». «Кусок» рассказал, оказался в этих местах, уходя от дорог, забитых джуньскими войсками. Как ему удалось проскочить, одному местному богу было известно. На счастье, в грузович-

ке его сохранились по ящику тушенки и сгущенки, несколько мешков крупы да макарон. Еще, что тоже немаловажно, в преддверии не столь далекой зимы, находились холщовые мешки, годные на портянки, упакованные нижним бельем и комплектами зимнего обмундирования: бушлат с псевдомеховым воротником и ватные штаны. Все, конечно, солдатское, рассчитанное на простых смертных, но в данной ситуации подходящее за милую душу и для господ офицеров. Кто к несчастью своему понимает, то была раньше большая каробка дешевых сигарет. Их, столь драгоценные, некурящий прапорщик умудрился поменять на бензин. Это поскольку денежные знаки, которым и так не слишком доверяли, обратились в бумажку непригодную, по типографским и гигиеническим параметрам, даже для сортиров⁵³.

Как и предполагал Вовчик, дорога повернула в горы пока еще не очень высокие, покрытые великолепными лугами и перелесками. В цивилизных странах такие виды прозваны альпийскими. Только все Альпы с их обжитой, прибранной и причесанной красотой, не стоят десятой части дикого Памира или Тянь-Шаня. Практически неподалеку действительно оказалась кошара⁵⁴, уютно спрятанная в широкой предгорной щели. В ней и впрямь, согласно фантазиям Вовчика, жили пишпекские старик чабан и подпасок лет ближе к сорока. Не забывая голову ерундой творящейся в мире, за-

⁵³ Думаете Ваши не такие, поскольку красивее?

⁵⁴ Кошара – загон для овец.

ботились пастухи о четырех лохматых и почти черных, почему-то называемых кавказскими, овчарках, которые в свою очередь обеспечивали охрану и выпас тремстам баранам и небольшому стаду коз.

Нельзя сказать, что аборигены обрадовались появлению странных военных, свалившихся как нечто похуже, чем снег на голову. Но щедро выделенные заставским старшиной пары комплектов утепленного армейского обмундирования, да нижнего белья, в придачу с мешком «кирзухи» (перловки), сделала людей намного гостеприимнее, даже чем положено местными обычаями.

Ребрам старшины и ногам Цыгана был просто до зарезу нужен хотя бы непродолжительный период покоя. Да и Вовчику необходимо было время, чтоб поутих звон в ушах, перестала дергаться голова при произношении некоторых труднопроизносимых слов, что особенно заметно, если вдруг взволновался. А когда волнуешься, особенно не по делу, то на ум спешат только непроезжимые словосочетания.

Чабаны, согласно традиции, жили в войлочной юрте, поэтому немного запущенное глинобитное жилище без боя уступили обрушившимся начальникам. Посовещавшись немного, и решив, мол военные эт все ж власть, а всякую власть, чтоб легче сносить лучше задобрить, предоставили несколько слегка побитых молью и мышами кошм, продывленных одеял и закопченную кастрюлю. Не пожалели даже

заднюю ляжку освежеванного барашка, к ней немного картошки и кой каких приправ, главной из которых, помимо голода, является конечно же соль. Вот только на вопрос о куреве испуганно изобразили полнейшее непонимание предмета. Зато, что больше всего восхитило пришельцев-гяуров, так это почти ежедневное подношение, восхитительных пшеничных лепешек, которые старик собственноручно выпекал во вырытом в земле тандыре. Впрочем, как готовят последние лучше не подглядывать, дабы не испортить впечатления на всю оставшуюся жизнь⁵⁵.

Постепенно пастухи перестали относиться к военным настороженно, а собаки недоверчиво попробовав сгущенного молока, прониклись к старшему прапорщику настоящей любовью, и готовы были лететь со всех лап, едва их благодетель появлялся на пороге. Кстати, чабаны оказывается, вовсе не пасут овец. Старший пастух знай погоняет одного старого козла, за которым поспешает остальное козье семейство. А бараны, они и есть бараны, куда потянулся козлиный гарем, туда и они. Как говорят в народе – «Куда народ, туда и урод», да у нас как раз наоборот. Но есть и этикие овны, которые изредка норовят проявить инициативу. Свернуть в сторону, от основной линии намеченной руководством. Ну, прям всё как у людей. За таковыми и доглядывает младший чабан под присмотром собак. Вожак стаи, в нашем случае

⁵⁵ Автору довелось вкушать сей «нан» – (хлеб). Но, увидев, как древняя старуха раскатывает тесто на незнамо когда мытой ляжке....

это матёрая сука, всё время зорко оглядывает паству и коли видит, что очередной баран пытается отбиться от стада, то вопросительно взирает на молодого хозяина. Тот устав от трудов праведных, свесив нос кемарит в седле низкорослой лошаденки. Не мешать же его мудрым мыслям по такому никчемному поводу? Псина вытягивается в струнку и смотрит на одного из своих отпрысков расслаблено охраняющего периметр. Издаёт короткий и негромкий рык, который явно не слышат за пол и более километра. Но он как-то доносится до пса. Того именно, чье расположение ближе всех к потенциальному нарушителю. Меньше секунды и кобель встрепенулся, слегка оглянулся по сторонам и с грозным лаем безошибочно устремляется к диссиденту. Заблудший почему-то сразу осознал и отринул свои заблуждения, спешит к родному стаду. Но если не успевает хоть на пару шагов, чтоб затеряться в толпе, то пролетает гораздо большее расстояние адресованный мощным ударом собачей груди. Потом он еще долго блеет, жалуясь товарищам на дискриминацию и демонстрируя прокушенное место. И несколько овец в разноразной обязательно горестно подвякнут. Не слишком громко и настойчиво, а то и самим можно огрести по полной. Глядишь, через пару минут инцидент уже полностью исчерпан. Бараны упрочиваются во мнении, что жить стадом проще и спокойнее, а всяческие искания и метания до добра не доведут. Ну а гордый пёс, поощренный устной благодарностью вожачки, весело помахивая густой метёлкой хвоста,

трусит вдоль отары. У особой гордо делящих мир на всяческую природу и якобы венец ее – людей, есть самодовольная поговорка – мол, собака всё понимает, да сказать не может. Собака то, как раз и говорит, иногда даже на уровне телепатии, а вот человек, дурак, редко что может понять на уровне своей адекватности.

К Вовчику псы поддерживали угрюмый нейтралитет, но Цыгана, по его мнению, просто ненавидели. И если последний приближался к стаду на слишком опасное, для себя, расстояние, то слышал еще не успевшее проявиться грозное рычание и тем, что чуть пониже спины, ощущал страшный оскал ужасных клыков. Вызывал он такое отношение, очевидно, своей непреодолимой нелюбовью, а вернее боязнью любых пород собак. Даже болонки, может статься, пребольно цапнут, а уж таких огромных овчарок, как «кавказы», даже волки уважают. Этот трепет, впрочем, помогал молдаванину увильнуть от многих мелких хозяйственных работ. Старшина беззлобно посмеивался над капитаном, мол, «шлангит» болезнь трудно излечимая. На многословные оправдания последнего изъяснялся, что плясуну малдавского "Жок", энное место, как вроде и не к чему, только в ногах путается, да еще и требует содержания в относительной аккуратности. – «Ты б капитан следил за собой, хоть хэбэшку свою постирал, а то чисто грязь одна».

– Я вас умоляю – следить не приучен, не сышик блин, а за собой тем паче, поскольку себя ни в чем не подозреваю.

Чистая же грязь это тафтология, но может к комфляжу и соответствующая, поскольку стирка его, это только перераспределение лоснящихся пятен с зада, колен, локтей и воротника равномерно по всей площади. Но, о зохен вей, как это исполнить без мыла в студеной воде?

– Мыла маленький кусочек остался, поэтому стирай как я со щелоком, то бишь с водой настоящей на золе от костра.

– Чиво умный человек может ответить за такое предложение? (Разве что покрутить пальцем у виска?)

– Я тоже хочу сказать чиво. Пошто, не пойму, ты воды так боишься?

– Это ты к тому, что утонуть не смогу поскольку оно не тонет?

– Ну зачем так сразу, хотя что-то немного попахивает.

Цыган ворчал себе под нос, – Ну, прапор, краснознаменосец. Дай таким волю так и еще и полностью помыться заставят, а ведь на фронте, мы же в прифронтовой полосе или где? Короче в таких обстоятельствах банный день допускается проводить не реже одного раза в четыре года. Вон чабаны – они за чистотой строго следят. Раз в две недели. Наберут полный рот воды. Плунут чуть в ладошки и лицо заодно с ушами помоют. Потом плунут еще разик – с шеи и подмышек до задницы и паха все тщательно отгигиенят. Остатками влаги можно рот пополоскать да еще и попить останется. Вот и весь мацион. А ноги? Чиво их мыть когда потом снова в те же бахилы засовывать? Но прапор такого не поймет – он же

прапор, это еще хуже чем у простых солдат ефрейтор. Вааще нашему погранцу не в армии надо было служить, а в крестьяне податься. Это они любят рано поутру вставать. Был у меня такой солдатик – радовался когда в армию попал. Мол просыпаюсь как папаня приучил засветло подыматься с полатей, но тут еще часик можно просто поваляться в кровати. А наш «страшина» отличается еще и тем, что когда подкинется ни свет, ни заря, то его сразу становится так невозможно много. Своими сапожищными топотами обязательно отравит самые сладкие минуты сна. Старшина действительно вставал едва небо за мутным окошком посветлеет и, несмотря, на болезненные ощущения, старался взяться за любую работу.

–

Если жалеть свои болячки, то они, обласканные вниманием, постараются задержаться подолгу, а буде и насовсем приживутся, нам же долго разваживаться не с руки.

Лучше скажите чё сготовить, чего господам офицерам хочется?

–

Господам хочется водочки, а сготовишь всё одно кашу с бараниной. И на том спасибо.

У пастухов оказался слабенький «транзистор» – радиоприемник, на подсевших батарейках, ловивший сквозь треск помех пару радиостанций, вещающих на местных языках.

Часть сообщений, Вовчик перенапрягаясь осилился понять. Другую часть помог перевести один из чабанов, немного владевший расейским языком. Размовлять он сподобился проходя срочную службу в Имперской армии, но за давностью лет всё подзабывается. Шипело радио, по сути, всегда об одном и том же. Что Великий Чжунь, с которым с древних времен связывали узы дружбы и добрососедства, заключил с республикой договор о вечной дружбе и добрососедстве. Еще красноречивее о событиях сообщала музыка сплошь ханьская и национальная или вроде как модерноновая, но опять же с тем же колоритом. Других новостей и другой музыки почти не передавали, о малоизвестной войне с соседним Аджикистаном позабыли вообще. Казалось не было никакой бойни, а то, что они здесь – так это какое-то их личное недоразумение. – Ну, хоть бы какие-то сводки о реальных событиях в мире!

– Даа, с водкой, события в мире стали бы казаться много реальнее. В этакой ситуации если сказать «сыграть», сразу подумается «в ящик». А вот если сказать «ящик», то про что подумали? Наверняка если не про пиво, то про водку.

Все понимали, нет никакого иллюзорного мира в этом мире, просто случайно оторвались от войны зализать раны. Но чистый горный воздух, неприхотливая сытная еда, божественная вода из родника и тишина, нарушаемая лишь пасторальным бляением овец, все настраивало на мирный лад, на неспешные разговоры у костерка под забродивший ку-

мыс. Может и хорош этот целебный напиток из забродившего кобыльего молока тем, что под него поминать погибших как то не принято да и тост за здоровье выживших, вроде и не здравица, а так, почти насмешка. Но опять же, чем чаще пить за здоровье, то как доказано Минздравом, его становится всё меньше.

О чем же разговаривать запоцифистившимся мужикам, когда торопиться некуда и незачем, а свежих спортивных новостей не предвидится? О работе, которой к счастью не наблюдается? О том, что где и когда мы сегодня? Да ну нет, лучше уж свежий анекдот. Чеснопионерское еще не рассказывал. «Выбрал Алеша Попович себе богатырского коня. Объясняет тому – коль в походе, то под седлом все двадцать четыре часа. Из кушаний только подножный корм. И когда я сплю, то ты меня охраняешь. Конь только головой кивнул – оно понятно – работа богатырская почетна, но трудна. Долго ли коротко – и случилась битва, и конь вынес Алешу, спас от неминуемой гибели. Заслужил, – говорит богатырь, – теперь будешь раз в неделю меру овса получать, а спать будем по очереди. Кивнул конь соглашаясь. А позже еще одна брань, в которой конь, помогая богатырю, бил врагов копытами, рвал зубами. После боя сказал Алеша – вот теперь ты настоящий богатырский конь – будешь овса получать сколь хошь, а спать будешь вместе со мной. Ушел тогда конь от Алешки – да я лучше с самой страшной кобылой спать буду, но только не с тобой».

– А где смеяться?

– Ну, раз юмор выше вашего понимания, то давай трави о чем там собирался, хучь о работе.

О работе? Но вот она работа, вся на виду, принести за день воды с недалекого ручья, да нарубить несколько веток для растопки кизяка в печке. Искусство сготовить из того что есть, чтоб было вкусно есть. Об этом много ли поговоришь? Да, по сути, и не знали офицеры, что такое работа – с молодых лет служили. Но кончилась внезапно их служба вместе с армиями, благодаря шлюшным стервецам политикам. Надо было уже тогда бросить всё и на первый же съезд народных избранников приехать. Ага, с пулеметом и гранатой... Почти все кому мы тогда кричали «Да здравствует!» по какой-то справедливости уже не здравствуют. Зато их последователи устроились за здорово живешь, в отличии от всех нас. Значит разговор о политике? Да ну ее к ..., вместе со всем неразгребанным дерьмом, – благодаря ей оказались в такой заднепроходной дыре. (Действительно, последствия политики унесли человеческих жизней намного больше всех стихийных бедствий и моровых язв в совокупности). Правда Вовчик как-то начал философствовать о том, что если не принимать во внимание ту пьяную сволочь, которая развалила «нерушимый», или еще более тупосамодовольного его горбатословного предшественника, то всё началось еще с ВИЛенина, – это он положил начало развалу проИмперии. «Его, вишь ли, наша неумытая родина интересовала только

как старт мирорвой революции. Ему всю планету подавай». Но его с жаром перебил Цыган:

—

Вот не надо трогать забальзамированного. Во-первых, у В. И. ничегошеньки не получилось бы в семнадцатом, если б не дрянное правление Николашки, и совсем уж безвластие последующих за ним демократов. Во-вторых, знали бы вы, как я любил нашего вечноживого, в портретах на червонцах и четвертных. А уж на сотенных его просвечивающийся в купюре лик, был намного симпатичней, да и ценнее пожилой толстушки с вымученной улыбкой, это Мона Лиза «Джоконда» которая. Ну не правда ли? Можете конечно сделать вид что не согласны с таким постулатом, но почти всех более-менее здравомыслящих, тянет иметь данного растиражированного продукта во всё более достаточном количестве, которого всегда недостаточно. Вот и я из-за этой, отнюдь не платонической, любви к милым изображениям на помятых бумажках пошел в наемники, и как следствие по самые уши среди вас. Я некогда попробовал работать из-под палки, — тут капитан покосился на старшину, — да трудился! Но быстро понял, работа приносит удовлетворение, только когда соотносится с призванием, вот и призвался — это самое защищать. Короче служить надо

для галочки. Знакомы с таковой? В ведомости на денежное довольствие, как раз напротив фамилии. А уж потом честно приобретенные лики вождя тратил на Галочек, Ли-

дочек и прочих представительниц, к сожалению, отсутствующего здесь пола. Прав

ды ради, надо еще упомянуть, в тутошнюю армию я попал, чтоб не воевать дома. Такой вот парадокс получился из-за политиков. Но раз про политику договорились не вякать, то можно я вам почти смешную историю расскажу? Все равно до ужина еще далече, а заняться нечем. И к тому же моя повесть почти поучительная.

Поскольку Вовчик и старшина на вопрос прореагировали самоуглубленным молчанием, то это можно расценить за согласие, так что терпите:

«Не ходите девки в лес» – это вроде как афоризма возле заумного названия. Поэтому название заумнивайте сами.

«Те менеджеры (а может промуолтеры иль вовсе пичмичмейзеры⁵⁶), что будут вам предлагать подзаработать в СМУ 6 г. Магадана, таки да, вполне возможно сами верят побасенкам, которые рассказывают. Впрочем, на первый взгляд всё реально. Бесплатный перелёт к месту работы и обратно. Проживание в благоустроенном общежитии. Питание трехразовое. Зарплата приличная даже со строительной квалификацией лейтенанта, упраздненной ныне должности политрука. А по молдавским меркам деньжищи ОГОГО. И всего-то промучиться каких-то шесть месяцев. Зато вернешься

⁵⁶ А кто их теперь разберет? Например, бабка, уборщица вокзального туалета, стала менеджером по контролю за санитарным состоянием и управлению обслуживания пассажиропотока кабинок. А как же. Она теперь, помимо старых обязанностей, еще и денюжку трясет с приспичившихся.

пропитанный легендарными ветрами Колымы, с настоящими деньгами, на радость хорошо отдохнувшим от тебя близким.

Бесплатный перелёт только туда. С меня, как иностранного гастербайтера, за разрешение на работу и медкомиссию 8,5 тысяч расейских рублей (на вашем современном языке «тысруб»). Со своих, расейских, вычитают только за не слегка подержанные матрас и подушку, по 2,5 тысры. Да, если какой дурак припёрся без спец одежды, то за несколько заплеснувшую телогрейку 1975 года выпуска, лишь чуть дороже, чем за китайский пуховик.

Благоустроенное общежитие обеспечено в подсобном помещении, оборудованном из всех благ цивилизации только 2х этажными нарами. Если попал на второй этаж шаткой конструкции, не спеши расстраиваться, это не на долго: – несчастные случаи на стройке случаются, – или тебе освободится место поудобнее, или ты сам освободишь неприглянувшееся место. Зато, если твой сосед, который дальше по проходу, достаточной комплекции то, ворочаясь на одних с тобой досках, обеспечит лёгкий, расслабляющий массаж. Гораздо хуже, если индивид на соседней, о боже ж мой, впритык, шконке храпит – сволочь. Тут главное постараться уснуть быстрее. И самому храпеть во все горла, отгоняя посторонние звуки, запахи и комаров. Причем последние, не только кусаются как вон эти чабанские монстры и с разбегу могут запросто окошко выломить, звонкостью затмят любо-

го солиста хора имени красной армии. А ты шо Поц? Думал Вас на курорт приглашают?

По воскресениям можешь сходить в общественную баню, (по непонятной милости работодателя бесплатную), но где и когда постирать после 12 часового рабочего дня шестидневной недели? Впрочем, это твои заботы. У начальства, которого как грязи в бесконечный магаданский дождь, своих забот хватает. Их тоже ценит вышестоящее начальство как грязь.

Миша Круг что-то пел за короткую магаданскую весну. Так он тоже врал. Весна в Магадане где-то с начала апреля по середину июня. С первой сосуличной капли до, пока первые листочки-иголочки на лиственницах не проклюнутся. А снег на ближайших сопках вааще к концу августа окончательно исчезнет, но там уже новый выпадет. Так что весна-то как раз довольно длинная, вот лета почти нет. Над неблагословенным Магаданом пять дён в неделю морось, еще сутки настоящий дождь и пол дня солнце, зато отсвет его круглые сутки. И летом не мечтайте искупаться в Охотском море – ледяная вода быстро всю охотку обломает. Зато, для любителей, рыбалка! Уёк, мойву иначе, голыми руками по отливу черпают, сколь унести сможешь. Камбала, дура, клюет на голый крючок и сама на берег выскочить торопится. А корюшка! А горбуша! А сиг! Даже крабы объяснят, что любовь твоя к крабовым палочкам, никакого отношения ни к гастрономии, ни к крабам, не соотносится.

Да, с питанием, – всё как обещано – 3х разовое. То, что не съедобно, так начальники об этом не знают. Они не рискнут попробовать стряпню поварих, не знающих про санминимум, что пшенную крупу и куриные желудки (частые гости рациона), перед варкой необходимо промыть. Кухарки и сами понимают, никакого отношения к поварам не имеют, поэтому своим близким или хотя бы знакомым свою продукцию не предложат. Да и что можно приготовить из просроченных продуктов в грязном сарайчике – два с полтиной на шесть метров. А там нужно еще и отмыть холодной водой грязные пластиковые ведерки из под майонеза в которых развозят корм на объекты. Вот и стряхивают кухарки с досады пепел в свежеприготовленную пищу. Но это, говорят, полезно? Настроение труженицам пищеблока могут поднять только кошки, резвящиеся прямо над котлами, да сознание того, что какая-то часть более-менее хороших продуктов окажется на домашнем столе. В утешение вам, как деликатес, (не часто и это хорошо) предложат икры. Настоящей красной. Икра дорогостоящая, хоть и на побережье Охотского моря, но эта особая, заморская – да-да кабачковая. Вот только срок реализации её истёк минимум полгода назад. Тоже самое с паштетом шпротным. (Как заветную реликвию хранил плоскую баночку, изготовленную в год моего рождения). Зато где еще удастся отпробовать кенгурятинки. Видимо до Австралий всеж дешевле, чем до мясо-разводных районов Расеи иль до близкой тундры со стадами

оленей. Местные цены на продукты не только кусаются, но и бьют по яйцам. Яйца чуть крупнее перепелиных, чуток дороже страусиных.

Как то слышал сентенцию, мол, неправда, что молдаване кошек не любят. Они их просто готовить не умеют. Это я к тому, что и кенгурятину надо уметь приготовить, а не.... Да бог с ними со стряпней и стряпухами, умеющими только хорошо материться. Не нравится, покупай продукты сам, готовь и жри как хочешь.

Но, тут тоже небольшая накладка. Первую зарплату ты получишь только через месяц, т.е. апрельскую в конце июня. Если конечно не задержит бухгалтерия еще недельки на две. Тут роптать нечего – извечный финансовый кризис, предвыборная компания директора в гордому, плохое настроение кассирши и т.п. и т.д. Поэтому и при расчете наверняка всей суммы гастербайтерам не видать. Шо, недоволен? Иди, пожалуись депутатам. Вот прямо к Головне – главе фирмы и дуй. Он тебя просветит и пошлет в присущей манере. Зато поймешь, тот язык, на котором ты общаешься на работе, на настоящий мат ой как не дотягивает. Кстати, если объявится такой правдолюбец, который возомнит бороться за свои права, то окажется, оформлен он вовсе не в СМУ, а в какой-то шарашке, директор которой имеется, вот застать его на работе доступно далеко не всем простым смертным, так как по правде и никакой он не директор, а подставной попка едва подозревающий о своем директорстве.

В день получки усиленные рейды охраны. Попался, дурачок, в ночлежке не совсем тверёзым – штраф до пятака тыср. Тебе пьяному всё по хер, а церберятам глядишь и премийка капнет. И ведь не объяснишь держимордам, что водка, – она помогает восстановить выжатые из работяги соки.

Зато сколько впечатлений у тебя останется на всю жизнь. Столько нового ты почерпнешь. Это ж никакой анекдот тебя так не рассмешит как рабочая действительность.

Пример – пожалуйста. Четверо молдаван лопатами грузят песок в самосвал со сломанным кузовом. Через 300 метров, на объекте, с кузова самосвала экскаватор пытается разгрузить песок ковшом. Я подхожу к рабочему ответственному за разгрузку. – Юра, чего ты смотришь? Ты же не малдаван, а стропальщик. Подцепи кузов тросом за зуб ковша и весь груз высыплется, как положено.

– Иди отсель умник. Не видишь – главный инженер по технике безопасности процессом руководит. Доломают кузов и песка сегодня больше не будет. Не доломают – мне еще на до обеда работы хватит, а иначе пошлют мешать раствор.

В обед прибегает упомянутый главный инженер. – Чего расселись? Какое личное время? Срочно загрузите самосвал металлоломом. Я этот металл не для себя сдаю, а чтоб инструмент купить. Вам же эти самые, как их? Шпакели нужны. Чо? Не шпакели, а шпатели.... Ну, раз такой умный иди грузить чугунь. Давай побыстрее, успеете еще до 8 вечера пообедать, а у меня дел дома полно.... Чо ты мне бывшему

подполковнику доказать хочешь?

И, действительно, бесполезно доказывать. Он же под полковником был, а не под генералом. Вообще, я лично считаю, что начальники должны быть или такие с кем можно работать, а еще лучше с кем можно вообще не работать.

Или во! Не тривиальный случай с трассы. Привезли как-то гастербайтерам бочку протухшей рыбы. Те, ну дети малые, брезгливость изобразили и рыбу употреблять не рискнули. Высыпали в леске неподалёку от морконтейнеров, в которых проживали. Медведица с двумя медвежатами учуяла такой деликатес за десяток вёрст. Припав на халяву всего-то с недельку балдела до окончательного скончания морепродукта. Понятно, мужики не только на работу не ходили, но и до ветру пристраивались в форточку, прорубленную в железе. Но вот рыбка закончилась, новой подвести не обещали, и мамаша отвалила в тайгу с младшим детёнышем. А медвежонок пестун – года в полтора, решил подзадержаться поблизости. Вкус халявы он ведь незабываем. С месяц трудяги ходили на работу почти строем, таская с собой какую-нибудь снедь. Медведь рэкетир заступал дорогу и пока не бросят подачку, не отступал. Однажды один раб божий и голованьский, по причине жуткого похмелья, (наш человек и в глухой тайге найдет выпить), потянулся на каторгу позже всех. Косматый попрошайка заступил дорогу протянув лапу. Типа выкладывай, с чем припёрся. У человека в руках нашлись только кулаки. Врезал мужичек по мишкиной харе от

души, так, как давно мечтал врезать по мурлу своего мастера. Медвежонок, чуть ниже роста среднего человека и весом чуть более центнера взревел и вдарил в ответ. Очнулся наш неудавшийся боксер на обочине, в сосновом сланнике, часа через два. Довольно-таки целый и невредимый, и даже похмелье куда-то улетучилось. А вот мишутка обиделся и ушел куда-то в бескрайнюю лесотундру.

Короче если вспомнить СМУ-6 Магадана то яркие впечатления останутся не только от дуговой электросварки.

Ну, если я вам еще не слишком надоел, то в оконцовке хотелось бы сказать. Климат там неблагоприятный, впрочем, как и на большинстве территорий матушки Расеи. Начальство почти сплошь дуболомное, впрочем, как и в окончании предыдущего предложения, но народ. Население Магадана, сохранило каким-то непостижимым образом, ту доброжелательность, которой уже с десятков лет не встретишь на материке. Тебе могут кивнуть совсем незнакомые люди. В городе таксуют, но за городом, если ты будешь голосовать на дороге, то обязательно кто-то тормознёт и БЕСПЛАТНО, подкинет до города, еще и извинится, что не довез прямо до места.

Почти незнакомый человек, взглянув на вашу ветхую спецуху, почитай насильно сунет старенькие, но крепкие и чистые джинсы сына батрачащего где-то в Мааскве.

Как-то спрашиваю у гражданина гуляющего с собакой, (псов на каждого жителя штуки по три): – как добраться до поликлиники? Он участливо: – что-то заболело?

– Да нет, просто ветер в голове никак не придёт в унисон с местными приливами и отливами.

– Ааа, понятно. Вам надо на маршрутку. Выйдете на МТС, знаете?

– Моторно-тракторная станция?

– Нет что Вы, это связь такая. Лучше доезжайте сразу до телевышки. Нашу маленькую Эйфелеву башню ни с чем не спутаешь. Там пересядете....

– А пешим не проще? Весь город почти из конца в конец за 40 минут проходил.

– Пешком недалеко, но не знаю, как объяснить путь через дворы..... Надо мимо брошенной двухэтажки.... Короче пойдёмте, я покажу.....

Вот только и туда добирается дух стяжательства и барыжничества, который скоро погубит белые цивилизации. Может началось с того что «Маску Скорби» Эрнст Неизвестный на одной из господствующих сопок поставил. Вот возьмем, к примеру, «Пьету» Микеланджело. Это воплощенная скорбь. А маску одевают, когда хотят истинное лицо спрятать. Т.е. по тысячам зэков не скорбь вовсе а только демонстрация ее. Лицедейство, одним словом. А лицедейство когда считалось делом богоугодным?

В Магадане, вопреки ожиданиям, вы не запнётесь за золотой самородок величиной с лошадиную голову. Даже в местном музее вкрапления этого металла, в какой-то булыжник

едва различимы. Но если вам повезет заработать на обратную дорогу и еще останется чуть-чуть, чтоб обмыть возвращение, столицу колымского края, и это истинная правда, уже не забыть никогда.

Я, если позволите продолжить, не забуду отзывчивость магадашек иль магаданок. Извините, не знаю как правильно. Товарищ прапорщик – обещаю вкаты без всяких подробных похабностей.

Барышень, по статистике, в тех краях меньшинство, но мужики, кто на приисках, кто на рыбалке или в запое после вахты на прииске или браконьерского промысла.

Поэтому, наверное, все, даже молодые женщины преклонного возраста стараются выглядеть как невесты перед ответственным свиданием. А гастербайтера, они как голодные хищники. Беспрестанно готовы отыскивать жертву, которая согреет душевным вниманием, омоет и обстирает, а может даже и накормит. Всем везет по-разному. Кто-то, женившись, остается если не навсегда, то надолго. Кто-то застуканный мужем досрочно возвращается домой – подлечиться. Вот один мой дружок, ночью отсутствовал на койко-месте нар, а утром появился на работу весь такой обихоженный и сытый. Загадочно помалкивает.

Я, ему – нашел свою суженную?

– Ну, как сказать. Почти да.

– Красивая?

– Ну, как сказать. Почти да.

– Молодая?

– Ну, как сказать. Зато ровня. Я 1971 года рождения и ей скоро 71. И отдаётся каждый раз, как самый последний.

У меня ж все ни как у людей. То бухгалтерша начинает глазки строить. Она габаритная и добрая женщина, отказывает только в начислении жалованья. Но на это некому жаловаться. А муж еёный тут же водилой начальника работает и если только обнаруживает подозрения на поползновения в оброгачивании, то мало того что в драку лезет, но и начальству докладывается. Рогов у водилы не видно потому как кальция в организме не хватает. Но начальство слишком угодных бухгалтерии отправляет восвояси без выходного пособия. Ладно если на обратный билет расщедрится.

Только мне всегда удавалось ухватить удачу за хвост. Впрочем, вы правы, если поймал за это место, то значит, она повернулась задом. Как пример, страстная симпатия с владелицей нескольких жестяных супермаркетов обеспечивающих сразу всем необходимым. От хлеба и табака, до пива и молока. А еще, благодаря своей широкой натуре, готовая вязываться во всякие авнтюры, типа организации студенческой базы отдыха. Но везде помощник треба, для воплощения замыслов. Вот Милая для тебя тогда на всё готова. И лаской одарит и оденет с китайского рынка. Даже ключи от подержанной Тойешеёты презентует, но после того, как свою неблагодарную работу бросишь и к ней, под крылышко приберешься. На улицу с самым длинным встречаемом в

сущем мире названием. – «Первая набережная реки (да какой там речки, чуть больше ручейка речушки) Магаданки». А под тем крылышком, на упомянутой праворульной японке и без оной будешь батрачить не только почти суточный световой день, но и весь ненормированный, т.е. 25 часов, зато без денежного вознаграждения. Шо вы говорите за сутки, в которых всего 24 часа? – На час раньше встать будете!

Завоевать женщину непросто, еще труднее понять почему военнопленным оказался ты сам.

Во, такой эпизод: « – дорогой, я тут слетала на базу. Там якобы детский шампунь «Маленькая фея» завезли. Та же химия, но с карамельным ароматом. Закупила со скидкой всю партию. Срочно сгоняй за ней, потом развези по точкам. Скажи девочкам чтоб пометили в ценниках – распродажная акция пятнадцать процентов и стоимость проставят в три, нет, не потянут покупатели. В два с половиной раза выше закупочной. С таким названием волшебнo разойдется.» Так и хотелось брякнуть, мол ты у меня весьма большущая ведьма.

Прознав, что Пишпекии требуются специалисты с моим образованием, я решил шо от тутa до моих отчин всёж ближе. Свою жгучую магаданскую любовь, конечно, огорчил, почти до истерик. Типа – Ты ж на мне жениться обещал!

– Конечно, на тебе я могу пообещать все что угодно. У нас, настоящих мужиков, завсегда за одну только ночь с любимой можно отдать все на свете. Но только до этой ночи. (И потом, что такое супружеский долг, который как ипотека

– сколь не отдавай, а чиво-то должен и должен одному банку, когда другие предлагают более занятные заманухи). . . . А теперь надо срочно домой, то маме совсем плохо.

За маму так говорить боже ж упаси, но моей, уже несколько лет, хорошо у того самого который упаси. Но и тут я не соврал любимой женщине, поскольку, если мама наблюдает за мной с небес, то ей там вашко за мою судьбу».

Даа, сегодня осознал, лучше б батрачил на Колыме и не искал приключений на свой зад. А еще лучше вообще не совался в тесное сношение с вооруженными силами. Кто-то там сказал, за двумя черными кошками погонишься в темной комнате – себе рога поотшибешь. . . . А ты, майор, в армии как наш прапор, по призванию, или. . . .

–

Или. Я в армию подался, чтоб от несправедливого суда спрятаться, только это Вас не касается.

–

Свят, свят, свят – пусть никогда не касается. А то, как римляне говаривали: – "Дура лекс, сед лекс" – "Закон суров, но закон"

–

Сам ты дура.

–

И вам доброго здоровьичка. Вот и поговорили с умными людьми. . . .

Прапорщик особо не терпел, когда разговор касался темы политики. Он хорошо помнил, как один генерал, отправляя в Афган, ладно так говорил об интернациональном долге и тому подобное. А позже, этот самый генерал стал большим политиком, депутатом от каких-то из самых народных и либеральных демократов. Вот тогда он весьма часто на публику брызгал слюной, по поводу тысяч пареньков зазря сложивших головы в той бездарной войне. Прав был Талейран, когда говорил, политики имеют совесть – и даже и не одну. А те которые обещают золотое будущее, так на них пробы ставить некуда. Вот тут, вспоминая социалистическое прошлое взгрустнешь по очередям.... С любимого бы калаша в заксо-брание.

Впрочем, для мужских бесед, если не касаться политики, отсутствуют новости спорта и свежие анекдоты, остается одна, извечно популярная тема. Конечно же, про дам-с, которые интересны тем, что дам. Но и женщины, если они не кудахчут про новые тряпки или успехи и несчастья героинь сериалов, то уж наверняка беседуют не про погоду, а про мужиков, про них родимых. О, пардон, еще чаще они «обглаживают косточки» отсутствующих в данный момент подруг. То есть опять же про дам – когда, кому и сколько.

Беседовать о недостатках, нет-нет, достоинствах девушек любил Цыган, и говорить он мог с жаром и непререкаемой убежденностью часами, если не сутками. Чувствовался, за

этим сравнительно молодым человеком огромный опыт в изучении данного предмета, охваченный интервалом с семнадцати до пятидесяти семи. О, нет-нет, с нас и сорокапятки хватит, коли не вдовствующая миллионерша. Да и о чем речь? Любят таких миловидных и шустрых, с ловко подвешенным языком большинство баб. Им же всем так хочется ласки. Ага, а потом еще и норки, но лучше всё же соболя. Впрочем Роман искренне считал, правы римляне изрёкшие – *omen ist nomen*, что в вольном переводе означает – как вы лодку обзовете, так она и поплывет. Согласно своего имени он, поскольку не сподобился писать романы, то направил должные усилия, чтоб оными осчастливливать.

Старшине не по нраву были победные репортажи капитана, каждый раз он удивлялся про себя: – Не ужто не видят женщины за смазливой внешностью ненадежность таких мужиков? Или в большинстве амурных историй выдает штабс-капитан желаемое за действительное, как и большинство болтунов.

А когда Цыган уж очень доставал своей донжуанской философией, обычно старался перебить его словоизлияния: – Да буде, уймись ты сухопутный капитан, дай от тебя ушам отдохнуть, пускай вон Володя поговорит.

Цыган в ответ только обиженно сопел: – Да, с таким обществом гешефт не замутишь. И чиво я пред вами распинаюсь? Разве вы способны понять вдохновенную душу? Один контуженный, понимаешь, второй с Уралу, все только чо, бу-

де, да поди.

–

Чо? "Поди" – у нас не говорят, это, поди, где-то в Удмуртии.

–

Слушай, прапор, а фрукты у вас на Урале растут?

–

Ну, растут.

–

А какие, если не секрет?

–

Ну, черемуха да чо да.

–

Даа, у вас, когда на пляжу позагорать собираются, то одеваются в утепленный купальник.

–

А на вашем пляже мальчик спрашивает: – папа, а почему море соленое? – А ты в него пописял? – Ага, маленько. – Посмотри сколь народу, и все маленько....

–

Да, было же времечко когда приезжие интересовались: – а где здесь море? – Так Ви же в ём стоите. – О, из-за толпы и не заметил.

Вовчик временами с интересом слушал треп Цыгана, но иногда и его доставал словесный диорит молдаванина, и он соглашался поговорить сам:

–

О чем же рассказать тебе Васильич? – спрашивал он старшину, акцентируя внимание на том, что не с капитаном беседовать собирается.

–

А вот, к примеру, чего ты до столько лет не женился?

–

А сам то еще старше, но тоже не женат.

–

Да был я женат, но недолго. И тут до недавнего времени женщина одна, но зато постоянная... – при этом старшина косился на Цыгана – ...была.

Вовчик ненадолго задумался:

– Не женился, поскольку не дорос до таких отношений. Это я сегодня понимаю, а совсем недавно считал, что не встретишься та единственная. Понимаешь, так уж моя жизнь гарнизонная сложилась, бабы, и чужие, и занятые в том числе, которые встречались, и с которыми встречался, отличались доступностью. Одни труднее уговаривались, другие проще, третьи, которых просто не хотелось добиваться. "Не стоит" – как говорят, при этом ударение ставят там, где воспитание позволяет. Нашему же мужику, для уверенности в своих чувствах, трудностей подавай, которые он преодолеть должен. – Вставив словечко прапорщика, улыбнулся майор. – Но вру, встречались в жизни и такие, которых ой как узнать бы хотелось, но что-то всегда останавливало. Эта,

мол, для тебя слишком хороша. И необязательно раскрасавицы такие женщины, просто не знаю, как выразить словами – чистые они, ты старшина должен меня понять. Не испорченные. жаль, уже почти вымирающий род. К таким всегда труднее сделать первый шаг. И еще, знаешь, из опыта общения со слабым полом, ну, которыми обладал, усвоил, почти всегда выбираем не мы, а они затаскивают к себе в постель тех, на кого глаз положили. И делают это много рассудительнее и изящнее что ли. Совсем не то, что грубые усилия мужиков, старающихся удовлетворить свою похоть.... Нет, ну как можно про баб рассказать, не скатившись до уровня излияний Цыгана? Извини капитан, тут ничего личного. То я от словесного малосилия.

– Ага и от скудноумия. Извини майор, тоже не стану тыкать в чью-то сторону.... Всё – всё, молчу как березовый пенек в банный день.

Вовчик обиженно помолчал. Но поскольку и остальные помалкивали, вроде как через силу начал рассказ: – Ну, если вам интересно, то вот до сих пор помню. Была у меня одна, и не такая уж раскрасавица вовсе. И я с первого курса, института еще, а она с последнего. Для меня, только спрыгнувшего из-за школьной парты, года на три старше – старуха значит. И по будущей профессии – бухгалтер, которых я почему-то с детства боялся, из-за какого-то совсем не нашенского названия, что ли. А вот закрутилось у нас. Трудно это объяснить даже самому себе, но одновременно любил я ее и,

как слово нужное подобрать, сторонился что ли. Стеснялся, что она такая... вернее, не такая как большинство. Продолжалось мое приключение – то остывая, то разгораясь – целый курс. Впрочем, для меня тогда любовь и похоть, однокоренные слова были. Да и она со мной щенком, вряд ли на что-то серьезное рассчитывала. Но только, похоже, крепко залетела от меня. А я – как и положено настоящему пацану – знать ничего не знаю. Не может с того, что из меня брызгает, человек хоть и маленький получиться. Как говорится "рожу спрятал в кусты, а вся задница наружу". Чем там у нее кончилось, не знаю. Ну, не дура ведь, надеюсь, от такого рожать? Беременеть надо от человека, чтоб человек вырос. Я летом с друзьями и подружками на каникулы к морю уехал, а она диплом защитила и на родину. Где ее родина, толи в Рязани, толи в Казани, не интересовался даже. Поначалу просто счастлив был, что так легко обделался, тьфу ты, отделался. А много позже не раз ее вспоминал – она, может, единственная в моей непутевой жизни была, опять не знаю, как выразиться, настоящая, что ли. И имя у нее самое красивое – Вера. Может она и была той суженой.

– Не ностальджируй, возможно теперь она теперь такой расширенной стала, что и не взглянешь в ее сторону.

Майор недобро посмотрел на Цыгана, некоторое время молчал, шевелил прутиком гаснущие угольки костра. Но поскольку все по-прежнему хранили молчание, продолжил: – Потом, когда уже служил, долгое время была у меня подруж-

ка Надежда. Безотказная, как «трехлинейка⁵⁷». Она моей любовницей стала, и роман крутила почти на глазах у мужа. Тот в меня засранца почему-то стрелять не стал, сам уехал в Чехню, еще в первую компанию. Там на фугасе подорвался, не человек – обрубок остался. И, представляешь, моя Надюха не слова не говоря, бросила всё и к нему сорвалась. Вот ты и пойми этих баб.... Короче была у меня Вера – я ее предал. Была и Надежда, да оставила. Остается только ждать Любовь.... А иначе ВИЛЫ.

–

Среди вас по люблюм, скромно замечу, я множественный специалист. Но аж я не врублся, причем тут

, Вовчик,

самое светлое чувствование и

вилы?

–

Ну, это чтоб на грустной ноте не заканчивать. Почти анекдот про поиски любви. Из жизни. Короче, в колхозе, куда нас в сельхозе

58

гоняли, – пацанов разместили в клубе,

развалюшке не

отапливаемой. А девчат в комнате отдыха бригады, расположенной в глубине огромного сарая. Толи гумном, толи

⁵⁷ Винтовка 7,62 системы Мосина образца 1891 года.

⁵⁸ Здесь – Сельскохозяйственный институт.

еще как-то так обзывающегося. Точно не знаю, я ж сельскохозяйственное образование не завершил.

Запомнилось с трехлетней учебы только что злачные места в деревне не бар иль бардель, а полный бардак и в грязном поле злаки разные растут. Типа рожь цветет и картошка колосится.

—

И конопля благовоняет?

—

Да нет, конопля по за огородами в основном, но не перебивай. Так вот, однажды, как стемнело, отправились мы, — я с двумя друзьями, навестить наших девочек. До гумна добрались благополучно, но в самом сарае тьма крошечная и беспросветная. Где тут искать гнёздышко наших пташек? Тогда один из дружков, всё еще днем разведавший, вызвался быть проводником. Встали мы гуськом, и каждый руки на плечи впереди стоящего сложили, чтоб не потеряться. Двинулись потихонечку, но далеко не ушли. Слышу я, провожатому нашему по башке кто-то впереди — хрясь. Замерли мы. Но первый дальше тянет. Сделал я шаг, и тут мне по кумполу — хрясь, аж искры из глаз. Видели замыкание на трансформаторной подстанции? Так от меня фейерверк не хуже, только вот вокруг почему-то не посветлело. А тот, кто впереди, упорно дальше двигает. Сделали еще шаг — уже сзади меня — хрясь. Еще шаг и снова впереди — хрясь. Тут наш авангард шепчет — ребята, давай задний ход. Мы назад шаг

– последнему, который стал первым – хрясь, еще шаг – мне
– хрясь, а потом соответственно последнему, который раньше
был первым – хрясь. Встали мы как вкопанные, и наш, то
последний, то первый еле слышно шепчет

– шо це було? – Что было, то было, – грабли, какой чудак
на букву

«м» побросал. Но ничего, мы чуток правее возьмем. Дви-
нулись мы прежним макаром дальше, только вдруг первый,
что вновь стал первым как захрипит. Я его тормошу – опять
грабли? – Да нет, – отвечает, – вилы.

Все кончилось не смертельно, вот только ни девочек, ни
их любви нам уже не захотелось. Быстро пришли к выводу,
все бабы дуры, да к тому ж такие страшные, что и в кромеш-
ной темноте испугаться можно. Ну, их, этих девок, не стоят
они наших шишек.

– Эх, что вы в женщинах понимать можете – перебил Цы-
ган, не умеющий слишком долго слушать других. – Вот не
так давно у меня бабёнка была. Медсестричка, от слова мёд.
Люблю, в основном, я ладненьких. Чтоб тело, которое есть
за что ущипнуть, но соответствующее формам жеской при-
надлежности, да на предложение горячей любви, но без дол-
госрочных обязательств, не слишком упираясь – ладненько
– отвечала. Вот и эта. При росте метр семьдесят без малого,
носила на себе килограмм девяносто, да с гаком. И большая
часть всего этого великолепия приходилась на попку. Да что

там попу – орудийный лафет как с под «царь пушки» и размер груди 59. Не вру ей богу, сам шапкой каждую мерил. Когда она на меня сверху наваливалась, глаза из орбит выпирали, думал вот и все, раздавит меня, как асфальтоукладчик зазевавшуюся на дороге лягуху, или скажем по поэтичнее – стрекозу. Но такой кайф, задохнуться под таким роскошным телом, истекающим соком от одного прикосновения моих нежных и проворных пальчиков.

– Слушай, малдаван, заткнись. Не стрекоза ты, а стрекозёл и совести у тебя нет. Ты про любовь-то, когда-нибудь чо слышал?

– Товарищ прапорщик, попрошу без личных оскорблений, но на ваши вопросы любезно отвечу. Совесть у меня была. Помню такая вся белая и пушистая. Вот только очень досаждала начальникам в командном училище и научилась, согласно преподаваемого курса, хорошо маскироваться. А потом и вовсе куда-то ушла вслед за умом, честью и совестью нашей эпохи – КПСС⁵⁹. Но то еще в прошлом тысячелетии было. Поскольку не археолог, то не стану ворошить старое. Да и вообще – совесть в наше нелегкое время все больше с этикетом путают. По этому самому этикету помню, дамам нужно уступать место. Я вот всегда уступаю место мадам. Даже на унитазе. Сам-то могу и в раковину помочиться. А вот про Любовь, это которая с большой буквы? Да была у

⁵⁹ Коммунистическая партия Советского Союза (если кто не знал или забывал за давностью лет).

меня одна Любаша. Любчик, до сих пор в сердце храню ее светленький образ.... Это надо же, какая большая разница оказывается между словами блондинка и светлая голова. Вот только про бесконечную любовь меня непонятки одолевают – это как же так, любовь и без конца? Даже рыбак и русалка на что-то могут рассчитывать, а вечная – бесконечная? Не, мужчинам то не в тему. Трижды сплюнь и постучи по дереву. Из деревянного поблизости лишь головешки? Тогда можно по собственному лбу.... А вот если вы про возвышенную любовь, это на верхней полке в вагонном купе было. Можно расскажу? Нет? Не сегодня? Тогда можно про чистую любовь? Прямо в парилке сауны.

– Нет в парилке горячая любовь, чистая в душевой кабинке стоя под тугими струями.

– Вот видишь, товарищ прапор, господин майор сечет в данном предмете. Только еще лучше в бассейнчике таком маленьком с пузырьками. Мабуть слышали где стороной его прозвание – джакузи. Ооо.

– Да чо там, бывало – барахтались. Только совсем распрекрасно, прямо в море, придерживаясь за надувной матрасик и покачиваясь на волнах. А неподалеку отдыхающие плавают, и то только подзадоривает.

– Ну, надо же, старшина, и ты сечешь? Ну, боже ж мой, компашка подобралась. Тогда, как специалисты мобуть классифицируете вот такую любовь. Грязная мабудь? Только грязь как бы учебная. Я честное слово коротко и без похаб-

ных лапидарностей.

Вроде недавно совсем это было и так давно. Мама еще здравствовала. Она-то попросила меня хоть в один из ее выходных помочь на даче. Кой там даче, огородишко шесть на восемь и домишко – сараюшка приспособленная сохранять тень над садово-огородным инвентарем. Конечно, подготовка к экзаменам важная составляющая к баллам при аттестате по окончании школы. Только все равно до злаченной медальки при всех потугах не коснуться. Поэтому она, майне мутти⁶⁰, решила, мол надо совместить приятное с полезным. (Где тут и то и другое?) Тут премного здорового физического труда, зато зубрежка билетов под бдящим оком, а не под соблазнами весны на юного оболтуса. Понаблюдав как лихо орудкую цапкой, срезая без особого разбору сорняки и полезную поросль, мать грустно вздохнула и отравила меня таскать воду из ручейка сочившегося в лиман. Трудность в том, что заливать воду надо в бочки на кой-то поставленные на столбы. Т.е надо збираться по хлипкой лесенке с полным ведром на высоту почти человеческого роста. Наши две бадьи соседствовали с такими же соседскими по причине того, что ранее в соседях был соседкин мужик обеспечивающий их наполнение. Я имею в виду бочки, впрочем, тоже можно сказать про их хозяйку, даму довольно наполненную и весьма симпатичную. Перед описываемым временем сосед куда-то испарился, по слухам прихватив все сколько-то цен-

⁶⁰ Моя мамочка с немецкого.

ное. Даже тот самый электронасос.

Чиво заерзали, это только присказка, но не взбудораживайтесь так, рассказ короче.

Оказывается, наполнением бочек озадачился не я один. Соседка також стояла под ними с полными ведрами и беспомощно улыбалась. – Не пойму как с ними можно туда забраться. Проще бы вылить сразу на грядки, да надо чтоб вода прогрелась и со шланга удобнее, чем с лейки.

– А Вы, тётя Рая, встаньте наверху, а я снизу ведра подам. Ваши вам, наши к нам.

– Какая я тебе тетенька? Всего-то чуть постарше. Но может ты на лесенку, а то ведра тяжеленные над головой их задирать.

– Ну я ж все ж мужчина, с достоинством ответил я стараясь чтоб голос звучал побасистей и при этом предательски, как бывало, не пискнул. (мужик, хоть годков на десяток младше и по комплекции раза в полтора поменьше).

Мысли мои она не прочитала, поэтому благодарно улыбнулась и бойко взобралась на верхотуру. И тут ОЙ. По причине жары, видимо, под сарафанчиком отсутствовали трусики. И я узрев что-то столь заветное сквозь кучерявую поросль меж, таки да, красивых ног, обомлел с раскрытым ртом.

Соседка, конечно, разгадала, чиво за столбняк со мной приключился, мигом соскочила на землю. Я потупил взор и покраснел от кончиков ушей и до кончика ... ну, короче

весь. Раиса же не стала меня отчитывать за излишнюю наблюдательность, а мягко ухватила рукой за то, что вот-вот порвет всю мою одежду т.е. сатиновые трусы.

– Надо же, ты такой еще молоденький, а у тебя уже такой взрослый. Можно погляжу. Честное слово никто не узнает.

Запустив руку в мои труселя она так ласково там погладила, что я прыснул через пару секунд.

– Ооо, какой ты нетерпеливый. Давай научу тебя, как вести себя с женщиной. Это не школьные предметы. Это всегда пригодится.

Стянув промокшую преграду, она наклонилась и губами сделала то, что до этого мог позволить себе только руками. Я лишь безвольно оглянулся, не увидит ли мама, но нас хорошо маскировала поросль разросшейся оглядиции. Подобно как там было дальше, уважая уши куска, рассказывать не рискну, но только пришел в себя на земле весь в грязи из-за раскисшей земли с опрокинутых ведер.

Подробности можно поведать? Как? Опять ничего не рассказывать? Заткнуть фонтан? Ладно, так и быть, «буде» в следующий раз. Слушай старшина, ты обещал нам открыть, как здесь очутился.

– После ваших разговоров настроение не то. Другораз буде, если перебивать не станешь.

А Цыган, хотел бы рассказать совсем другую историю. Но возможно и хорошо, что не дали излиться этой эротической может и фантазии даже, которая явно детям от шестнадца-

ти....

«... Я ввалился в свой «бокс» и слегка офигел. Эта недавно зареванная студенточка, развалилась на моей полуторке, а рядом расположилась Манька и блаженно мурлыкала.

– Это шо за дела? Ан ну брысь обе. Кошка, томно блеснув зеленым взглядом, лениво отодвинулась к краю, освобождая место посередке, а девица и так прижатая к стене, типа отступать некуда, похоже, наглогато улыбалась. – Я легла, где вы сказали, но там холодно и кровать сеткой провисает чуть не до пола.

– Ладушки, ты сама сделала выбор, потом не верещи, мол, изнасиловали и все этакое. Ляпнул я, скорее несерьезно, так чтоб толи попугать, толи....

– А кто сказал, что собираюсь сопротивляться? Явно провоцировала не столь симпатичная, сколько молодая барышня.

Когда на базе «отдыхают» штудиусы то порой рука так и тянется набрать то 02, то 03. Лишь бы не 01⁶¹. Но дотянется до 1/3 от 0,5 и всё не так уж гнусно. Не будь я слегка под градусом, испугался б и наглости молодухи и того что моя старуха вдруг прикатит, застучает и.... Кто знает чиво тогда, а сегодня я завалился не снимая брюк и сразу стянул с девушки свитер. Лифчика на ней не было, а крохотные округлые

⁶¹ Милиция, скорая, пожарная – экстренные номера телефонов, которые надо помнить, но лучше никогда не воспользоваться.

грудки восхитительно топорщились увенчанные упругой полусферой сосков. Жаль, на не в меру стройном теле. Я вырубил бра над собой, но в нагло льющемся из коридора свете всеж слегка заметны проступающие сквозь тонкую кожу ребра. Чтоб не заморачиваться по столь незначительной мелочи я слегка сжал затвердевшие девичьи перси.

– Ой, только осторожнее, я какая-то блин больная и они у меня иногда при прикосновениях, суки, болят.

Нагловая грубость фальшиво нарочита и демонстрируется явно, чтоб скрыть не сокрушенную еще стыдливость. Я молча, одними губами прикоснулся к сосочкам и чуть не отпрянул от дрожи пробежавшей по ее напряженному телу. – Дурочка, расслабься я древнемногоопытный. Расстараюсь не сделать тебе ничего дурного. Слыхала ведь, шо старый конь эт дело не портит... О, а это у тебя первый раз что ли? В смысле ты еще девочка?

– Нет, не боись, уже два раза не целка, но до сих пор не привыкла. Ну а мой бой-френд, такой дурак, умеет только делать больно. Сейчас, он пидор, с трахалкой Светкой, а Вы такой классный и я хочу с Вами. Не прогоняйте, я постараюсь делать все хорошо.

Видя, мою нерешительность она довольно проворно стянула свои узенькие джинсы сразу вместе с трусиками, но свою тайну, покрытую почти детским пушком, всё ж стеснительно старалась заслонить узенькой ладошкой.

– Что ж с тобой делать девонька, когда у тебя везде и всё

хворое?

Далеко не так изящно как она, я стянул свои штаны, тоже вместе с труселями, но это чтоб не заметила, сколь последние застираны.

– Забирайся ка сверху. И губками осторожно поводи по Нему.

– Ой, губами я еще не пробовала и стесняюсь. При этом она еще больше вжалась в угол меж кроватью и стенкой.

– Дурочка, не ртом, а вот этими губками. Я раздвинул ее ноги и осторожно языком провел по клитору. Она выгнулась и ногтями впиалась в плечи, едва не продырявив мою шкуру. Но это можно простить, то у неё от восприятия неизведанных ощущений.

Я не останавливался осторожно касаясь в поисках сокровенно местечка внимая всем торсом к отзывам её трепетного стана. Вот оно, похоже сыскалось то возможное к ласковому приложению неких усилий, алкания нежнейшей плоти источающей самый-самый аромат. Тело ее внезапно напряглось и она даже приподнялась, но тут же блаженно вытянувшись рухнула обратно в скрипучую кровать, едва не придавив кошку нагло жмушущая к нам. И почти сразу брызнул сок юного тела.

Встревоженный шепот – ООО, прости, я кажется маленько обоссалась.

И такое сморозила студентка, да еще и скорее всего отличница. – Ты точно еще первый раз!

– Нет, но так вот хорошо, первый.

– Иди сверху и не бойся. Не вводи Его в себя, а прикасайся так, как для тебя лучше. Поняла?

Снова полувиноватая улыбка. – я попробую.

Сначала она елозила взад-вперед, едва прикасаясь и явно прислушиваясь к своим ощущениям. Но постепенно движения стали приобретать все большую плавность и глубину. Голова все дальше откидывалась назад. И в какой-то момент вырвался негромкий стон. И тут она едва не подскочила – ой опять это из меня. Ты теперь весь сырой.

– Дурочка, знала б ты как мне дорога эта твоя влага. Продолжишь еще?

– Нет. Я очень хочу, но не могу. Коленки дрожат спасу нет.

– Шож ты девочка с недужными коленками решила заняться этаким делом? Не смотри удивленно, то из старого анекдота. Нет, рядом с тобой я не занимаюсь воспоминаниями всякой херни, я просто столько раз занимался тем восхитительным, коее вы зовете грубым словом секс, что немного зачерствел. Но с тобой, похоже, оттаиваю. Ну-ка ляг поудобнее.

Еще раз внизу своим языком, но теперь стараясь не только по губкам, но и пропихнуть поглубже во внутрь. Снова она, то до дрожи сжимается, то истомно откидывается, но уже не отпрянула когда потекла и даже вместо чуть слышного стоны издала негромкий, но ощутимый рык.

– О, милая, да ты потенциальная блядь. Из тебя прям, со-

чится неиссякаемый источник.

– Да не ссяка, теперь сама поняла. Да, хочу, хочу с тобой быть последней блядью. Ну, войди ж в меня скорей. Нет, подожди, подожди я тоже должна своим ртом сделать тебе так же кайфово, как ты сделал мне.

– Хорошо, попробуй, только осторожнее, один язык и губы. Страсть тут не нужна.

– Фу, он соленый какой-то. Подожди, подожди – зато какой он сладенький. Это и правда оказывается классно.

– Стоп. Что делаешь! Он же не резиновый. Живой как никак, а ты чуть не откусить готова. Нежнее надо. Нет, еще не так.... Потом потренируемся. Хочу в тебя, весь целиком.

– И я уже коленками начинаю скатать, так хочу, чтоб заполнил собой всю-всю. ООо, а с тобой совсем не больно.... ООо, вот так, даааа..., дааа. Ты же гад не только до гланд достал, а уже в ушах ковыряешь, и не больно. ООо.... А говорил про какого-то коня, будто глубоко не пашет.... А.... Вот так, даааа..., ещё..., дааааа!

Как обидно, что это самое-самое в жизни длится так недолго, а тут и десятка минут летит меньше секунды. Она даже похоже не чувствует, как бьёт семя и не останавливает свои немного неловкие движения пока последние капли не выжимаются из меня. Только тогда замирает и расслабляется настолько, словно уснула. Глаза блаженно закрыты, только на уголке, на ресничке, в рассеянном свете пробивающемся из коридора, поблескивает слезинка.

Девочка, миленькая, где ж ты была всю мою жизнь? Ах да, лет с адцать моего непутевого бытия тебя вообще еще не было.

Еще, только вот сейчас замечаю, Манька, хоть и кошка, но сучка та еще, трётся спиной о мой бок и мурлычет словно паровоз. Есть мыслишка выкинуть эту мохнатую дуру куда подале, но боюсь потревожить девочку имени которой даже и не вспомню. Да и самому не «в жилу» шевелиться, и так тепло от этой твари....»

Вот чем особо плоха война – отрывает настоящих мужчин от настоящего дела. Баб жалко, но и нам от некоторых воспоминаний хучь на стенку лезь.... Хорошо, мужики не дали расплыться про такое. Да и не пересказать словами, только «про себя» вспомнить возможно. Сейчас вот помянул, сам того гляди поплыву. Совсем и к чему разбалтывать такие истории. А то эти солдафоны, за порог выгонят и потом ночью на все запоры от меня запрутся.

СТАРШИНА.

Призвали меня на срочную службу в середине семидесятых. В то время еще гордились, что служат в пограничных войсках. Служба поначалу давалась несладко, но дальние корни мои кержацких⁶² кровей. Дед мне, мальцу, расска-

⁶² Кержаками на Урале и в Сибири прозывали поборников «старой веры», т.е. несогласных с реформами патриарха Никона.

зывал, как при Екатерине второй, что ли, казаков-староверов с южной Руси, с реки Сало, за участие в каком-то бунте переселяли. Ссылали на необжитой еще Урал. Расковывали из колодок семьи на расстоянии десятков верст друг от друга, чтоб в общину обратно не сбились. Оставляли на семью один топор да небольшой нож, и мешок овса или проса. Во многих семействах и мужчин-то взрослых не было, поубивали мужиков при подавлении того бунта. И вот кто сумел силы найти, смог первую зиму пережить, гряд один с десятку, тот и дальше сдюжил, да дал такой крепкий род, хрен, чем прибьешь. До сих пор сохранились кое-где кержацкие хутора с «пятистенными» домами и крытыми дворами, похожими на небольшие крепости, вековые деревянные постройки которых не гниют и не тлеют, так как уложены на венцы из неподъемной по тяжести, но не разлагающейся лиственницы⁶³.

Вот и я в армии, как говорят у нас, сдюжил. К концу службы, оставаясь рядовым, исполнял обязанности старшины заставы, с начальником чуть ли не в приятельских отношениях ходил. Он и уломал меня пойти в школу прапоров, чтоб и дальше вместе служить. От добра, добра не ищут, и я уговорился. А чо, оклад под пятьсот рублей, по тем временам мабудь как у замминистра. Мой батяня, считалось, неплохо зарабатывал. Он заливщик кокилей, на заводе в литейке, и то почитай в полтора раза меньше получал. На заставе тратить

⁶³ На сваях с уралькой лиственницы вся Венеция стоит.

эти деньжищи почти некуда. Вычитали какие-то копейки за питание, да когда солдатики умудрялись полушубок иль шубинки пропить, а я до ревизии не успевал то списать. Вот потому в отпуске каждый год в Сочах, Ялтах или Одэссе отдыхал. В твоей Отесе, капитан, предпочтительнее, так как город хоть и шубутной, но довольно красивый. Даже один раз за все времена в вашем оперном побывал, зато в Воронцовской ложе. Да было времечко. Иль вот, когда в ресторанах ужинал, так официанты, чуть ли не дрались между собой, за то, кто меня обслуживать будет. Знали халдеи, с чаевыми не обижу. От проституток самых разнообразных отбою не было. От кокоток до замужних кокеток. Вот когда казалось, судьба пригрела меня в своих ладошках. Но она, по крайней мере по отношению ко мне, всегда вела себя как малый ребенок. Долго играть не любила. Поласкает немножко, побаякает, а потом закинет в такой угол, из которого.... Или вот на родину когда приезжал, родня аж плакала, от полноты чувств, зазывая в гости. Ну, еще бы – кому обстановку, кому машину, а кому и квартиру помог справиться. Мне на заставе этого без надобности, и казалось, так всегда будет. То совсем недавно, когда на дембель податься надумал, выяснилось, что из родни – кому я там нужен? А от больших моих денег правительство один пшик оставило. Оно, конечно, и минусы в той жизни свои были. Вот женился как-то. Прожила баба на заставе в горах менее года да сбежала, – я грит, от тоски повеситься не обещала, когда за тебя замуж

шла. Прости, не «декабристка» такую ссылку терпеть.

– Да тебе еще повезло, шо с тобой таким така долготерпивая оказалась.

– Зато тебе ой как не повезет если рот еще раз разинешь.

Было немного и того, чего, как говорится, и врагу не пожелаешь. Это в основном про Афган, а туда у меня командировки не единыжды приключались. Страху временами натерпелся аж вспомнить до сих пор больно. А каких ребят похоронил... Сам награды и боевые в том числе, конечно, имею, остались только побрякушки на моей заставе, когда в командировку в отряд уехал. Сейчас у какого-нибудь желторожего солдатака как трофей болтаются.

Всего-то с неделю прошло а, кажется, так давно было. Ну конечно, ведь опять-таки в другой жизни. Вызвал меня старлейчик⁶⁴, новый хозяин заставы. Чибон недокуренный, ростищем аж полтора метра вымахавший. Плохо не это, а то, что он не только невысокого роста, а еще и тривиально низок и в этом всех кто выше попросту ненавидел. Ну да простят меня святые угодники, за то, что о покойнике плохо помянулось.

"Товарищ старший прапорщик – командует, – Вам предстоит служебная командировка по в отряд. Одна нога туда, другая уже обратно. Получишь положенное вещевое довольствие, и попробуй только не получить норму продуктов. Да смотри, не смей там пить, даю последнее предупреждение!

⁶⁴ Старший лейтенант

И исходя из создавшейся обстановки водителя Вам не выделяю!"

Это типа того, что я пить не смогу, потому как пьяным за рулем не поеду. Не знал он, как бывший начальник трезвым к водительским педалям близко не садился, а как накушается, души не чаял взгромоздиться за баранку любой колымаги, которая под руку подвернется, и рассекать на запредельной скорости по местным дорогам, чо и раздолбанными то обозвать – считай польститься. И вот замечательно не сшиб никого и не угробил ни одной машины. Действительно чоли пьяных бог бережет.

Приехал я значит в отряд. На ОВС⁶⁵ вещевку положенную получил, и на прод-фуражный склад. "Выручай начальник, – говорю, – бойцы голодают". А там прапор, хитрый татарин, отвечает, что на всех заставах положенного давно не видели, развивать надо свое подсобное хозяйство, налаживать связи с местным населением...

Грю – Мирза Амирович, ты мне лекций не читай. Есть на моей заставе, сам знашь, и свинарник, и курятник, но до зимы пока хрюшка вес не нагуляла, резать ее не станешь. Разве только одну ножку на тарелочку холодца. И тебе, без шуток, твоё любимое сало, как истинно правоверному, сегодня покамест не светит.

Оно, понятно, и курица с цыпленка тако же не за один день вырастет, как и картошка, которую только чукчи на вто-

⁶⁵ Общевоинской склад

рой день после посадки копают. Опять же связи с местными у меня состоятельно налажены. Но только при любых связях, взаимоотношение должно быть двухсторонним, принцип которого при любой власти во всех тонкостях отшлифован, – чтобы что-то взять, надо что-то дать. Иначе говоря, как еще древние египтяне доказали, при строительстве пирамид дело было: "не подмажешь – не поедешь". То хорошо понимал старый начальник, проходивший в майорах более десятка лет. Он только совсем недавно получил перевод в Ро-сею, на новую должность, чтоб хоть к пенсии получить подполковника. Новому же начальничку на все подобные тонкости глубоко наплевать, застава ему только как трамплин для скорейшего перевода в главное управление. Ведь лишь там самые умные служат, которые хорошо прогнуться умеют – вроде котяры под хозяйской рукой. А он уже тем большой молодчина, чо где-то в Мааскве поглаживает его такая же мохнатая лапа. Потому и получил он моментально должность начальника заставы. Да и то сказать, мало кому теперь хочется на полуголодную, обстреливаемую наркокурьерами и прочей нечистью границу, защищающую непонятно что. Восжелалось же масковскому пижончику данной должности, потому, как и выслуга, а соответственно и звания, в два раза быстрее идут. В имперские времена такие выскочки только в замполитах прохлаждались, потому что и в штабе отряда понимали, – такой человек не хозяин. Застава же без хозяина не застава, а колхоз «Светлый путь в никуда». Командир

заставы сам себе царь, бог и герой, и охрану участка границы, и оборону его в случае чего, и обеспечение личного состава организовать обязан.

Впрочем, кому-кому, а кладовщику того объяснять нет необходимости. Вытащив пузырь водки из-за пазухи, я сказал:

—

Понимаешь, Мирза ака, надо!

Он в ответ: — понял, наливай.

Только к вечеру, загрузив еще немного продуктов в кузов «газона», и изрядно нагрузив свое нутро спиртосодержащими жидкостями припасенными хозяином склада, я уехал из отряда. Домой путь неблизкий, но туда в таком виде я и не собирался. По дороге остановился у одной не кызбала, (слишком молоденькой), но аиль (взрослой) и симпатичной для туземных баб, библиотечарши. Ее бывший начальник заставы, согласно ее народности "суиктым" называл, что значит "любимая". Она мне, если можно так выразиться, и досталась ровно как по наследству от командира. Как и чо у них было, дело десятое. Только когда он уехал, с здешними мужиками у нее ничего б не сложилось и не сляглось. Она им всё одно чужачка и к тому ж не халяль, то бишь нечистая. Да и сама на рабскую жизнь в гарем не стремилась. Начальник уехал, а я к ней привязался, тоже любимой, только по-местному сулуум стал звать. Даже жениться подумывал, да что-то как-то не подгадывалось.

Машину я на заднем дворе разваливающегося клуба оставил. Библиотека в клубе находится, а моя зазноба, можно сказать в библиотеке и живет, позади в пристройчике – клетушке на полторы комнатухи. Проснулся на следующий день поздно, с похмелья все-таки, да и с подругой редко последнее время виделись, вот ночью долго оторваться друг от друга не могли. Как ровно чувствовали, чо последний раз это, значит. Но то всё дело нестоящее, чтоб трепаться, а то, что главное было – я проспал. Как ровно кто сохранил меня, может для того, чтоб вам рассказать, может, чтоб кому за ребяток моих поплатиться было.

Я спал, когда моя Бахоткуль, такое имя ейное замечательное, по-расейски будет – глаза озера. Чо? Ейное неправильно говорить? Ну, пусть еённое будет! Не перебивай, а то перешибу.... Короче, вскинулась Бахит чтоб на рыночек сбегать. Со свеженького приготовить мне перекусить, в дорогу с собой собрать. Да скоренько возвратулась. Прибегает она с балой, мальцом, своим соплеменником. Оба тараторят, кто кого переорет. Я и по-аджикски и по-упекски и на ее языке немного понимаю, но когда нормально говорят, а тут ничего взять в толк не могу. Ну совсем джаман⁶⁶. Смотрел на них, смотрел, да как рявкну их непотребное словечко, означающее женщину коих полагает Цыган – нджалап. Сразу оба заткнулись и с неподдельным испугом на меня впрярились. "Нуска" – говорю ей. – "Давай по-общеемперски объясняй, то-

⁶⁶ Весьма не недурственно.

гда торопиться не будешь. Она ведь на нашенском языке почти без акцента говорит, а тут просто переволновалась. Еще помню, почему-то смешно мне стало. Может с того что без привычки сматерился не по нашенски, может, что паренька Орал кличут. Это типа где-то около, да отсель не узришь. Надож так наречь дитяtko. И еще, что хоть вроде и орет он, а все одно только громко щебечет. Понимаю, по их лицам, не до смеху, дело какое-то серьезное, но с трудом сдерживаюсь, чтоб не заржать. Вот ведь дурак человек. Успокоились они немного, потом мальчишка как бы рассказывает, а она переводит. Но я и сам понимать стал, ухмылка постепенно с рожи сползла.

Рассказал паренек, еще ночью в село пришли военные на больших машинах. Их дом рядом с дорогой стоит, так они от шума проснулись, и до рассвета уснуть не могли, всё машины шли. Утром он к друзьям сбегал, те рассказали, думали имперские вернулись, потому что на машинах умудрились красные звезды в кромешной тьме рассмотреть. Утром же выяснилось, прибыли сплошь хани. Много машин в сторону границы ушло, но еще больше к погранотряду. С той стороны вроде даже звуки боя слышны были, но я не поверил, далеко больно, да и откуда тут ханям появиться на границе с Афганом. Чо им тут надобно, вообще непонятно. Торопливо одевшись, я выскочил на улицу. Хотел сразу на машине на заставу рвануть, да, видимо не совсем дурак, поскольку решил сначала небольшую разведку предпринять.

Бала рядышком побежал, показать, что и где. Около бывшего сельсовета, теперь по-нашенски, администрацией, что ли называется, большая толпа народу. А посреди площади стоят бронетранспортеры и огромный грузовик с кунгом⁶⁷. С этого грузовика орет громкоговоритель. Растолковывает местному населению про сложившуюся обстановку: – "В столице власть в свои руки взял Комитет Национального Спасения". И описывают красочно, у какой пропасти очутилась страна под руководством прежнего правительства. А новое правительство – этот самый комитет – знает, как спасти страну. Этот новый комитет, для избежания вмешательства иностранных государств во внутреннюю политику суверенного и независимого государства, а также их силовых структур, – это он нас пограничников имел в виду – незаконно находящихся на суверенной территории независимого государства, пригласил ограниченный воинский контингент из дружественного государства. С Подлунной значит. И дальше, как в старых фильмах про фашистских оккупантов:

"Населению предлагается соблюдать спокойствие. Имеющееся на руках огнестрельное оружие срочно сдать администрации. Всем жителям в течение дня пройти перерегистрацию документов в управе. С двадцати вечера до шести утра запрещается покидать жилище. Чтоб покинуть село требуется разрешение местной власти, и еще много такого же, подобного. И в оконцовке классическое: за неподчинение – на-

⁶⁷ Кунг – будка на кузове.

казание, вплоть до расстрела включительно".

Тут только до меня дошло, как все серьезно обстоит на самом деле. И вот интересно – каким дрянным ветром всю эту срань надуло. Вчера была гладь да тишь, а нынче шиш. Вернулся я тихонечко к своей бабе, обсказал про такие дела. Она привела еще одного шустрого пацана. Объяснил я боче, мальцу местному то бишь, чтоб разведал, как мне из села незаметно выбраться. Думал уж переодеться в какую ни-то гражданскую одежду и тихонько двинуть в отряд. Там все же начальства умного до какой-то матери, и опять же территория-то как бы Расеи принадлежит, не сунутся туда эти вояки. Но и «газон» казенный, да еще и с грузом жалко бросить, не в сохранности он здесь будет по нынешним временам. Примерно через час мои лазутчики вернулись. Любили они меня за то, что сладостями иногда одаривал или на машине катал, потому и мои поручения в точности исполняли. Вот и сейчас, все облазить успели, но выход, если с машиной уходить, отыскиали. По нескольким огородам за дворами, в поле сразу за аулом. И уж по нему до проезжей дороги пробираться. Благо, ГАЗ-66 это ж какой ни на есть, а все ж вездеход. Немного помыслив, решил я в потемках рвануть. На фарах у меня рассеиватели, вишь какие фиговины прифигачены, чтоб свет далеко не бил. Я этот тракт как свои пять пальцев в обе стороны знаю, в сплошной темени могу рискнуть вообще без всяческого свечения проехать и не засветиться. До вечера я отдохнул, но кой там отдых. Как раненый

зверь по комнатке метался, а потом, попросился довольно грубо, потому как достала меня моя зазноба своими слезами да уговорами с ней остаться аль с собой взять. А куда ее взял бы, когда у самого земля под пятками горит? Короче, свалил я в потемках. В направлении отряда проехать не удалось, и что и как там, до сих пор не знаю. Чует сердце, и там не все добре. В сторону отряда вся дорога была перекрыта и кое где прожекторами освещена, а по краям поля и сплошные арыки – на грузовике не пробраться. И коли чо встрянет на пути, то не с моим пистолетом разборки устраивать. Но в сторону заставы, в предгорьях, я несколько тайных тропочек знаю. Вот и поехал домой.

Неподалеку от заставы старик один живет со старухой. Небольшой огородик у него и баранов держит. Мы ему сено заготовить помогали, да муки когда подкинем трохи. Он нам баранинки иногда, да свежей зелени прямо с грядки – симбиоз, популярно говоря. Глубокой ночью я добрался до этого дашнака⁶⁸. Старик как увидел меня, в лице переменялся. Не только имперские слова забыл, на своем родном ничего сказать не может. Ничего не могу с ним поделать. От отчаяния даже в старухину комнату заглянул, понимаю, кровная это обида, но, думал, может она старика в чувство поможет привести. Но где там. Она сидит в углу, подолом с головой

⁶⁸ Дашнак – это слово с таджикского языка переводится как друг, русские солдаты пользовались этим обращением в значении абориген. В Казахстане так же использовали слово дос – друг.

накрылась, и скулит. В машине у меня водки с полбутылки оставалось, на опохмелку приберегал, но с утра про нее и не вспоминал, какая уж тут опохмелка. Я сбегал, принес этого "лекарства" и силком влил в старика. Дед захлебнулся сперва, закашлялся, но это и помогло истерику сбить, а затем алкогольные градусы принялись действовать. Старина размяк, заплакал. С грехом пополам рассказал как все происходило.

Ночью подошли к заставе машины. Много машин с солдатами. Старик любопытен был, не зря мы его порой шпиёном прозывали. Подобрался он поближе, молодец, хоть не высывался, – испугался необычности происходящего. Видел, застава вся поднялась, а которые в машинах приехали, спокойно сидят. Видимо, какие-то переговоры были. Несколько человек постоянно туда-сюда переходили. Старик говорил, много времени прошло, он продрог и пошел спать. Потом, когда почти рассвело, машины с заставы уезжать стали. Но не далеко уехали – громыхнуло что-то так, аж долгим эхом в горах отозвалось. Утром старик снова пошел к заставе, а над ней большой красный флаг с серпом и молотом развивается, он подумал, Советы назад вернулись. Заходит на заставу, как обычно. Его у нас не останавливали, только провожали к кому с командиров или ко мне, в ком надобность была. А тут раз, и под автомат. Только тогда он рассмотрел, что форма на солдатах другая, и лица у пограничников не знакомые, он ведь всех знал, да и много ребят его соплеменниками были. Решил старик, на заставе какая-то непонятная

смена произошла, помню, сказал он: "Киргизы пришли, или еще кто-то такой же узкоглазый". Аксакал только талибов очень боялся, все говорил, чтоб мы с заставы не уходили, а то незваные гости из Афигана полными хозяевами в этих местах станут. Как будто от нас это зависело. Но прав он – уйди мы, и гражданская война тогда с новой силой разгорится, и вместо продуктов на базаре одни наркотики продаваться будут. Дашнака проводили к начальнику, тот совсем не знал аджикского языка, но видимо уразумел, что старик местный. Бойца с ним послал, проверить, где живет. Еще старик рассказывал:

"Иду по двору заставы, с солдатиком пытаюсь разговаривать, а в это время троих пограничников ведут. Парни видимо с ночного наряда только вернулись, понять ничего не могут, лица растерянные такие. А киргизы тех парней к стене конюшни подвели, а сами назад вернулись, и автоматы подняли, прицелились. Я закричал тогда – нельзя в людей целиться, плохо это. Но докричать не успел. Выстрелили в пограничников. Упали они тут же, и ноги у одного задергались, как у овцы, когда она с перерезанным горлом к своему аллаху уходит. Я упал бы, наверное, но тот, который со мной шел, стволом автомата меня под ребра ткнул, веди, мол, к своему дому. Я подумал, сейчас и нас со старухой так же, прямо на своем дворе. Подумал, за овцами кто ухаживать станет, испаршивеют они, подохнут. Но солдатик нас стрелять не стал, прошелся кругом, даже на женскую половину зашел,

посмотрел чего-то. Баба моя на него закричала, мол, без совести его мать родила, но я ей рот закрыл. Потом до вечера боялись мы со старухой даже во двор выйти. Но к ночи все бараны вернулись, а двоих нет. Один всегда или возле заставы любил гулять, или возле дороги. Пограничники приучили его к сигаретам, вот он и бродил кругом, окурочку где найти и сжевать. К заставе я не пошел, страшно там. Пошел к дороге. Не знал, где страшнее. Плюнул бы на этого барана, съели его киргизы и Джабраил⁶⁹ (мир ему) им судья. На верхней дороге баранов не оказалось, поспешил на нижнюю, домой пока светло вернуться надо. Смотрю, а на дороге что-то не так как всегда, какие-то машины сгорели похоже. Подошел ближе, а машины еще тлели, да вместе с людьми в них. Пограничники наши в машинах как сидели, так и сидят, только черные все, обугленные. Не узнать никого, но я понял, пограничники. И не убирает их никто, не хоронит. Волосы у меня зашевелились, даже тубетейка упала. Я ее поднимать не стал, как домой прибежал не помню совсем".

Выслушал я старика, пожалел, что водку всю на него истратил, потому, как такое понять без бутылки не получается.

—

Веди – говорю старику, – показывай, где ребята наши на дороге.

А старик побелел весь, затрясся:

—

⁶⁹ Главный из четырех ангелов аллаха.

Не пойду – говорит, – и ты не ходи, у шайтанов этих там часовой, он видимо проспал, когда я подходил, а когда домой побежал, проснулся, в меня стрелял, но не попал, я уже далеко был.

Понял, я, что человек до смерти напуган и не пойдет со мной, а и пошел бы, только под ногами путался. Попрощался со стариком, объяснил ему, как мог, для его же блага о нашей встрече никому не рассказывать. Где та дорога я сам хорошо знал, где машины наши сожгли, тоже примерно догадывался, но вот где их засада мне точно узнать надо было, иначе они с автоматами против моего «Макара» слишком большое преимущество иметь будут. А мне, если все что старик наговорил, правда, обязательно выжить надо.

Долго рассказывать, как я к дороге пробирався, в кромешной темноте машины искал. А вот колуна⁷⁰ вычислить проще пареной репы оказалось, закурил он дурашка на посту, по огоньку сигареты я его и просек. Дальше не трудно было подойти к нему и ножичком чиркнуть. Главное тело аккуратно на землю опустить, да не запачкаться, пока булькает всасываемый перерезанным горлом воздух. Вот в чем главный вред от курения, а вы оба – «курить хочу аж уши пухнут». Ну и пускай поприпухнут ненадолго. Отвыкайте, – ушам пофиг, а лёгие, а иногда и головенка целее-здоровее будет.

Единственное о чем я дурак тогда не дотумкал, что хани

⁷⁰ На пограничном сленге – часовой. Действительно, стоит то далеко не всегда по часу, а головенка зачастую клюет носом, словно колун древокола.

на ночь второго часового поставили, и обидно, догадались не вместе воткнуть, а неподалеку, что б один другого прикрывал. Второй что-то расслышал, сигнальную ракету пальнул, вот тогда я хлопчиков своих и успел рассмотреть – чем-то их так подпалили, аж с машины горящей выпрыгивать не стали. Значится легко умерли. Сразу. Ну, за это я ханям свое отдельное спасибо, по возможностям, еще не раз выскажу! То, что я успел увидеть в отсвете ракеты никакими словами не передать. От ужаса умом тронуться можно. Но недалее присутствие врага, даже не врага, а одной из тварей, которые, в моем сегодняшнем понимании, должны быть все уничтожены, не дало в истерику впасть. В перестрелку с этим, бдительным, я не стал вступать. С моей заставы их выродки быстро могли подойти, а так глупо – один против ста – я не хочу сгинуть. Если уж пропасть, так и недругов с собой поболее прихватить, чтоб не одни наши матери над похоронками бились. Забрал я осиротевший «АКМ»⁷¹, и где ползком, где бегом до своего «газона» добрался. А там, дай бог ноги, в смысле колеса, моему драндулету.

Большие дороги, что на картах есть, действительно все перекрыты напрочь. От отчаяния хотел в Афган податься. Лучше уж к духам⁷². От них не все дороги на тот свет ведут. Только, поразмыслив, решил все ж уйти в здешние горы. Тут есть

⁷¹ Автомат Калашникова – основное стрелковое оружие армии КНР, в Китае выпускается, как изделие 56-2

⁷² духами наши солдаты называли афганских моджахедов.

где затаиться и оглядеться немного. Как в целости сумел сюда добраться сам не пойму. Местные, какие встречались, помогали и кормили и показывали как удобнее проскочить. И понимаешь, даже гордость, какая, всё как бы за почившую Империю. Не было ведь никогда очень большой любви к нам среди населения, ежели только ради показухи. А вот когда росич в беде оказался, почти все помогают, хоть может, из-за этого сами в немалую беду попасть могут. Не только на словах, выходит, пресловутое «братство народов» было. Осталась о нем память у местных народов. Надолго ли?

Короче, бог миловал от всяких напастей, пока я не успокоился, не сказал себе – похоже можно расслабиться. И за эти мысли судьба мне вас подбросила. А вы и рады стараться. Вот старушку машину чуть не угробили, которая хоть и держится на запчастях собранных в металлоломе, прошла без поломок там, где другой и на ишаке верхом не рискнул бы. Да и меня немного не прибили вусмерть.

ВОЙНА. КРАТКАЯ ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ

Мир в это самое время уже благополучно сошел с ума. Казалось, какие-то высшие силы, которым надоели вопрошания расплодившегося без меры человечества, решили с вопросом с этим человечеством разрешить радикально. Прошедшие годы тоже были преисполнены усилиями природы и отметились тайфунами, наводнениями, разрушительными землетрясениями и прочими катастрофами, которые без жертв не обходились. Но прирост людских существ на эти мелкие пакости начхал с высокой колокольни и с обывательской точки зрения неспешно набирал обороты. Земля, стонавшая совсем недавно под тяжестью динозавров, прониклась-таки осознанием истинного бремени. Это на неискушенный взгляд все плавно, чинно и благородно. А по житию планеты процесс приобрел ту же тенденцию, что и в сказке про волшебный горшочек с кашей, которому приказали варить, да как остановиться не озадачились. И вот природа, убедившись в тщете своих усилий по урегулированию баланса особей населяющих землю, решила предоставить человечеству, самому покончить со своим перенаселением. А люди – им только дозволь. Они от скуки на все руки. До ядер-

ных ударов, которые могли решить вопрос наиболее эффективно и бесповоротно, пока не дошло, но не все, как говорится, сразу. Надо же дать нам время на раскачку.

И вот, арапы ненавидящие друг друга больше чем врагов приходят к временному соглашению и возобновляют боевые действия против Иудеи. А ведь совсем недавно что-то там, при чем-то посредничестве сулило прочнейший мир на века вечные. Ныне же еще несколько усилий, и вооруженные силы Хизбаллат освободят Иерусалим от неверных, считающих «вечный город», со священной Храмовой горой своей древней столицей. А там, глядишь, и вовсе скинут отпрысков вечно гонимого народа в мертвое море. Иудейское правительство мобилизует все, не разбежавшееся еще население, способное держать в руках оружие, и просит срочного вмешательства мирового сообщества, от коего раньше деликатно отказывалось. Еврейские представители, проникшие во все международные организации, срочно требуют послать в регион контингенты «голубых касок» для защиты своего населения от массовой резни, которая, по сути, уже началась. Мусальманские экстремисты в ответ проводят террористические акции на евриопейских просторах. Им сегодня рукой подать до любой точки «Давнишнего Света» с учебных лагерей воинов пророка в Северной Априке, с военизированных баз в Алабании и своих республик бывшей Югонслави. Да и в таких благополучных странах, как Галлофранкия или Саксопруссия давно существуют тайные лагеря подготовки фа-

натиков джихада, за пополнением которых далеко гоняться не надо – проживает в этом же квартале.

Напрасно думают, жители какого-нибудь Мюнхана или Амстервдама, что Евриопа обезопасила себя от ужасов новой войны. Война подкрадется страшно вздорожавшими продуктами, отсутствием не только климатконтроля, но и освещения в домах. Заявит невозможностью заправить свой автомобиль, чтоб отправиться на поиски работы. А главное, для изнеженных бледнолицых, не то чтоб неуверенностью в завтрашнем дне, а и в том, доведется ли пережить ближайшую ночь. Война где-то далеко, а здесь мелочь, каковая непрестанно будет напоминать о себе террбезобразиями в общественных местах и транспорте. Грабежами от которых не спрячешься и в бронированной квартире. Поджогами авто. Погромами, то басотой в богатых кварталах, то полицией в городских нищетаунах. Конечно, фактические людские потери очень малы по сравнению с потерями в войнах между Индией и Покастаном, Расеей и Подлунной, или даже какими-то маленькими Вьетмамом и Кампучинией. Но там упоминание тысячи погибших слегка ужасает (с отдельным злорадным интересом), а вот свой прищемленный пальчик ой как болит. Инфантильное коренное евриопейское население и не нужно тотально уничтожать арапам для расширения своего жизненного пространства. Оно попросту обречено на вымирание, как когда-то динозавры, достигшие предельного благополучия, и из-за своих размеров утратившие врагов.

Возможно сегодня и плохо верится, но всего-то, через сто с небольшим лет, коренной лондонский бой будет размазывать слезы по своему смуглому узкоглазому лицу, получив плохую отметку, по идиотскому староанглийскому языку, которым пользовались когда-то давно, никогда не виданные им белые инглишане.

СТАРШИНА

По прошествии почти двух недель краткого курса курортной реабилитации, прапорщик слегка подлечил рану и ребра, капитан ноги, а майор, как старший по званию голову. Вот и тут, всё как у людей – вынужденное безделье стало отрицательно сказываться на нервной системе. Праздность развращает практически любого индивидуума, но деятельные натуры еще и гнетёт, спасу нет. Может там за горизонтом и не мираж вовсе, а настоящая задница, вот только тута всю свою намозолил.

– Сидим как крысы в щели и с того шо в мире творится словно страус голову в песок спрятали.

– Страус голову не прячет, а нагибает к земле. Это у него жест угрозы. А испугавшись он убегает, так что хрен кто догонит. И я не догоняю, ты только третьего дня стонал, когда прапор поросил тебя ведро воды принести, мол ноги еще не зажили.

– Так он так бы таки сказал, по воду, то ведь послал за водой, а за ней идти и идти. В какое море тутошные реки впадают?

– Это с тобой впасть можно по всякому поводу. Мечтал отоспаться? Вот и отсыпайся.

– Не, в пасть со мной не надо. Боюсь я этих пастей и отсы-

пался за полгода вперед. Аж сны дурацкие одолевать стали. Снилось намедни, как нам Пол Макартни, со своим хитом всех последующих времен и народов, «Естердеем», прилетел в вертолете. Хошо хоть вроде б не голубом.

– А мне казалось все твои грезы только про женский пол.

– Вот это тут самое страшное. В поту проснешся, таки да и вокруг настоящий ужас. Наяву. В виде вас. И не дуйся на меня, а то сдуюсь как использованный. . . . Ой не надо только меня бить, поскольку я существо беззащитное, совсем безрогое, ибо даже не был женат. Я ж по дружески подурачился. Давно заметил, дураки любят умничать, вот и стараюсь быть наоборот. Знаешь ведь сказку про то как поспорил лев с ослом. Только ведь осла не переспорить. Зарычал царь зверей может ты и прав, но я лев. И отобедал опонентом. История к нашей компашке, конечно, никакого отношения не имеет, но я, к вашему сведению, лёва по гороскопу.

– Это не так важно кто-ты по зодиаку, как существенно, если ты еще что-то подобное вякнешь, то получится с тебя неплохая свинья отбивная по книге о вкусной и здоровой пище. Я с преогромным удовлетворением отобью, а прапор, не сомневайся, с удовольствием приготовит.

– Понял и осознал, но если говорить серьезно, то веришь – нет, подальше пошевелиться практически приспичило. Это так издревле у нас повелось – всё ждешь чтоб чой-то произошло, да боишься, кабы чего не случилось.

Да, тут Цыган прав и Васькин, по праву опыта согласно

занимаемой когда-то должности, возглавил небольшое совещание на извечную со времен Н. Г. Чернышевского тему: «Что делать?». Виленин в своем бессмертном произведении название сплагатил, но этот вопрос должным образом так и не осветил, поскольку оный, да еще более современные «Хто виноватый?» и «Чо типа теперя?» до сих пор частенько не к месту волнует. Роман с молодой горячностью доказывал: – обростать бородами в горах таки нет смысла, потребно хоть куда-то двигаться. Может добраться до Пишпека? Там, вполне возможно, еще остались друзья-товарищи доподлинно уразумевающее происходящее и как с того выпутаться. – Фортуна, она бывает, поворачивается попой. Но важно не стонать по этому поводу, а как и любую рассерженную женщину, нежно погладить по подвернувшемуся месту, она глядишь и отгадет. Важно не нахрапом, а тонко подступить к этому делу. Возможно и у нас, если подойти с умом, не так уж все беспросветно плохо....

–

Думали монашки, глядя на подрастающую кукурузу.

–

Но даже при самом плохом раскладе нам, наверное, смогут помочь перебраться в Степную республику, а там и до Расеи недалеко – как говорят у нас в Отесе....

–

Наверное, смогут, помогут. Про Пишкек не знаю, а в вашей Одессе бывал. Там все анекдоты про малдаван, как у нас

про чукчей. И ещё там менталитет такой, у любого попроси всего что хошь, хоть сигареткой угостить, хоть с английской принцессой прям в её постели познакомить, ни в чём не откажут. Правда, лишней сигаретки ни у кого, какая жалость, в данный момент не окажется. И в остальном, никто пальцем не пошевелит, выполнить твоё пожелание. Некоторое и заключение лишь тому, чей кошелёк чуть крупнее чемодана. Есть у нас такая калита? Ну и нечего вякать за ту Одесу....

Старшина умением вести полемику не обладал, но высказался вполне конкретно, мол у него свои наметки, с обнаружением коих не озадачился, но пока замыслы господ офицеров не идут в разрез с его устремлениями, он согласится с тем предложением, которое больше подойдет.

Домой, на родину, он похоже не собирался, – кому он там за какой надобностью? Был он там не так давно, в отпуске, и не слегка одурел от увиденного. Накатило едва спустился на низенький перрон. На оный ведь когда ступаешь после долгой отлучки слезы умиления не сдержат. И только через пару недель, уезжая, замечаешь какой он загаженный окурками и прочей шелухой нашей культуры. А в этот раз сразу сразило, – на окошечках многочисленных киосчков надписи «Стучите открыто». В службе своей он боле всего стучачей чурался, а тут прямо сталинский лозунг. Посмеялся про себя, но далее стало не до смеху. Прямо с вокзала сел в автобус, а за ним ввалилась молодая компания, с пивом

и закусками расположившаяся на длинном заднем сидении. Кондукторша, коих Олег наблюдал только в раннем детстве, к подвыпившим салагам даже не приблизилась. На следующей остановке втиснулась старушка и сиротливо оглядывала салон в поисках свободных мест. Свой плацкарт скопившийся угрюмый народ ей уступать не собирался, и тогда Олег встал и крикнул бабке, – пробирайтесь сюда. Но старушка боязливо посмотрела на молодежь резвящуюся сзади отрицательно задергала головенкой, мол, хоть и старая, но лучше помереть в покое. Прапорщику стало стыдно и за себя, и за народ, что некому приструнить разбуянившихся салажат. Он, обернувшись довольно вежливо, попросил кофлю угомониться. На несколько секунд воцарилась удивленная тишина, но затем одна девица, скорее уж тяжелого, ежели легкого поведения, подвизгнула. – Эт чо за чмо тут пасть раззявило? И весь люд, трясущийся в автобусе, постарался незаметно вжаться ниже спинки сидений, а кто стоял, так почти за пластиковую перегородку водителя. В свободное пространство, с заднего сидения поднялся довольно плечистый пацан и ни словом не комментируя свои действия, попытался заехать Олегу ногой в грудь. Мальчишечка, годиков ближе к четвертаку, даже если и занимался каким-нибудь из единоборств, делал это явно без усердия. Прапорщик легко поймал его удар, а затем протолкнул набравшее инерцию тело дальше по проходу. И не виноват он был, что парниша зацепился рожей за одну из спинок сидений, слегка расплющив

нос и губы. Это, впрочем, пыл пацана мало остудило и, разбрызгивая матерные слова и кровавые сопли, снова попытался ринуться в бой. Олег, почти незаметным, смазанным движением пнул неутомонного по голени, чуть ниже коленной чашечки. Это действительно больно, когда удар не раз отработан. Будь прапор чуть покровожаднее и гипс, а то и постелька с растяжкой ждала бы его оппонента на долгий срок. Может оно и к лучшему, – было бы время задуматься о чем-то добром и светлом. Парень искренне взвыл, и заботливо обхватив ногу, попытался поудобнее устроиться на полу в проходе меж сидений. Вот тут тишину взорвал сначала женский визг, а затем визг тормозов. Автобус остановился, отворив все двери, из которых торопливо прошмыгнули мирные граждане. Еще один из пацанов, подскочив со скулящим матом, бутылкой разбрызгивающей пивную пену, попытался объяснить Олегу кто тут самый крутой, но от не сильного удара в лоб приземлился на своё место и стал усиленно изображать потерявшего сознание. Удар, конечно звонкий, но болезненный скорее для ударившего. Надо бы бить в кадык иль переносицу, но чуток не считаешь и отправится малый в свет, который все увидим, но хотелось бы попозже, лет эдак через пятьдесят после выхода на пенсию. Хорошо в подобной ситуации ударить ладошкой лодочкой в ухо. Тут действительно можно сделать больно до слез, но опасность не слегка лишить слуха. Только таковое слишком жестоко к мальцу несуразному. Он ведь не со зла, а просто красовался

перед компашкой, знакомством с которой чуть позже стыдиться будет, если за ум возьмется, до которого прапор сейчас достучаться пытался.

Остальной шпане такой поворот событий не понравился и в знак протеста, она (молодежь, конечно не золотая, но та-кож золотушная эпотажем) молча притихла. Насупившийся водитель с монтировкой в гориллоподобной ручище загородил подступы к своему рулильному закутку и, не произнеся почти ни одного слова, кроме нецензурных, попросил всех оставшихся покинуть автобус. – И ты, военный, тоже уматывай по добру-здорову, а я в парк.... Можно подумать несколько капель крови нарушили стерильность салона, заплеванного семечками и другим сопутствующим нашему транспорту....

На улице, когда присмирившая кодла удалилась на безопасное расстояние, один из пацанов, совсем уж по детсадовски крикнул: – Ну, мужик, мы с тобой еще встретимся!

К сожалению, нет – подумал прапор – а то бы я вас научил родину любить.

Что делать дальше бывший майор не знал, потому как и остальные не ведал происходящее во внезапно взбесившемся мире. Эта неизвестность, помноженная на ничем неоправданное ничегонеделание, мучила больше, отсутствия табака или почти постоянного и уже привычного, звона в ушах. Может прав Цыган, стоит только добраться до Акмолстаны,

ежели по прямой, то кажись вполне достижимой, все нормализуется само собой. Только и на ровном месте по прямой не всегда случается.

"Уехать бы спокойно на родину. Если не повезет пристроится в армии, начну новую жизнь каким-нибудь охранником. Вон дружок написал, в «секьюрити» нынче кругом требуются. Он уже в фирмах «АКМ» и «ВСС» порботать успел. Правда ни в одной не заплатили. . . . Не, в охранники пожалуй ниже плинтуса. Еще ниже один бывший сослуживец устроился. Поперся наниматься во франкский иностранный легион. Да что-то там не задалось. И поселился он тогда, на оставшиеся дембельские деньги прямо рядом с Лувром. Под мостом по над Сеной. У нас, правда, тоже можно некоторое время в стогах сена перекантоваться, но там теплее, а для общения хватает одной фразы Кисы Воробьянинова.

Нам такое не катит? Тогда можно в бандиты податься, вот то кажись престижно. Но там, говорят, на каждое место конкурс большой. Зато быстро подвижный. А тут, чует чуйка, досидишься до того, как не спросясь отправят охранником под начало святого Петра на КПП⁷³ рая. Иль и это не мне светит. о

А нет, пока еще всё по силам, пока не такой старый как прапорщик, надо энергично пошевелиться. Это после сорока жизнь практически заканчивается, остается только достойно и степенно пожинать плоды, засеянные в более ран-

⁷³ Контрольно-пропускной пункт

ние времена". А поскольку самому Вовчику еще далековато до означенного периода (целых три да с лишком года) и если посмотретья в зеркало, в давно не мытое, в полутемной комнате, то выгядим таким молодцом, точно можно попробовать начать все с начала. Главное вовремя сказать – свет мой зеркальце заткнись. Вот ведь тоже – говорят организм растет только до двадцати пяти лет. Почему же животику и мешкам под глазами того никто не объяснил. Вообще-то и в таком возрасте возраст начинает сказываться, если у молодого брызги из струи промазанной мимо писсуара попадали на лицо, то теперь сколь не ссы – последние капли в тусы. Но то с климата, толи глобального, толи потепления. Женщинам легче, их тот климат после пятидесяти настагает.

Остатки, а может быть, наоборот, зачатки интуиции подсказывали Васькину всё не так и не просто на окружающих просторах. Нетрудно понять в Пишпекию и Аджикистан хани пришли не прогуляться. И раз не только с его воинством, а аж и расейскими пограничниками так обошлись, значит, заварилась огромная неудобоперевариваемая похлека. Но не верилось майору, что в бывшей империи за такой короткий срок столь развалят армию, даже решится начать войну Чжунь совсем недавно неспособный производить собственное оружие, кроме скопированных расейских автоматов, изготавливаемых на построенных расейскими специалистами заводах.

Вовчик предложил провести небольшую разведывательную экспедицию в аджикское, или, может упекское село. Упекское предпочтительнее, потому вроде бы как нейтральное. Цыгану такая полумерная идея не очень нравилась, но пусть разведка, чем бездействие. Прапорщик предупредил о возможном наличии ханьского гарнизона, но против вылазки не возражал, только и машину давать не собирался.

—

До аула, по словам чабанов, километров сорок, не больше – один пеший переход. Зачем тратить понапрасну остатки горючего, да и без машины легче скрыться.

Цыган, так как не любил и не умел ходить пешком, робко возразил:

—

В этих межгорных долинах – ровных и голых, байбаку

74

негде спрятаться, а на машине бы резво слинять можно. (Кто в нормальном рассудке представит подобный ненормальный променад?) – Но не поддержанный авторитетом майора, быстро примолк.

Вовчик не планировал брать с собой пограничника, по причине его ранения, только тот сказал, что даже пятьдесят километров для него легкая разминка и пойдет только на пользу, а остаться одному и просто ждать, вот настоящая пытка. Выйти решили рано на рассвете, чтоб засветло дойти

⁷⁴ Байбак – здесь: сурок.

до селения, осмотреться. Если подозрительного ничего нет, к ночи узнать обстановку в кишлаке и в окружающем мире. Если что не так гладко окажется, то ночь опять же спрячет.

Цыган весь вечер ходил как в воду опущенный, еще бы, километров с сорок, да с гаком туда и столь же обратно. Это ведь почти как до луны, а оттуда точно все в мелких подробностях рассмотришь. Только там, если отбросить всяческую ложь, еще ни один живой человек не обозначился.

—

Лучше бы пристрелили и не мучили, только-только ножки стали зарубцовываться.

Он-то с удовольствием отказался бы от такого похода, но его мнением почему-то не интересовались, а по причине врожденной гордости не мог отнекаться от участия в мероприятии за которое сам же агитировал. Ночью он ворочался с боку на бок, тяжело и грустно вздыхал. К нему тихонько подсел прапорщик.

—

Рома, не спится? Страшно чоль?

—

Да нет, не страшно, просто муторно на душе, словами не передать. А настоящего ужаса, когда вовчиково войско хани на моих глазах уничтожили, столь натерпелся, все бояки должны быть глубоко побоку.

—

Нет, не правда, опаска она всегда в душе живет. Толь-

ко конченных идиотов, наверно, ничем не пронять. Да еще и страх, он всегда новую личину прикидывает, иногда и не самая ужасная самой гадкой бывает.

—

Как это?

—

Долго рассказывать, а перед завтрашним днем выспаться надобно.

—

Васильичь, ты ведь все равно ночами почти не спишь, я это знаю и мне сегодня чиво-то никак не уснуть – расскажи.

—

Сказку на ночь малому захотелось?

—

Пусть так. Но все лучше, чем бесконечные минуты до рассвета отсчитывать.

—

Хорошо, слушай, коли охота есть:

"В Афгане был заведен такой порядок. Очень часто какой-нибудь из местных князьков поддерживал по отношению к нам нейтралитет, или даже вполне дружеские отношения. Но это днем, а ночью направлял своих псов, душманов, нападать на наши посты. Да и мы, всем не уставали демонстрировать – у нас мир и дружба на веки вечные, а только самым зарвавшимся откручивали головы. Кому наглядно, а

кому исподтишка. Вот и приспичило нашему командованию ликвидировать одного из таких борзых авторитетов. Тем паче по каким-то каналам просочилась информация – гостят у него важные шишки из-за бугра. Выбрали нас добровольцев человек тридцать, имеющих опыт ведения боевых действий, т. е. хорошо убивать. Ребятки из десантуры, той еще, старой школы. Переодели во все туземное, на бритые головы шапки автохтонные⁷⁵

⁷⁵ Автохонтный – т.е. распространенный в этой местности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.